

На правах рукописи

АТАЕВА ТАХМИНА ХУСЕВОВА

**ГЕНДЕРНО ОРИЕНТИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА
В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Специальность: 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Научный руководитель:
доктор филологических наук
Мухторов З.М.

Душанбе – 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА В ГЕНДЕРНОЙ ПАРАДИГМЕ.....	15
1.1. Исследование гендерной языковой картины мира в лингвистике.....	15
1.2. Исследование проблем гендерной специфики языка	26
1.3. Особенности речемыслительной деятельности полов в гендерной языковой картине мира.....	29
1.4. Гендерные стереотипы в речемыслительной деятельности.....	51
Выводы I главы.....	58
ГЛАВА II. ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ ГЕНДЕРНОГО ФЕНОМЕНА В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	61
2.1. Особенности передачи гендерного феномена в таджикском языке.....	61
2.2. Особенности передачи гендерного феномена в английском языке.....	67
2.3. Гендерный фактор в переводе: индивидуальная парадигма.....	74
2.4. Гендерные особенности наименований профессий и деятельности.....	81
Выводы II главы.....	85
ГЛАВА III. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОЙ ЛЕКСИКИ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	87
3.1. Межъязыковая передача лексики гендерной маркировки.....	87
3.2. Особенности функционирования антропонимов в гендерном аспекте.....	94
3.3. Семантика слов гендерного значения при переводе	104
3.4. Ассоциативное восприятие лексемы женщина в сознании носителей таджикского и английского языков.....	118
3.5. Метафоризация гендерной лексики.....	123
Выводы III главы.....	145
Заключение	147
Библиография	152
Приложение	174

ВВЕДЕНИЕ

Язык, как первостепенно важное и феноменально-совершенное средство человеческого общения, важнейшее средство обмена мыслями, идеями, является также средством познания и может выполнять все вышесказанные разнообразные и сложные функции, так как представляет собой весьма гибкую и в то же время отлично организованную систему, содержащую подсистемы и различные слои и уровни. В данной системе и совокупности подсистем лексика языка представляет одну из разнообразных, колоритных и многофункциональных категорий и охватывает бесконечное количество тематических, лексико-семантических и концептологических групп. Следовательно, анализ и интерпретация лексического состава языка в плане выявления его сравнительно-исторических и типологических особенностей относится к наиболее важным аспектам научных изысканий в современном языкознании.

Актуальность настоящего диссертационного исследования определяется тем, что сопоставление лексики гендерных стереотипов и понятий в таджикском и английском языках пока еще не проводилось. Диссертационная работа посвящена анализу лексики гендерных стереотипов в таджикском и английском языках на основе их принадлежности к восточной и западной лингвокультурологическим общностям с учетом взаимодействия и взаимопроникновения языковых элементов в социально-психологическую и национально-культурную среду.

В рамках проведенного исследования рассмотрены теоретические аспекты изучения данного сегмента лексики в таджикском и английском языках, история изучения и тематическая классификация гендерного лексикона. Наряду с этим определяются её лексико-семантические особенности, специфика гендерных понятий, терминов, стереотипов и их обозначений в таджикском и английском языках в рамках таких лексических категорий, как

полисемия, синонимия, омонимия, антонимия, их семантические и метафорические особенности.

Таким образом, актуальность диссертационной темы обосновывается тем, что сопоставление лексики гендерных стереотипов и понятий в таджикском и английском языках даёт возможность более чётко и убедительно показать специфические особенности системы языковых средств, передающих гендерную идентичность носителей этих языков, рассмотреть дискурсы, контексты и коммуникативные ситуации, в которых развивается этот процесс, выявить лингвистические и экстралингвистические факторы, генерирующие данное явление.

Степень изученности темы исследования. Формирование понятия «гендер» в исследовательской системе отечественной лингвистики позволяет расширить прежние и открыть новые перспективы для осмысления различных сторон и граней языка в новом аспекте.

Одним из наиболее перспективных направлений гендерных исследований являются сопоставительные, кросскультурные, этнолингвистические и лингвокультурологические исследования, которые характеризуются наименьшей представленностью. В рамках этих подходов можно наиболее четко определить специфику отражения гендера в той или иной картине мира, а также исследовать формирование гендерной картины мира, гендерной языковой картины мира и этнокультурной гендерной языковой картины мира.

Следует особо отметить, что гендерный фактор именно в такой интерпретации только начинает рассматриваться в некоторых трудах ученых и исследователей и носит всё ещё фрагментарный характер. Изучение научных работ ряда учёных (А.В.Кирилина, И.И.Халеева, М.Дмитриева, А.Г.Михайлова) позволяет прийти к выводу, что в настоящее время термин «картина мира» широко употребляется именно в межкультурной коммуникации. На современном этапе развития научного знания важным является изучение картины мира каждого народа, потому что каждой

цивилизации свойственны свои формы мировосприятия и речемыслительной деятельности[144;161;212;132;40]. «Необходимо отметить тот факт, что к данной проблеме обращаются также исследователи, не являющиеся представителями лингвистической гендерологии»[19,64]. В российской лингвистической науке вместе с субъективным изучением специфики русских стереотипов феминности и маскулинности проводятся сопоставительные исследования (А.П.Мартынюк, В.И.Беликов, А.В.Кирилина, И.Г.Ольшанский) данной проблематики с привлечением материалов европейских языков.

Анализ состояния гендерных изысканий в современном таджикском языкознании показывает, что лишь незначительное количество работ посвящено кросскультурным исследованиям. Чаще всего они представляют собой сравнительный анализ одного определенного концепта на базе двух, а иногда и трех языков. Проблеме гендерного подхода к переводу в рамках гендерной картины мира уделено явно недостаточно внимания. Существующие исследования касаются лишь вопросов влияния личности переводчика, неадекватности передачи текста. Крупных комплексных исследований с целью систематизировать проблемы перевода, связанные с особенностями проявления гендерных стереотипов в различных языках, практически нет. Следовательно, есть необходимость опираться на исследования российских ученых. К примеру, вызывает интерес первая работа, посвященная «описанию образа женщины в русском языке» предпринятая Карин Тафель [187,237].

Данную проблематику в контексте взаимосвязи языка и культуры, в том числе лингвокультурологии, понятий правого и левого соотношения с мужественностью и женственностью, рассматривала Иржина Ван Лейвен-Турновцова, которая считает, что в большинстве культур правое понятие доминирует как понятие мужественности, а левое понятие (в значении «неправильное понятие») доминирует как понятие женственности.

О росте интереса к гендерным исследованиям свидетельствуют научные труды последних лет, в которых наблюдается внимание к некоторым фрагментам языковой системы в контексте гендерологии.

Развитие языка не зависит от развития общества, изменение значения слов является одной из форм развития языка, что способствует возникновению многочисленных семантических групп и категорий.

В таджикском языкознании вопросами изучения лексической семантики и перевода других языковых единиц в рамках сравнительно-исторического и типологического языкознания, а также их лексико-семантических особенностей занимались такие ученые-языковеды, как А.А.Керимова, Э.К.Собиров, А.Хасанов, А.Рустамов, М.Б.Шахобова и другие.

Начиная с 1995 года, благодаря трудам и стараниями международных организаций, были начаты первые социологические исследования по программам, связанным с положением женщины в современной таджикской семье, её деловым статусом и участием в политике. Зарубежные исследователи Ш.Тоджбахш, К.Харис, А.Рихтер, Д.Фоллингем и другие провели работу в этом направлении и внесли свой определенный вклад в решение гендерной проблематики в Таджикистане.

«Трудно быть женщиной в Таджикистане, но также трудно быть и мужчиной! Достаточно задуматься об экономической ситуации в стране... и трудовой миграции!» Данную картину жизни таджикских женщин представила исследовательница из Гейдельбергского университета в Германии Светлана Торно. Исследуя социальную роль женщин в Таджикистане, Светлана Торно сделала вывод, что гендерные отношения конструируются и проживаются в Таджикистане иначе (не имеется в виду все, но есть различия), и это формирует то, что женщины и мужчины чувствуют в отношении друг друга.

Сегодня в Таджикистане можно перечислить несколько ведущих неправительственных международных организаций, такие как Бюро

«Женщины в направлении развития» («Бонувон дар раванди инкишоф»), «Ассоциация женщин с высшим образованием» («Ассотсиатсияи занони маълумоти олидор»), «Традиции и современный мир» («Анъанаҳо ва замони муосир»), «Женщины-ученые Таджикистана» («Олимаҳои Тоҷикистон»), «Панорама», «Манижа», «Модар», «Лига женщин-юристов» («Лигаи занҳои ҳуқуқшинос») и другие, которые всесторонне занимаются гендерологией в Таджикистане.

Все вышеперечисленное является первым шагом в сторону интеграции различных гендерных вопросов в учебную программу высшего образования с помощью факультативных курсов. В 1999 году впервые в Российско-Таджикском (славянском) университете по инициативе общественного объединения *«Анъанаҳо ва замони муосир»* был разработан и издан специальный курс «Гендер и культура».

История введения специальных курсов по гендерным исследованиям на факультете востоковедения (ныне факультета языков Азии и Европы) Таджикского национального университета тесно связана с рассмотрением гендерных вопросов в языке и литературе.

В 2001 году по инициативе профессора кафедры иранской филологии Ф.Р.Амоновой и при поддержке гендерных программ Свободного европейского университета (Будапешт, Венгрия) был проведен научный семинар на тему «Гендер: язык и литература», в котором приняли участие ученые и специалисты университетов и институтов Национальной Академии наук Таджикистана. Материалы этих семинаров были опубликованы в сборнике статей и получили высокую оценку специалистов в данной области. С того же года на факультете востоковедения Таджикского национального университета ввели курс обучения «Гендерные проблемы в языке и литературе».

В последние годы активизировались исследования таджикских ученых в области концептологии, сопоставления значений слов и их лексико-

семантических особенностей в разных языках с точки зрения сопоставительного и типологического языкознания в рамках классификации определенных лексико-семантических групп, к примеру, теоретические и практические разработки ученых-лингвистов Д.М.Искандаровой, М.Б.Давлатмировой, М.Имомзода, Н.Б.Рахмоновой, А.Гуловой, М.Дж.Мамедовой, Н.Г.Бойматовой. Не обойдены также вниманием вопросы гендерологии и соотношения понятий, относящиеся к гендерным вопросам, в работах С.Д.Камоловой, А.М.Байзоева, У.Сафарова, Р.Шодиева, Д.Рахимова, М.Т.Махмаджоновой, М.Давлатовой, Ф.Амоновой, О.О.Махмаджонова.

Вместе с тем, несмотря на пристальное внимание лингвистов к проблеме гендерных отношений в языковом пространстве, обусловленных кросскультурным взаимодействием, очевидна необходимость глубокого всестороннего изучения гендерной лексики в таджикском языке в сопоставлении с другими языками, в том числе с английским языком, и систематизации гендерных особенностей в условиях формирования правильных переводческих решений и тактик.

Объект исследования. Объектом исследования диссертационной работы является гендерно ориентированная лексика в иерархии таких категорий как гендерные стереотипы, гендерно маркированная лексика, гендерно нейтральные лексические единицы, поликорректные и метафорические единицы с гендерным компонентом как ведущие функциональные единицы гендерной языковой картины мира.

Предмет диссертационного исследования. В качестве предмета исследования данного диссертационного исследования выступает совокупность вопросов межъязыковых соответствий передачи гендерно-ориентированной лексики, а также сопоставительный анализ функционирования гендерно маркированных, политкорректных и метафорических единиц с гендерным компонентом в гендерной языковой картине мира.

Цель исследования – проанализировать специфические особенности гендерно маркированной семантики лексики таджикского и английского языков, выявить гендерные стереотипы представителей данных лингвокультур и их влияние на речевое поведение носителей языков.

Для достижения цели исследования предусмотрено решение следующих **задач:**

- рассмотреть теоретические аспекты проблемы, акцентируя внимание на антропометрической и лингвокультурологической парадигмах исследований;
- проанализировать понятие «гендер» как лингвистическую категорию, определить принципы анализа этого явления в лингвистике;
- выявить особенности проявления гендерных стереотипов в языковом сознании носителей таджикского и английского языков, описать их коннотацию на примере языковых средств различных уровней;
- показать особенности проявления гендерных стереотипов в языковом сознании носителей таджикского и английского языков по результатам ассоциативного эксперимента;
- рассмотреть вопрос категории рода в языке контексте гендерной категоризации и констатации половой принадлежности;
- проанализировать гендерный фактор в процессе перевода с таджикского языка на английский и наоборот;
- определить наиболее приемлемые способы и пути решения проблем межъязыковой передачи гендерно ориентированной лексики.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые выявляются языковые особенности гендерно ориентированной лексики таджикского и английского языков, специфика гендерной лексики и гендерной языковой картины мира с учетом универсальных и этнокультурных стереотипов. Впервые осуществляется анализ ее функциональных единиц и структурных подтипов; исследуются особенности межъязыковых соответствий гендерно

ориентированной лексики в этнокультурной языковой картине мира; впервые производится систематизация особенностей и трудностей перевода гендерно ориентированной лексики и вырабатывается определенная схема их разрешения; вводится прием гендерной антонимии при переводе.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит существенный вклад в развитие лингвокультурологии и теорию межкультурной коммуникации. Для общего языкознания важным является углубление и расширение понятия гендерной языковой картины мира, анализ ее структурных подтипов и функциональных единиц. И это, в свою очередь, способствует изменению определенных особенностей норм языка, что может решить ряд проблем межкультурного и межгруппового общения. Положения и выводы данной работы способствуют дальнейшей разработке проблем гендерной лингвистики и общих и частных вопросов переводоведения, изучению и описанию механизма корреспонденции языка и культуры, а также презентации национально-культурных установок и гендерных стереотипов.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что его материалы и результаты могут быть использованы при составлении учебников по межкультурной коммуникации, в практике преподавания спецкурсов и проведения семинаров по лингвокультурологии и гендерной лингвистике, при обучении английскому и таджикскому языкам. Иллюстративный материал, а также предложенные переводческие решения и приемы найдут свое применение при составлении различных пособий по теории и практике перевода. Материал исследования может быть использован при написании курсовых и дипломных работ по данной теме.

Методы исследования. Основными методами исследования послужили приемы структурно-семантического и сопоставительного анализа, метод компонентного анализа, прием сравнительного анализа синхронных текстов, а также метод семантического анализа, как для обоснования имеющих мест закономерностей, так и для их проявления. Вместе с этим в

исследовании использовались различные комплементарные методы исследования: описательно-аналитический метод, элементы методов трансформации лингвистического эксперимента и количественной оценки, а также фрагментарно использованы в работе понятия и подходы иных гуманитарных областей знания, как психологии, психолингвистики, логики, и в ряде случаев к материалу применялся комплексный филологический подход.

Методологическая база исследования. Диссертационная работа базируется на общефилософских принципах, наряду с которыми язык идет как материальная, объективно-динамическая и меняющаяся система. Основополагающим принципом диссертационного исследования является объективность, которая обязывает рассматривать развитие языкового процесса с учетом объективных факторов, что вызывает необходимость проведения типологического и сопоставительного исследования таджикского и английского языков, позволяющего выявить универсальные и специфические их признаки. Данный подход имеет междисциплинарный характер и связан с поиском концептуально-ориентированных категорий в области лингвокультурологии.

Научную основу диссертационного исследования составляют идеи и концепции зарубежных лингвистов в области гендерных исследований Э.Сепира, Б.Л.Уорфа, Ю.Д.Апресяна, Н.Д.Арутюновой, А.Вежбицкой, В.Г.Гака; исследований языка и культуры Е.М.Верещагина, В.Г.Костомарова, В.В.Воробьева, Д.Б.Гудкова, Ю.Н.Караулова, В.В.Красных, Ю.М.Лотмана, В.А.Масловой, Ю.С.Степанова, В.Н.Телия, В.И.Карасика; исследований в области сопоставления и межкультурной коммуникации О.А.Леонтович, Л.Г.Саяховой, Е.Ф.Тарасова, С.Г.Тер-Минасовой, Н.В.Уфимцевой, теории и практики перевода В.С.Виноградова, Ю.А.Сорокина, В.Н.Комиссарова, Н.К.Гарбовского, Д.Робинсона, Т.А.Казаковой, Н.Галь, Д.И.Ермолович, Т.А.Фесенко, St.Campbell, J.Catford, A.Neubert, E.A.Nida, G.Steiner, S.Torno; а также идеи и концепции лингвистов-гендерологов И.И.Халеевой,

А.В.Кирилиной, М.Д.Городниковой, Е.И.Горошко, М.В.Ласковой, известных таджикских языковедов Н.Маъсуми, Д.Т.Таджиева, М.Н.Касымовой, Б.Камолетдинова, Д.Ходжаева, А.Байзоева, М.Т.Махмаджоновой, А.А.Хасанова, Т.Шокирова.

Основными методами исследования послужили методы структурно-семантического и сопоставительного анализа, компонентного анализа, сравнительного анализа параллельных текстов, а также семантического анализа как для подтверждения имеющих мест закономерностей, так и для их выявления. Наряду с этим, в работе использовались различные взаимодополняющие методы исследования: описательно-аналитический, элементы методов трансформации лингвистического эксперимента и количественной оценки, также фрагментарно использованы понятия и подходы иных гуманитарных областей знания – психологии, психолингвистики, логики и, в ряде случаев, применялся комплексный филологический подход.

1. Основные положения, выносимые на защиту: Гендерно ориентированная лексика, или гендерная языковая картина мира, является одним из фундаментальных понятий современной лингвистики. Языковая картина мира – это исторически сложившийся в обыденном сознании человека определенной языковой группы комплекс, или совокупность, представлений о мире, определенный метод концептуализации, выраженный в языке.

2. Проблема изучения языковой картины мира связана с задачей концептуальной картины мира, которая воссоздает своеобразие существования человека, его взаимосвязь с миром и картину его существования в определенной лингвокультурной среде.

3. Гендерные исследования как новое научное знание затрагивают вопросы межкультурного сопоставления гендерной лексики, а именно – проявления гендерных стереотипов на языковом уровне. Исходя из этого, можно

констатировать, что задача нашего исследования – рассмотреть особенности гендерной картины мира таджикского и английского языков.

4. Гендерная языковая картина мира формируется на основе языков отдельных народов и культур, источником которых является функционирование разных гендерных норм поведений, а также стереотипов в языках, проявляющих общие представления в языковом сознании отдельных народов.

5. Гендерные стереотипы и гендерно ориентированные, политкорректные и метафорические единицы с гендерным элементом являются основными действующими единицами гендерной языковой картины мира.

6. В результате определенных изменений в социальной среде меняются гендерные стереотипы и их восприятие. Процесс данных изменений значительно отличается у разных народов и в разных языковых общностях, изменения по-разному воспринимаются представителями различных лингвокультур и интерпретируются в языковом этнокультурном сознании.

7. Тенденция ослабить, то есть нейтрализовать, язык касательно гендера привела к образованию толерантного дискурса, где произведенные с законами толерантности – устные и письменные тексты передают заметную запутанность для межязыкового отображения.

8. Довольно заметно отличаются друг от друга гендерно языковые и этнокультурные гендерные языковые картины мира различных народов.

9. Особенности межкультурной коммуникации и межъязыковой передачи текстов, содержащих гендерно маркированные единицы, предопределяют концентрацию внимания на следующих аспектах:

- особенности передачи гендерного феномена в языках;
- гендерный фактор в переводе как индивидуальная парадигма;
- особенности перевода гендерно ориентированной лексики;
- метафоризация гендерной лексики.

10. Результаты сравнительного анализа гендерно маркированных языковых материалов таджикского и английского языков показывают, что необходимо избегать дословного перевода при межъязыковой передаче гендерно ориентированной лексики и употребить несколько основных переводческих приемов.

Степень достоверности и апробация результатов диссертационного исследования. Достоверность результатов изыскания подтверждается широким кругом научных источников и языковых данных, привлекаемых к анализу, апробированной теоретической базой исследований, применением комплексной методики исследований.

Основные положения диссертации были опубликованы в сборниках Всероссийских научно-практических конференций «Преподавание языков: цели, технологии, результаты» (2018) и «Методы, средства и приемы повышения эффективности образовательной деятельности» (2019). Результаты исследования в форме научного доклада обсуждались на X Научно-практической конференции «Ломоносовские чтения» (2019), текст доклада опубликован в Вестнике филиала Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова в г.Душанбе. Содержание диссертационной работы также нашло отражение в 5 статьях, опубликованных в научном журнале «Вестник Таджикского национального университета» (2018-2019), который входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Объем и структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех исследовательских глав, заключения, библиографического списка и приложения.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА В ГЕНДЕРНОЙ ПАРАДИГМЕ

1.1. Исследование гендерной языковой картины мира в лингвистике

Понятие картины мира, а именно определение языковой картины мира, является одним из актуальных аспектов современного языкознания. Следует отметить, что результатом объективации концептуальной картины мира в языке, также, существующие в двух плоскостях: как часть лингвоментального пространства народа и как часть ментального мира конкретного индивида, является «языковая картина мира». «Языковая картина мира не равна концептуальной: вербализируются не все содержания ментального мира, а лишь коммуникативно и культурно значимые для индивида или народа ментальные единицы».

Наряду с этим отражая результаты постоянной познавательной и социальной деятельности человека, концептуальная картина мира, изменяется гораздо быстрее языковой. Параллельно незначимая часть «языковой картины мира дольше сохраняют архетипические, реликтовые представления о мироздании». Значительная часть гендерных стереотипов как генезис, существование которого, определено древнейшими слоями человеческого сознания, относится к реликтовым представлениям.

Следовательно, вопрос изучения языковой картины мира взаимосвязана с вопросом концептуальной картины мира и представляет особенность и специфику человека, его взаимосвязь и существование в мире. «Языковая картина мира передает общую картину мира, формулируя различные картины мира человека».

Функция языка это, не только передача сообщения, но прежде всего, является внутренней дисциплиной, которая и есть сообщение. Воссоздается своего рода «пространство значений, то есть зафиксированные в языке знания о мире, по направлению которого, сливается национально-культурный опыт

конкретной языковой общности». Формируется мир говорящих на данном языке, то есть языковая картина мира как сбор знаний о мире, которые запечатлены в лексике, фразеологии и грамматике.

Термин «языковая картина мира - это не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [88,201].

Е. В. Фирсова утверждает, что «языковая картина мира служит промежуточным звеном между объективной реальностью и логической картиной мира. Языковая картина мира одной нации отличается от языковой картины мира другой нации в силу существования периферийных участков в языковой картине мира, детерминированных структурой языков» [131,51-57].

Признаком национальной специфики языковой картины мира у разных народов являются языковые пробелы, особенности лексической схемы языка, различия во фразеологии, метафоризации окружающего человека мира.

Сходная картина рассматривается в разделе грамматических категорий, также рассматривается точная асимметрия формы и значения, то есть наличие значения в сознании не имеющего однозначной грамматической формы для выражения, как категория рода имен существительных в английском языке.

Понятия, логические фразы национальных семантических форм мышления связаны с особенностью грамматического строя отдельного национального языка присутствием вместе с универсальными логическими формами мышления.

Абсолютно разные «образы мира» могут присутствовать за внешним сходством формальной структуры ядра языкового сознания, например, *одоб* или *эхтиром* у таджиков и в иной культуре. Одновременно, различия в языковой картине мира далеко не всегда указывает на кардинальных различиях на определенных частях картины мира и языкового сознания.

Несмотря на различия в языковой картине мира разных языков исследования в этой области показывают, что, в картине мира европейских языков, то есть носителей данных языков кроме расхождений, есть и много общего.

Следовательно, «языковая картина мира определяет интерпретацию человеком реальности путем языкового оформления, а картина мира рассматривается как “воссоздание в психике человека предметной окружающей реальности как косвенное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и подающееся сознательной рефлексии» [84,105-106].

Таким образом, важным составляющим языковой картины мира также являются гендерные признаки сознания, так как женщины и мужчины по-разному воспринимают мир и определенно существуют отличия в отражении окружающей действительности в сознании мужчин и женщин.

Мы согласны с утверждением А.В. Кирилиной: «Антропоцентрический подход к языку признанный в лингвистике предполагает усиленное внимание ко всем параметрам человеческой личности, отражающимся в языке. Гендер, понимаемый как культурно-обусловленный и социально-воспроизводимый феномен, представляет один из таких параметров...» [69, 238-242].

Достаточно много обсуждений, что структура сознания и действительности мужчин и женщин происходит по-разному. Утверждение полного соответствия данной разницы в большей или меньшей степени в различных лингвокультурных сообществах по динамике развития многочисленных исследований является необоснованным. Гендер

содействует в создании картины мира в целом, и организации социальных ценностей среди других социальных групп. Исходя из этого, с нашей точки зрения следует особо обратить внимание на гендерную картину мира, которая отражает большинство показателей гендерных отражений. Очень часто проблемы правильной передачи межъязыковых текстов и межкультурного общения возникают в силу отсутствия должного внимания к гендерной особенности картины мира.

Восприятие и оценка гендерной картины мира все чаще и плотно встречается в научных трудах западного и российского языкознания за последние двадцать лет. В таджикской лингвистике в работах некоторых исследователей можно встретить понятие гендерной картины мира, но как мы считаем, во всех этих исследованиях данный феномен рассматривается слишком ограничено. По большей части, гендерная картина мира воспринимается как женский и мужской дискурс, и рассматривается либо по отдельности, либо полностью, или в сопоставительном плане. Данный параграф предоставляет возможность сделать попытку осмысления природы гендерной картины мира.

В основном следует учитывать, что гендерная картина мира передает аксиологическое отношение к социокультурным особенностям полов, которое эффективно оценивает картину статуса мужчин и женщин в мире. В каждой культуре есть гендерная символическая реальность, которая связывает пол с культурной сферой согласно с социальной ментальностью.

В исследованиях многих ученых данной отрасли описаны разные параметры культурно-обусловленных, коммуникативных различий. Г. Хофстеде в результате проведенного исследования сумел сформулировать оси культурных сопоставлений. К примеру, в соревновательности:

- противопоставление социальных ролей как мужских так и женских;
- успех - для женщин ассоциируется с проявлением «мужских» качеств.

Уже в работах 80-ых годов Хофстеде, данный параметр имеет тяжеловесное название как маскулинность и фемининность [260].

В виду нашего диссертационного исследования под межкультурной коммуникацией, нашей задачей является «разбор процесса общения, взаимодействия, а также социокультурного обмена между представителями двух лингвокультурных сообществ». Под спецификой вербальной коммуникации, представляется особенность коммуникантов культур, то есть мужчин и женщин. Межкультурную коммуникацию можно принять каналом пересечения культуры и человеческого-гендерного общения и речевого поведения. Этим самым понятием и рождается такой взгляд на природу межкультурной коммуникации. Неизменное присутствие двух ключевых компонентов — «культура» и «коммуникация», может объединять разные термины межкультурной коммуникации и определяется как общение между представителями различных народов, вместе с тем функционирование гендерных стереотипов в языках.

«Межкультурная коммуникация — это такой вид коммуникации, в котором отправитель и получатель принадлежат разным культурам» [178,343], аналогично определение И.Н. Халеевой межкультурной коммуникации как «процесса общения (вербального и невербального) между коммуникантами, являющимися носителями разных культур и языков». Ю. Ким классифицируют межкультурную коммуникацию как «обмен культурными интересами: Межкультурная коммуникация - переходный, символический процесс, вовлекающий атрибуцию значений людей разных культур» [152,12-13]; «межкультурная коммуникация – это процесс общения и взаимодействия, осуществляемый между представителями различных культур или культурных сообществ» [115, 288]. Д.Б. Гудков определяет межкультурную коммуникацию как «общение языковых личностей, принадлежащих различным лингвокультурным сообществам», «адекватное взаимопонимание двух представителей разных культур в коммуникативном действии». В конце

80-х и в начале 90-х годов появилась гипотеза «гендерных субкультур» присущее к работе Гамперца (Gumperz) по изучению истории культуры, этнографии, этнологии, а затем межкультурной коммуникации. В работах Мальца и Боркер (Maltz & Borker), а также Таннена (Tannen) принцип межкультурной коммуникации распространяются на гендерные отношения [27,624].

Межъязыковая и межкультурная коммуникация имеет много разновидностей. При этом главным принято считать межкультурный дискурс, то есть живое общение между носителями разных языков и культур, а также правильное речевосприятие и письменная форма восприятия.

В современной науке рассматриваются различные вопросы взаимодействия культур, в которых сложилось несколько теорий межкультурной коммуникации. Задачи и проблемы взаимосвязи культур изучает современная наука. Рассмотрим некоторые известные теории Э.Холла высоко - и низкоконтекстуальных культур, теорию культурных измерений Г.Хофстеде и теорию культурной грамотности Э.Хирша. К примеру, «четыре показателя коммуникативных измерений культуры голландского социолога Г. Хофстеде:

- 1) дистанция власти (от низкой до высокой);
- 2) индивидуализм - коллективизм;
- 3) гендерный аспект (маскулинность - феминность);
- 4) избегание неопределенности (от сильной до слабой)» [155, 193].

Отдельное внимание из указанных показателей в рамках нашего исследования представляет гендерную картину мира определенных языков по признаку (*маскулинности — феминности*) и анализ речевого поведения. Такое измерение направляет определять и четко выразить выражены. Данный метод исследований культур, представленный Хофстеде, не показывает «буквального отношения к мужчинам и женщинам, а определяет определенные черты в культурно-национальном характере. По его мнению

мужскими, нужно считать культуры, в которых ценятся тщеславие, стремление к успеху, признание достижений и забота о высоком достатке, а женскими следует считать те культуры, в которых доминируют значимость межличностных отношений, сотрудничества, стремление к пониманию и проявляется забота об окружающих».

Несомненно, это отражается на культуре. Сущность категорий «маскулинность» и «фемининность» заключается в соотношении с обществом: с моделями поведения человека в обществе, с общественными оценками, также играет роль черты мужчин и женщин вместе стереотипами о «типичных мужских и женских ролях». И.В. Костерина определяет термин «маскулинность» как «набор определенных качеств и практик, дающих возможность представлять себя как мужчину» [77, 117].

Все представители в структуре гендерных корреляций расположены идентифицировать себя с определенными образами маскулинности и феминности. В данных ориентациях довольно четко раскрываются заметные диссонансы между, устойчиво-сложившимися взглядами и современными, в ходе которых прогрессивно развивается значимость андрогинных (бесполох) понятий.

«Пути развития цивилизации стремился и стремится не столько по пути достижения полной гендерной симметрии, сколько в сторону устранения вопиющей дискриминации женщины в современном мире, достижения гармоничного взаимодействия и развития обоих полов» [13,7-10].

Обобщая вышеуказанное, для нас становится очевидным то, что гендерная картина мира формируется гендерными стандартами.

«По вопросу к проблематике в межкультурной коммуникации в связи с тенденциями в развитии языкознания, то многие исследователи отмечают вклад таких областей знания, как философия, социология, культурная антропология, лингвострановедение, этнолингвистика, лингвокультурология, психоллингвистика, дискурсивный анализ, социоллингвистика, этносемантика,

межъязыковая прагматика, методика преподавания иностранного языка в развитие межкультурной коммуникации» [115; 60; 70; 85 и др.]. В такой иерархии, понятие межкультурная коммуникация распространилось на всю сферу гуманитарного и междисциплинарного аппарата.

«Действительное развитие межкультурной коммуникации началось с концептуальных работ Э. Холла в середине XX столетия. В это время межкультурная коммуникация формируется как область знания, которая пытается познать влияние культуры на коммуникацию, а также устанавливаются концептуальные рамки межкультурной коммуникации. Э.Холл дает общий анализ взаимосвязи коммуникации и культуры, акцентируя внимание, прежде всего, на сдвиге от однокультурного фокуса к бикультурному сопоставлению; возможности перехода понятия культуры с макроуровня к микроуровню; несомненной связи культуры с коммуникативным процессом; роли культуры во влиянии на человеческое поведение. Холл понимает межкультурную коммуникацию как процесс взаимодействия культур или семиотических объектов»[153,172].

И. И. Кон выделяет как минимум три группы определений терминов «маскулинность» и «фемининность»:

1. «Маскулинность – фемининность как дескриптивные. Описательные категории, обозначающие совокупность поведенческих и психических черт, свойств и особенностей, объективно присущих мужчинам и женщинам».

2. «Маскулинность – фемининность как нормативные (прескриптивные) категории, обозначающие совокупности идеальных, желательных образов мужчин и женщин».

3. «Маскулинность – фемининность как аскриптивные категории, которые обозначают один из элементов символической культуры общества, совокупность социальных представлений, стереотипов о том, какими являются мужчины и женщины в реальности» [74, 562-599].

Следовательно, становится очевидным, что Хофстеде развивая свою теорию, в действительности описывает глобальную гендерную картину мира, полагаясь на стереотипных, наиболее типичных представлениях о *маскулинности* и *феминности*.

Данные различия в понимании маскулинности и феминности, сформировали разные каноны, в зависимости от того, в какой научной парадигме они изучаются.

«Доминирование мужского или женского начала в той или иной культуре влияет на процесс коммуникации: в мужских культурах преобладает склонность к агрессивному коммуникативному стилю, поскольку соревнование важнее сотрудничества. Коммуникативный стиль в женских культурах значительно отличается от культур маскулинного типа, представители которой имеют более сильную мотивацию к достижению практических результатов, в работе они видят смысл жизни; признание, успех и конкуренция рассматриваются как главные источники удовлетворенности работой. В культурах феминного типа упор делается на взаимную зависимость и служение друг другу»[115,288].

Отсюда следует первостепенное значение детального рассмотрения и разбора гендерных стереотипов, оказывающих положительное влияние на общее сознание. Хотя в трудах таджикских ученых лингвистов рассматривались отдельные вопросы гендерных особенностей языка и литературы, однако такого комплексного монографического изыскания пока не проводилось и требует специального и комплексного научного подхода. Как уже было отмечено некоторые вопросы гендерной лексики в рамках анализа и интерпретации лексики одежды рассматривались в трудах таджикских ученых как С.П. Озер, и Д.Ч. Худойбердиева, а в трудах Р. Амонова и А. Байзоева вопросы гендерного феномена в литературе рассматривались данные вопросы на материалах устного народного творчества и художественной литературы.

Новый способ решения многих социальных проблем с точки зрения демократии, равенства, свободы - изучить их с гендерной точки зрения. Очень интересно и важно изучать этот вопрос во всех сферах таджикской культуры.

Общеизвестно, что во многих культурах мира фольклор - одно из бесценных духовных сокровищ таджикского народа, и гендерные отношения всегда играли в нем значительную роль. Поэтому очень важно исследование и анализ этого вопроса. Потому что нет раздела фольклора, где мы не могли бы наблюдать социальные отношения между мужчинами и женщинами. Например, на семинаре «Гендер: таджикский язык и литература», проведенном в 2001 году в Таджикском государственном национальном университете, были представлены презентации по гендерным вопросам и фольклору. В статье академика Р. Амонова «Типология женщин в таджикском народном рубаи» разъясняется социальный статус таджикских женщин в рубаи. Исследователь анализирует следующие темы, связанные с таджикскими женщинами, такие как «Нелюбимые любовники», «Принудительный брак», «Женщины, достойные похвалы и сострадания», «Они всегда ждут», «Скорбящие женщины» и так далее. На наш взгляд, образ пострадавшей в обществе женщины бывает в некоторых случаях униженным, бесправным, обездоленным, покорным судьбе [1, 5-17].

В статье Т. Исроиловой также анализируется образ мужчины, то есть мужчины и женщины в таджикском рубаи. Их частый словарный запас и изречения позволяют узнать, какие части человеческого тела в большей или меньшей степени отражены в народном рубаи [57, 40-42].

Статья, опубликованная в этом сборнике, называется «Положение женщины в героическом эпосе таджикского народа» и ссылается на слова С. Фатхуллоева. С уважением вспоминая выдающихся женщин, она сказала: «В таджикском фольклоре из числа женщин создан ряд фигур, которые стали популярными с точки зрения и поведения. Такие образы, как Ширмох и

Каракуз, изображенные в эпосе о героизме таджикского народа, могут особенно покорить сердце слушателя» [130, 49].

Если в докладе Д. Карамшоева «Из поведения и творчества женщин Бадахшана» тексты фольклора анализируются в контексте обычаев и традиций [59, 40-42], то в докладе Д. Рахимова «Толкование женских снов в таджикском фольклоре» важное исследование с примерами, собранными самим автором. [104, 69-78]. На сегодняшний день таджикские фольклористы редко собирают выпуск сновидений и их тексты, да и в европейских странах этим вопросом занимаются и различные науки.

В работе Р. Рахмони «Гендер и таджикские мифы» исследуется этот очень популярный жанр таджикского фольклора, в котором исследуется существование гендерных символов в этом жанре с древних времен до наших дней. Среди прочего он вспоминает: «В сказках некоторые отношения между мужчиной и женщиной, уходящие корнями в древнюю историю, по-видимому, были предметом столетий воображаемых приключений, в которых зацепки каждой эпохи использовались как жизненный опыт, переходящий из поколения в поколение. В этой статье Р. Рахмонов, хоть и коротко, но реалистично выдвигает гендерное рассмотрение таджикских мифов. Его усилия в этой области можно рассматривать как одно из первых исследований по этой теме, сфокусированных на мифических гендерных отношениях [105,52-55].

В 2002 году на английском языке вышла книга Рахмони, в которой был изучен этот вопрос. Книга под названием «*Занони афсонагӯи тоҷик: афсона ва суннат*» и привлекла внимание зарубежных исследователей [см.: Рахмони, 2002]. В этом произведении Р. Рахмони рассматривает только один текст сказки: «*Модар ва духтари угай*» в контексте непростого обряда и показывает его место в жизни таджикского народа [176, 72].

1.2. Исследование проблем гендерной специфики языкового сознания

На сегодняшнее время лингвисты сфокусированы к новым методам исследования, которые находятся за рамками классической лингвистики и комплектуют с другими науками. Относительно новая научная тенденция как психолингвистика является наукой на стыке лингвистики и психологии, которая дает новые указания для исследований. Термин, под которым понимается продукт рефлексивной психологической деятельности, в процессе которого, взаимодействия человека с предметной и социальной средой, в процессе трудовой и речевой деятельности получил широкий, охват как языковое сознание. В последние десятилетия центр лингвистических исследований сместился в сферу когнитивных, в частности, концептологических исследований. Значительный вклад в понимание ментальности народа-носителя языка вносят концептологические исследования, которые направлены на рассмотрение таких фундаментальных проблем, как структуры представления о мире и способы представления и их концептуализации в языке,.

Справедливо полагая, что важным источником эмпирических данных для теории познания является, в том числе и грамматическая структура языка. Работа Р. Джекендоффа, ведя с собой теоретический фундамент для дальнейших семантических исследований, предстаёт в то же время как некоторый итог многочисленных изучений в области антропологии психологии, философии и лингвистики, направленных на доказательство принадлежности языковых категорий когнитивному аппарату, на раскрытие концептуальной сущности и структуры языка [73, 817].

«Формирование индивидуального сознания происходит в процессе присвоения родной культуры, вместе с которой человек приобретает и общественное сознание носителей своей культуры. Индивидуальное сознание является своего рода продуктом общественного сознания и культуры, в

сознании нет ничего, чего не было бы заложено в культуре. Следовательно, по результатам индивидуального сознания мы можем судить и об общественном сознании в целом» [118, 42].

«Языковой уровень сознания, который отвечает за существование двух картин мира, как общая картина мира - сформированная совокупность системы знаний человека о мире, о себе, о ценностях; языковая картина мира как аккумулирующая модель общей картины мира и выражающей действительность знаковым подходом».

«В языковом сознании существует языковая природа, которая манифестирует себя в языке, и язык, по идее Лейбница, отражающая человеческую мысль, при помощи чего существует сознание общества. При этом языковые данные играют решающую роль в раскрытии базисных моделей менталитета различных групп населения» [78, 270].

Общеизвестно, что в «процессе взаимодействия и общения личности с другими членами общества происходит формирование человеческого сознания и его постепенного мироосмысления. Согласно концепции Л.С.Выготского который, организует восприятие языка как интерактивная система, связанна с культурно обусловленным сознанием. Возможности применения культурно-исторической теории развития психики Л.С.Выготского как психолингвистической основы для выработки теории межкультурной коммуникации широко обсуждаются в трудах многих ученых, где любые виды коммуникации, в том числе и кросскультурная, рассматриваются как механизмы, обозначающие познавательные процессы» [23, 430-436].

В настоящее время человек становится «сквозной идеей, которая показывает опыт ее анализа и описания, пронизывая во все аспекты изучения языка, одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучить человека вне его языка» [61, 264.] В последнее время усилилось внимание к лингвокогнитивным исследованиям

гендерного языкового сознания. На фоне некоторых исследований, предпочтительно стоит говорить не о жесткие правила речемыслительной репрезентации мужчин и женщин, а лишь об основных аспектах. Безусловно, женщины и мужчины по-разному используют зафиксированными в совокупном языковом сознании смыслами, в какой бы форме они ни были показаны, к примеру, понятийной, образной, символической. Актуализация семантики в языке, отражается на характере социально-языковой практики, в особенностях их речи на лексическом и грамматическом уровне, в ее стилистическом оформлении. Невзирая на много существующих весомых работ в области социолингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвокультурологии, языковой аспект гендерной проблематики все еще остается востребованным объектом исследований и требует для своего осмысления системного подхода, который принимает во внимание как лингвистические, так и экстралингвистические факторы, с привлечением большого количества эмпирического материала.

За последние годы в когнитивной лингвистике произошли особые сдвиги. Большинство когнитивные лингвисты начали исследовать эмпирические методы, как экспериментальные, так и корпусные. Решающим пунктом по данному направлению стали семинары *Empirical Methods in Cognitive Linguistics*, первый из которых состоялся в Корнелльском университете в 2003 г. По итогам работы этого семинара в 2007 г. был опубликован сборник статей, который внедряет когнитивных лингвистов в мир эксперимента. [151,53-86].

В отечественной науке исследованием лингвокультурологических и лингвокогнитивных проблем занимается лингвистическая школа под руководством профессора Д.М. Искандаровой. В этом плане стоит отметить научные изыскания Гуловой З.А. «Концепт «Еда» в русском и польском языках» [38], Мамедовой М. Дж. «Концепт «ум» в китайской и русской языковых картинах мира» [86], Имомзоды М.М. «Национальная специфика

языковой объективации концепта «семья» в лексико-фразеологической и паремиологической системах таджикского и китайского языков» [55], Давлатмировой М.Б. «Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта "Судьба" (на материале таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков)» [39], Каримовой Н.И. «Пространство как категория концептуализации языковой картины мира (на материале русского, польского и таджикского языков)» [62].

Следовательно, при исследовании гендерной специфики языкового сознания необходимо анализировать и сосредотачиваться на вышеприведенные научные направления, к примеру, психолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, социолингвистика, на такие понятия как общая картина мира, языковая картина мира, языковое сознание, индивидуальное языковое сознание. Данная разработка дает возможность изучить сущность языкового сознания, выявления структуры, типов, характера функционирования речевой способности индивида, а также активизация психолингвистических изысканий на базе данных свободного ассоциативного эксперимента и снятия межэтнической напряженности в процессах коммуникации.

1.3. Особенности речемыслительной деятельности полов в гендерной языковой картине мира

Стремительное развитие, как часть гендерных исследований, гендерная лингвистика начала лишь в конце XX века. Подавляющая часть российских ученых применяет определение гендера, данное в 1989 г. социологом Э. Гидденсом: «гендер – это не физические различия между мужчиной и женщиной, а социально формируемые особенности мужественности и женственности», «...если пол имеет отношение к физическим, телесным различиям между женщиной и мужчиной, то понятие “гендер” затрагивает их психологические, социальные и культурные особенности. Если пол индивида

биологически детерминирован, то род (гендер) является культурно и социально заданным». [28, 234]

Б. Мак Элхинни в свою очередь отмечает, что, «в рамках современной науки, гендер не является ни собственностью индивида, ни его свойством, которым человек обладает, или человеку принадлежит» [172, 21-42]. Следовательно, его стоит определять, как манеру поведения человека, продиктованную культурными ценностями и общественными устоями отдельно взятого общества.

Понятие «гендер» не является однозначным, и в этом состоит вся сложность. Существует многочисленные работы, в которых авторы изучают гендер, идентифицируя его с понятием «пол». Следовательно, отсутствие ясности в терминологической базе существует до настоящего времени. В данное время категория «гендер» практически переместилась из области социальных наук в сферу лингвистических исследований, в тоже время, стала весьма эффективно, изучаться в таких направлениях как прагматика и антропоориентированное описание коммуникативных процессов. В связи с этим А. В. Кирилина утверждает, что «в рамках лингвистического исследования не существует такой категории как гендер, однако посредством изучения структуры языка возможно выявление содержания данной категории» [66, 138-143].

Следует отметить, что категория «пол» уже на протяжении многих лет, так или иначе, изучается в области лингвистики. Эпоха античности была далека от феминизма. Но первые затрагивания понятия «пола» в пределах исследования языка датируются в античном периоде, так как категория грамматического рода изучалась ранее в Древней Греции и Древнем Риме. Тогда, ученые, опираясь на символично-семантическую гипотезу, полагали, что возникновение грамматической категории рода относится к существованию двух биологических полов. Вместе с тем семантика безынициативности и послушания предписывалась лексемам женского рода, а предприимчивость и

стойкость единицам мужского рода. Следовательно, данная концепция была несостоятельна с выявлением языков, в которых категория рода отсутствовала. Далее, была выдвинута теория, согласно которой «категория рода зачастую отражается на апперцепции лексем и понятий» [35,405]. Представление о сущности категории рода в наибольшей мере связано с представлением о ее генезисе. По историческим анализам многих языков показано, что «грамматический род рассматривается как явление довольно позднее. Первооткрывателем категории рода считается древнегреческий мыслитель Протагор. Как свидетельствовал Аристотель, Протагор начал различать три рода имен: мужской, женский и вещный» [3, 344].

Первые шаги в области гендерных исследований и коммуникации к началу XX в. начали совершать лингвисты с мировым именем (О. Есперсен, Ф. Маутнер, Э. Сепир). Несмотря на то, что в то «время их разработки в данной области еще не привели к формированию отдельного направления, ученые начали исследовать язык, как феномен, связанный с обществом в целом и человеком в частности. В языкознании сформировались следующие направления – прагматика, социо и психолингвистика, теория дискурса и коммуникации. Наряду с этим начались исследования отличительных особенностей мужской и женской разновидностей европейских языков: английского, французского, немецкого» [110, 122].

В 2002 году белорусский лингвист А. Першай в своей работе пояснил, что постсоветские лингвисты акцентируют внимание на описание языкового материала, не проработав гендерный анализ исследуемых единиц. По мнению исследователя «положение может измениться лишь после того как на смену анализу гендерных различий языкового материала придет вопрос о том, что, почему такая разница (между мужчинами и женщинами) есть и для чего она действует, а также почему гендер в лингвистике надо рассматривать как прикладную категорию» [100, 236-249].

На современном этапе развития гендерной лингвистики наибольший интерес вызывает то, «с помощью каких языковых средств создается гендерная идентичность, в каких коммуникативных ситуациях и типах дискурса это непосредственно происходит, какие именно лингвистические и экстралингвистические факторы оказывают воздействие на этот процесс. Интерес лингвистов сосредоточен на изучение особенностей языковой системы, а также форм и условий коммуникации» [65, 74-78].

Востребованность изучения особенностей репрезентации пола в социуме определяют ключевые аспекты гендерных исследований. Социальные и культурные факторы определяют отношение общества к мужчинам и женщинам. «Поведение индивидов в связи их принадлежностью к тому или иному полу, стереотипные представления о мужских и женских качествах, что переводит проблематику пола из области биологии в сферу социальной жизни и культуры находятся в фокусе» [67, 252].

XXI век характеризуется «высокой неогенностью», что говорит об изменчивости и закономерном развитии общества и лексическом составе языка. Язык и общество неразрывно связаны между собой. Лексический состав языка в различных сферах жизни интенсивно пополняется новыми единицами. Неологизмы являются отражением устоев, образа жизни, интересов современного общества. Одним из основных направлений исследований зарубежных и отечественных лингвистов остается изучение гендерной проблематики в языке. В нынешнем мире в области гендерных исследований создана научная основа для изучения проблемы «человек в языке». Антропоцентрический подход к языку, принятый в лингвистике, акцентирует усиленное внимание ко всем параметрам человеческой личности, отражающимся в языке. Гендер и является из таких параметров и принимается как культурно обусловленный и социально воспроизводимый феномен.

«Трактовка гендера с точки зрения *биологического эссенциализма*, передается подобным представлением гендера, как поляризованная

дихотомия. Данный подход к восприятию гендера уже модифицирован. Понимание гендера с позиций *социального конструкционизма*, признано более актуальным и продуктивным в гендерных исследованиях с 90-х годов XX века. Гендер в данной картине представляется не как врожденное качество человека, а как *социальный конструкт*, воспроизводимый в социальных отношениях различной иерархии и поддерживаемый социальными модулями общества. Такого рода динамическая модель гендерных отношений предусматривает, что, гендер хотя и остается неотъемлемой частью идентичности говорящего, его необходимо воссоздавать путем постоянного участия человека в социальных и дискурсивных практиках».

И. С. Кон замечает, что мужчина утверждает свою маскулинность и идентичность только благодаря женщине, а женщина – только благодаря мужчине. Их качества (половые, гендерные) формируются только во взаимодействии друг с другом – на фоне друг друга. [75, 485]

М.М. Валенцова приходит к выводу, несмотря на резкое разделение мужского и женского начала, довольно сильна тенденция их объединения, образования пар, «до-создание, достраивание каждого из этих начал до целого. Данная тенденция, также переживаемая в языке, поскольку они оба должны гармонично соединяться и в индивидуумах, и в социумах, и в природе». [17, 91-92]

Таким образом, «использование языка мужчинами и женщинами является для них одним из способов *быть* мужчинами/женщинами и *восприниматься* окружающими как носители соответствующих характеристик. В свою очередь, это предполагает, что мужчины и женщины могут сигнализировать о своей гендерной идентичности в различной степени в различных контекстах» [142, 1-21].

«У такого понимания гендера есть один важный аспект. Если мужчины и женщины, прилагают постоянные усилия, направленные на воссоздание своих

гендерных характеристик, посредством участия в различные рода социальных и коммуникативных практиках, это означает, что гендерная идентичность отражена в языковом поведении не *прямо*, а *опосредованно*, через конкретную деятельность или практику» [143, 51].

Именно последние формируют контекстуальные условия использования языка гендерными группами мужчин и женщин: «хотя мы остаемся мужчинами и женщинами в каждом контексте, наши роли *как* мужчин и женщин меняются от одной ситуации к другой, а наше языковое поведение отражает эту вариацию» [143, 51].

«Такое понимание взаимосвязи гендера и языка делает наиболее актуальным не изучение упрощенной дихотомии (деление), которая либо проявляется, либо нет, а изучение коммуникативного контекста, в котором влияние гендера либо усиливается, либо подавляется. Например, был проведен эксперимент, тщательно контролируемый в лабораторных условиях, в результате которого не было выявлено принципиальных различий в речи мужчин и женщин по исследованным параметрам» [148, 54-76]

В области психолингвистических и социолингвистических исследований одной из первых работ было исследование Т.Б. Крючковой в 1975 году под названием «Проблемы психолингвистики». Изучались особенности письменных текстов, созданных мужчинами и женщинами. Анализировалось и фиксировалось статистически употребление частей речи [79, 186-199].

Можно сказать, что язык больше всего представляется в своем функциональном аспекте и язык функционирует как механизм коммуникации и общения и поэтому функциональная сторона языка в обществе больше подвержена изменениям. Это одна из сфер применения языка. Соответственно имеет место воздействия на структуру языка. Такое воздействие на язык связано с установлением общеобязательных норм, то есть произношения, орфографии, грамматики и лексики и словоупотребление тоже по языковым нормам.

«Языковая политика» может быть разной, к примеру: сохранение языковой ситуации, расширений функций языка (развитие языка), деструктивности (развитию одного языка на другой). Эту классификацию выдвигает Л. Б. Никольский [138, 216].

Первая обществоведческое понятие системы мужских и женских функций была выдвинута американским ученым обществоведом Т. Парсонсом. По его мнению, «социум всегда стремится к состоянию прочности и подвижного равновесия, и тем самым функциональное дифференциация сфер деятельности мужчин и женщин выступает механизмом, который гарантирует такое положение. Данная концепция даёт понять, что окружающий нас мир более создан людьми, нежели природой. Именно люди, а не природа закрепили за мужчинами инструментальные функции и организационные задачи, а за женщинами – функцию поддержания эмоционального баланса между членами малых социальных групп: брачной и семейной» [15, 124].

Почти в каждом социуме, у женщин и мужчин есть приверженность использовать язык по-разному, в некоторых даже варианты речи рассматриваются как женский, так и мужской, соответственно, дифференциация мужских и женских ролей предоставляет нам возможность, трактовать о стереотипизации мужских и женских языков.. Тем не менее, оба пола имеют возможность без труда общаться друг с другом во всех социумах, хотя важность и выразительность половых дифференциаций в языке обсуждается многими учеными.

«Проявление дифференциации речи по гендерному признаку, специфические особенности речи женщин по сравнению с речью мужчин, проявляющиеся как на уровне системы языка, так и в процессе его функционирования» [48, 107].

Женские и мужские варианты этнических языков, как правило, отличаются либо словарем, либо разным «мужским» или «женским»

произношением, либо словарем и грамматикой параллельно. «В языке одной из народностей Антильских островов, к примеру, - два словаря: один используется мужчинами (и женщинами, когда они говорят с мужчинами), а второй - женщинами, когда они говорят между собой. В языке индейцев, живущих в Северной Калифорнии (США), одни и те же предметы и явления называются по-разному в зависимости от того, кто о них говорит – мужчина или женщина» [12, 73].

К примеру, «в Камеруне существует секретный язык юношей, проходящих обряд «инициации», призванный скрывать от непосвященных и, прежде всего от женщин, таинство культовой жизни иницируемых; их язык (лексический состав) может сознательно обновляться: нередко для замены старого слова достаточно того, чтобы его стали знать женщины» [12, 73-74].

Прежде всего, эпитет женского языка формулируется социальными, религиозными и другими аспектами. Существуют определенные языки, которые затрагивают дифференциацию фонологической системы. По свидетельству В.Г. Богорада, «в чукотском языке существует особое женское произношение».

«Женщины, в отличие от мужчин, произносят вместо *ч и р* только *ц*, в особенности, после мягких согласных» [136, 131].

В так называемых культурных обществах различия языковых стилей и языковых предпочтений между мужчинами и женщинами значительно меньше и они касаются главным образом не набора языковых единиц, а постоянства их употребления. К примеру, английские конструкции как:

- *John is here, isn't he?* – более подходящие для речи американок.

- *Is John here?* – характерны для мужчин – американцев.

С усилительным *so*:

- *I feel so unhappy!*

- *The sunset is so beautiful!* – более употребляемы в устах женщины [165, 328].

Диалог между мужчинами (на тадж):

- *Шунидам, ки орден гирифтаӣ. Рост?*
- *Рост.*
- *Чаро намеовезӣ?*
- *Чӣ лозим? Пурсупос сар мешавад: кай доданд? Чӣ кор кардӣ?*

Диалог между женщинами:

- *О нагуфтам оташ баланд нашавад!?*
- *Баланд нашавад, гуфтӣ-куя...*
- *Оё нагуфтам оташи газ тез аст?*
- *Оташ тез гуфтӣ-куя...*

* * *

- *Хат? Чӣ хел хат?*
- *Хат-дия. Мактуб, яъне [202,378].*

По нашему убеждению, нельзя рассмотреть специфику мужской и женской речи как совершенные речевые признаки. Существование мужского и женского вариантов таджикского и английского языков в корне ошибочно. Об определенных различиях уместно лишь говорить в речевом поведении мужчин и женщин. Простой подсчет языкового стиля мужской и женской речи может привести к неправильным выводам, из-за многогранности лингвистических форм.

Выявляя такие дифференции в употреблении языка, ученые могут аргументировать и справедливо считать, что в большинстве случаев это характерно для обществ, в которых давно существует социально – половое разделение. В таких обществах положение мужчин и женщин отличается в правовом, бытовом отношениях и соответственно последствия такого социального неравенства привело к расхождению языка [7,436].

Различия в употреблении тех или иных слов более глубоки, и как видно, отражают традиционную разницу положения мужчин и женщин в обществе. Например, слова *вдова* и *вдовец* по-разному употребляются: можно сказать -

Это вдова Петра Николаевича, но нельзя сказать - Это вдовец Ольги Ивановны. Вариант на английском языке: *He is a professional. She is a professional*, первая фраза имеет смысл, что некто хорошо владеет своей профессией: хороший специалист, хороший врач, хороший судья; вторая фраза имеет смысл: она – женщина легкого поведения.

В качестве примера можно представить носителей стандартного американского английского с парами предложений, идентичными синтаксически и с точки зрения референции лексические единицы и отличающиеся просто выбором «бессмысленной» частицы, в разговоре мужчины и женщины. К примеру:

(a) Oh dear, you've put the peanut butter in the refrigerator again.

(b) Shit, you've put the peanut butter in the refrigerator again.

вариант на тадж.

а) *Азизам, шумо равгани чормагзро боз дар яхдон гузоштаед.*

б) *Э бало, боз равгани чормагзро дар яхдон гузошти.*

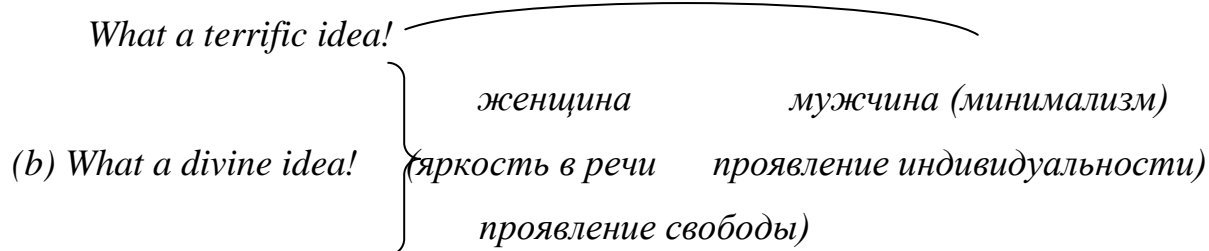
Можно с уверенностью предсказать, что люди классифицируют первое предложение как часть «женского языка», второй как «мужского языка». Разумеется, что многие уважающие себя женщины получают возможность публично использовать предложения (b), хотя, возможно, большинство жителей Средней Америки могли бы потворствовать использованию (b) для мужчин, они до сих пор не одобряют данное использование женщинами.

Касаемо таджикского языка, первый вариант присущ женскому полу.

Подобные различия существуют и в других местах словарного запаса. Например, группа прилагательных, которые помимо специфического и буквального значения, употребляется на одобрение или восхищение говорящего для чего-то. Некоторые прилагательные нейтральны по отношению к полу говорящего: либо мужчины и женщины могут их использовать. Но другой набор, в его образном использовании, кажется в основном, ограничивается женской речью. В связи с этим, специальный

репрезентативный список приводится в следующей параллельной таксономии: *мужчины (neutral): great, terrific, cool, neat; женщины (women only): adorable, charming, sweet, lovely, divine.*

Как и в случае с уже обсуждавшимся цветными словами и нецензурными словами, мужчина может сбиться с пути. Слова в колонке «женские» может нанести ущерб его репутации, хотя здесь женщина может свободно использовать нейтральные слова. Но из этого не следует делать вывод, что использование женщинами «женских» слов без риска. В данном случае женщина имеет выбор между нейтральными словами и женскими словами, но мужчина не имеет, она может предлагать совсем разные вещи о своей личности и ее взгляд на предмет по ее выбору слов из первого набора или слов второго набора. [167, 45-80]

Однако, «чаще она проявляется в лексике (например, в табуировании женщинами некоторых слов в ряде диалектов арабского языка, до начала XX-го века в казахском, алтайском языках). В японском языке к примеру, дифференциация языка на женскую и мужскую разновидности строго последовательна и охватывает систему местоимений (например, местоимение 1-го лица “boku/ore” часто употребляется мужчинами, а женщинами употребляется “watashi/atashi”), набор модально-экспрессивных частиц, систему форм вежливости (наиболее вежливые формы употребляются, как правило, женщинами)» [230].

Рассмотрим эквиваленты модально-экспрессивных частиц в таджикском языке: - указательные частицы – *ин, он, ҳамин, ҳамон*

- определительные частицы – *айнан, аниқ, ҳамин тавр, қариб, маҳз*
- выделительно-ограничительные частицы – *ҳамагӣ, ақалан, фақат*
- усилительные – *охир, ҳам, ку*
- утвердительные – *ҳа, бале, оре*
- вопросительные – *наход, ё, магар*
- побудительные – *хӯш, бигзор*
- модально-оценочное – *гӯё, гумон аст, ки, ҳеч не ки*
- восклицательные – *охир, монед э, ин чи, ки*

В данном случае с помощью частиц таджикского языка убеждают, что модальные частицы играют роль в оформлении предложений придавая гендерный оттенок:

Бас будагис э, инқадар гап задӣ. (женский вариант)

Бас, инқадар гап задӣ. (мужской вариант)

Мабодо ку, ягон воқеа рух надиҳад. (женский вариант)

Боз ягон воқеа рух надиҳад. (мужской вариант)

Одно из исследований речевого поведения востоковеда – япониста, профессора В.М. Алпатова выглядело так: «студентов произвольно разбивали на пары женщина/мужчина и записывали их диалоги. Когда идет диалог, случаи полного равенства бывают редко, а обычно кто-то в диалоге ведущий, кто-то перебивает, кто-то меняет тему и навязывает своему собеседнику свой план разговора» [232].

Различие мужской и женской речи в традиционных обществах бывает вызвано жесткими запретами. А что происходит в современном обществе? «Главное – это различие, вызванное тем, что какие-то области терминов женщины в меньшей степени осваивают, чем мужчины. Но, как известно, терминология может очень быстро меняться. А вот более мелкие особенности речи, на которые человек уже не обращает внимания, когда говорит, могут

сохраняться, характеризуя его с точки зрения пола. Японка, женщина - лингвист признавалась, что думала ей надо говорить *по-мужски* раз работает в *мужской* области с мужчинами. Но когда она начала следить за своей речью, то обнаружила, что в каких-то деталях она продолжает говорить *по-женски*» [245].

Несмотря на противоположность пола, очень часто можно встретить властных, дерзких и целенаправленных женщин и наоборот зависимых, хаотичных и экспансивных мужчин. В современном обществе и женщины, и мужчины комбинируют гендерные признаки.

В книге «Культура и мир детства», Маргарет Мид (американский антрополог, основательница Института сравнительной культурологии 1901-1978) представляет свои наблюдения жизни трех племен в Новой Гвинее. М. Мид была уверена, что коренные различия между полами все-таки же есть. По её убеждению, мужчины и женщины предназначены для определенных ролей. Полученные результаты превзошли ожидания. В племенах, в которых были проведены исследования, мужчины и женщины исполняли абсолютно различные роли – противоположные общепринятым стереотипам, считающимся «естественным» для каждого пола [91, 67].

Исследование, которое провела М. Мид в Новой Гвинее, заставил её пересмотреть свои взгляды на «естественные» роли мужчин и женщин. Она сделала вывод, что в каждом обществе определены роли мужчин и женщин и это не означает наличие противоположностей между представителями обоих полов и подчинения между ними [91, 324].

Конечно же, «в центре внимания стоит лексика конкретного языка, то есть связь с сознанием, с представлениями о мире не выражается как существенный фактор, требующий учета. Подход к единицам языковой картины мира с позиции методологии лексической семантики дает возможность представить культурно-обусловленные значения слов в таком

виде, при котором над ними можно производить формальные операции: исчислять компоненты и сопоставлять».

«Вместе с лексико-семантическими исследованиями языковой картины мира она изучается и на основе анализа фразеологии»[36, 13-14]. В работах такого типа, как правило, лексика и фразеология являются материалом, на основе анализа которого делаются те или иные выводы, языковая картина мира оказывается связанной не с какой-то формой сознания (индивидуальной или коллективной), а с системой языка, и описание языковая картина мира осуществляется на основании семантических полей и словарных дефиниций. Постулируется, что фразеология отражает совокупный языковой опыт коллектива, который может существенно отличаться от индивидуального. Разумеется, многие слова вбирают в свое значение ключевые для данной культуры понятия и явления, обладают богатой палитрой национально-культурных коннотаций, образуют обширные гнезда. Часто фигурируют во фразеологии языка и в повседневной речи, но это не дает оснований утверждать, что такие слова всякий раз используются говорящим во всем богатстве своего значения.

«Каждый язык может передавать конкретный алгоритм восприятия и устройства мира, или конкретную языковую картину мира. Общие взгляды о мире, привязанных в значении разных слов и выражений данного языка, комплектуется в некую единую систему взглядов и предписаний, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка». «Владение языком предполагает владение концептуализацией мира, отраженной в этом языке». Особенно важным и значимым видится мнение О.А. Корнилова, который считает, что «применительно к лингвистике картина мира должна представлять тем или иным образом оформленную систематизацию плана содержания языка. Наряду с коммуникативной, информативной и эмотивной функциями, язык выполняет еще и «функцию фиксации и хранения всего комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества о мире.

Такое универсальное глобальное знание – результат работы коллективного сознания – зафиксировано в языке, прежде всего в его лексическом и фразеологическом составе» [76,18]. При существовании различных видов человеческого сознания, «результат осмысления мира каждым из видов сознания фиксируется в матрицах языка, обслуживающего данный вид сознания», что позволяет говорить о множественности языковых картин мира: о научной языковой картине мира, о языковой картине мира национального языка, о языковой картине мира отдельного человека». Рассмотрим лексемы человек, женщина и мужчина в таджикской языковой картине мира. На наш взгляд, «в словарях наиболее наглядно представлена «универсальная» языковая картина мира, под которой следует понимать «образ действительности, сложившийся в коллективном сознании того или иного народа». Познакомимся с лексическими значениями, данными в «Фарҳанги забони тоҷикӣ», вышедший под редакцией М.Ш. Шукурова, В.А. Капранова, Н.А. Масуми.

ОДАМ – 1. мувофиқи асотири Таврот номи аввалин инсон, ки гӯё худо онро аз гил офаридааст ва бо васвасаи шайтон аз гандуми мамнӯъ хӯрда бо занаш Ҳавво аз чаннат ронда шудааст. 2. одамизод, инсон; чинси одам. 3. хидматгор.

МАРД – 1. чинси муқобили зан. 2. одами далер, диловар, шучоъ, мубориз. 3. одами росткор, содиқ, ба аҳду паймон ва қавли худ устувор. 4. ҳариф, ҳамчанг, чанговари муқобил.

ЗАН – 1. чинси муқобили мард. 2. Зан (араб.) – гумон, пиндошт.

ИНСОН – 1. (араб) одам, одамӣ, башар. 2. (мач) мардумаки чашм.

Теперь, рассмотрим толкования слов в толковом словаре английского языка OXFORD.

MAN – 1. a grown-up male human being. 2. an individual person. 3. mankind. 4. A piece used in chess or other board games.

WOMAN – a grown-up female human being.

HUMAN – relating to a person; characteristic of humanity.

HUMAN BEING – a man, woman or child; an individual of the humankind.

Анализ словарных статей показал, что в двух приведенных толковых словарях таджикского и английского языков, женщина – это всего лишь «представитель женского пола», есть лишь биолого-анатомическое различие между мужчиной и женщиной. В словарях английского языка делается уточнение, что слово “man” в значении человек не имеет отношение к половому разделению. Смысл подобного разделения отсутствует в словах *mankind*, *anchorman* и во многих других единицах, имеющих в истоке “man”.

Развитие прав женщин в Таджикистане, введение механизмов их защиты в системе прав человека дали возможность добиться приобретения нового статуса в социуме и государстве, атрибуция равных возможностей, как для мужчин, так и для женщин. Появление международных организаций и специальных международных документов в области защиты прав женщин, были обусловлены тем, что на протяжении долгого времени положение женщин было неравным по сравнению с мужчинами. Именно наличие устоявшихся стереотипов, традиционно-культурные и религиозные обычаи, которые принижали роль женщин, стала причиной данной ситуации. [214]

Фольклор же способствует сохранению традиционных ценностей и принципов и выполняет важную воспитательную функцию: уважение мужа, главенство мужа, подчиненное положение женщины, целомудренное поведение. Социальное положение женщины и мужчины на бытовом уровне определяется в правилах поведения, нормах этикета, которые, в свою очередь, закрепляют статус подчиненности женщины. На сегодняшний день наше таджикское современное общество старается слиться в европейское сообщество и стран бывшего Союза, абсорбируя не только положительные, но и самые неприглядные картины. Разумеется, общество не приветствует ту, которая действует вопреки установленным правилам и поведения в быту.

Констатируя факт, женщины, которые беспрекословно слушаются во всем мужа, безоговорочно подчиняются мужу, ведут себя согласно нормам нравственности и морали, не исключает предписанного правила, что женщину следует испытать, чтобы удостовериться в ее благих помыслах и скромном поведении.

Ислам признаёт, что мужчины и женщины имеют физические различия, однако в духовной сфере они абсолютно равны перед Богом. Коран и Сунна однозначно утверждают, что пол человека не имеет никакого влияния на их награду или наказание в следующей жизни.

«Аллах их ответил им: «Я не погублю деяния, совершенные любым из вас, будь то мужчина или женщина» (Коран 3:195).

«Воистину, для мусульман и мусульманок, верующих мужчин и верующих женщин, покорных мужчин и покорных женщин, правдивых мужчин и правдивых женщин, терпеливых мужчин и терпеливых женщин, смиренных мужчин и смиренных женщин, подающих милостыню мужчинам и подающих милостыню женщинам, постящихся мужчин и постящихся женщин, хранящих целомудрие мужчин и хранящих целомудрие женщин, и часто поминающих Аллаха мужчин, и женщин, Аллах уготовил прощение и великую награду» (Коран 33:35).

В заключение хотелось бы отметить, что «именно Ислам утвердил абсолютное духовное равенство мужчин и женщин, сделав их равными перед Богом. В вопросах права Ислам также содействует реальному равенству мужчин и женщин, признает их уникальные возможности и способности и охраняет права обоих полов» [229].

Методам конструирования гендера в английской фразеологии посвящена монография И.В. Зыковой. Данная работа является системным исследованием гендерного аспекта английской фразеологии и показала результаты исследования проблемы на фразеологическом материале.

Проблемы изучения гендерного фактора во фразеологии, исследователи выдвигают как: а) семантическая усложнённость как результат вторичной номинации (переосмысление готовых языковых единиц); б) нейтрализация грамматической категории рода; в) особенности согласования внутри синтаксической цепочки; г) отсутствие четких критериев отбора фразеологизмов для изучения гендерного фактора.

И.В. Зыкова же исходит из понимания фразеологического треугольника, который обладает структурой, семантикой и референцией.

Арчер Тейлор, в своей работе “The Proverb” (Пословица) в 1931 году отметил, что невозможно сформулировать определённую дефиницию пословицы. Его объективным выводом является высказывание «The definition of a proverb is too difficult to repay the undertaking» (Попытка дать определение пословицы слишком емкая и обширная задача, чтобы стоило за нее приниматься) [189, 3]

Б.Дж. Уайтинг в своих трудах отмечал, «пословица - это созданное людьми выражение, смысл которого кроется в его форме и самой фразе. Она содержит в себе своего рода аксиому, прописную истину отдельно взятого языка, правда, часто приукрашенную, но не лишенную аллитерации и рифмы» [193,80].

Широко употребляемая активность женских лексем в пословицах, стихах таджикского языка олицетворяет женщину, и авторы мастерски описывают положительные черты женщин, то есть гендерная асимметрия не выражена на первый взгляд:

Зани хубу фармонбари порсо,
Кунад марди дарвешро подшо. Саъдӣ

В данном отрывке стихотворения поэт описывает женщину фразами и словами: хуб, фармондехи порсо. В самом слове *хуб* подразумевается огромная сила женщины: умная, терпеливая, воспитанная, образованная; *фармондеҳ* – сильная духом; *порсо* – чистая, совестная.

Зан зан зи *вафо* шавад, зи зевар нашавад,

Сар сар зи *даҳо* шавад, зи афсар нашавад. *Саной*

В данном отрывке поэт говорит о преданности, ловкости и уме.

Зани нек офияти зиндагонӣ бувад (таджикская пословица) – в данной пословице также речь идет о порядочности и преданности женщин.

В пословице же автор приводит в пример хорошую жену как залог здоровой семьи! Да, действительно в поэзии достаточно восхваляют женщин, но присутствует некое подразумевание, например отрывок от *Саной*. В описаниях: *зевар нашавад - афсар нашавад*, есть оттенок гендерной ассиметрии: да будет жена покорной и преданной, нежели украшением, пусть она будет умной, но не главной.

Первые научные работы по гендерологии исследовательских работ показывает пределы возникновения речевого поведения мужчин и женщин – их отличия, превалирования, редкости и уникальности. В работах западных ученых, только начинавших изучение гендерной проблематики, фигурировала парадигма, язык мужчины - это норма, а язык женщины - отклонение от нормы. Основные концепции критической лингвистики, некоторые воззрения В. Гумбольдта и его последователей, а также знаменитая гипотеза Сепира – Уорфа послужили как теоретическая база для феминистской критики языка. [212].

По другим источникам, гендерные исследования на материале европейских языков были проведены Маутнером (Mautner 1913) и Есперсеном (Jespersen 1922). Работы Маутнера показывают дифференцию речевого поведения мужчин и женщин историческими причинами: в театрах Древней Греции и Древнего Рима все роли исполнялись мужчинами, речь которых считалось эталоном. Есперсен пришел к выводу, что женщины и мужчины способствуют развитию языка, потому как женская речь более традиционна и прогрессивна, мужчины же напротив стремятся поменять направление речи [122, 223]. Работы Маутнера и Есперсена носили интуитивно-описательный

характер нежели научно-обоснованный. Однако они важны как истоки современных гендерных исследований.

«Язык и место женщины» является одним из первых работ американского исследователя Робин Лакофф [166, 256]. В этой книге Р. Лакофф показывает основные отличия женской речи от мужской:

1. Употребление женщинами больше «пустых» оценочных прилагательных (к примеру «мило»);

2. Там, где мужчины употребляют утвердительные формы, женщинами употребляются вопросительные;

3. Вежливые формы высказываются женщинами;

4. Женщины чаще используют неуверенные формы («вы знаете», «мне кажется», «наверное», «может быть»);

5. Женщины чаще употребляют усилители («так мило», «очаровательно»);

6. Частое употребление женщинами гиперкорректной грамматики.

Автор книги также нашла ряд особых признаков женской речи, еще эффективные прилагательные, используемые для выражения эмоциональной реакции, которые были отмечены выше. Р. Лакофф считает, эти и другие черты женской речи делают её неуверенной «слабой» и «безвластной». Термин «женский язык» был введен Р. Лакофф, после чего появились термины: *genderlect*, *the female register*, *gender-linked language*. Р. Лакофф с предложением существования гендерлекта и постоянных признаков, была подвержена критике, так как ученые лингвисты посчитали необходимым исследовать речь женщин и мужчин в конкретном контексте, с более профессиональным подходом к изучению женской речи. Тем не менее, на противоречивость некоторых идей, предложенных Р. Лакофф, её труд «Язык и место женщины» *«Language & Woman's place»* считается манифестом, для тех, кто идёт по цели избавиться от социального неравенства между мужчинами и женщинами [165, 328].

В статье «Лингвистические гендерные исследования», исследователи выявили отличия между мужской и женской письменной речи в следующем порядке:

«Мужская письменная речь:

- 1) использование армейского и тюремного жаргона;
- 2) частое употребление вводных слов, особенно имеющих значение констатации: очевидно, несомненно, конечно;
- 3) употребление большого количества абстрактных существительных;
- 4) употребление при передаче эмоционального состояния или оценки предмета, или явления слов с наименьшей эмоциональной индексацией; однообразие лексических приемов при передаче эмоций;
- 5) сочетания официально и эмоционально-маркированной лексики, при обращении к родным и близким людям;
- 6) использование газетно-публицистических клише;
- 7) употребление нецензурных слов как вводных и однообразие используемых нецензурных слов, а также преобладание нецензурных инвектив и конструкций, обозначающих действия и процессы, а также преобладание глаголов активного залога и переходных;
- 8) несоответствие знаков препинания эмоциональному накалу речи» [101,87-96].

«Женская письменная речь:

- 1) Наличие, множества вводных слов, определений, обстоятельств, местоименных подлежащих и дополнений, а также модальных конструкций, выражающих различную степень неуверенности, предположительности, неопределенности (может быть, по-видимому, по-моему);
- 2) склонность к употреблению "престижных", стилистически повышенных форм, клише, книжной лексики (испытывал чувство гадливости и брезгливости; резкий разговор; силуэты подростков);

3) использование коннотативно-нейтральных слов и выражений, эвфемизмов (нецензурно выражался вместо матерился; в нетрезвом виде вместо пьяный);

4) употребление оценочных высказываний (слов и словосочетаний) с дейктическими лексемами вместо названия лица по имени (эта сволочь; эти подонки);

5) большая образность речи при описании чувств, многообразие инвектив и их акцентуация при помощи усилительных частиц, наречий и прилагательных» [101,87-96].

«Одним из признаков укрепления позиций лингвистической гендерологии, как самостоятельного научного направления, можно считать появление ряда работ методологического характера, в которых поставлен вопрос о применении гендерного подхода в обучении межкультурной коммуникации. Рассматриваются проблемы разработки общенаучных подходов к изучению гендера в лингвистике, сформулированы частно-научные задачи исследования гендерных аспектов языка и коммуникации и перспективы дальнейшего научного поиска» [132,7-11].

Другая особенность всплывает в ходе изучения исследовательских работ, как гендерный подход в науке базируется на идее, что важны не биологические различия между мужчинами и женщинами, а культурное и социальное значение, которое дает социум данным различиям. Именно социокультурная оценка и интерпретация являются значимыми, а также структура на базе данных различий системы социальных отношений.

Анализ категории «гендер» позволил представить этапы его становления как термина, имеющего особый статус и структуру. Гендер передает сложный социокультурный процесс, структуризации социумом мужских и женских ролей, маркируя различия в поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках мужчин и женщин. Результатом этого процесса, его теоретического осмысления также является социальное строение «гендер».

Ведущими элементами создания гендерных различий служат противопоставление «мужского» и «женского» и подчинение женского начала мужскому началу, имеющее многовековую историю, как отмечалось выше.

1.4. Гендерные стереотипы в речемыслительной деятельности

Анализ гендерных проблем в лингвистике позволил исследователям выявить наиболее важные особенности гендерных исследований в этой области науки по сравнению с юридическими и социальными гендерными исследованиями. Прежде всего, предметом исследования в данном случае является связь между языком и полом, то есть принадлежность к определенному полу и его выражение в языке: номинативная система языка, лексика, синтаксис, гендерная категория и др. Во-вторых, целью гендерных исследований в лингвистике может быть изучение речевых особенностей полов, определение и описание речевых характеристик мужчин и женщин. В-третьих, гендерные исследования в лингвистике обычно носят междисциплинарный и сравнительный характер. В-четвертых, все отрасли и части лингвистики могут быть проанализированы и исследованы с точки зрения гендера. И наконец, гендерный анализ в лингвистике носит скорее экспериментальный и практический характер.

Одним из основных направлений феминистской критики языка является изучение «различия», то есть дискриминация образа женщины в языковой схеме мира или наличия несоответствий в языковой системе, направленных против женщин. В 1970 году Мери Рич Кей организовала первый семинар по проблемам языка и пола в Калифорнийском университете. В 1975 году по материалам проведенного семинара выпустила книгу под названием «Мужской / женский язык». В том же году были изданы монографии Луизы Пуш «Немецкий – язык мужчин» и Сенты Тремель-Плетц «Женский язык – язык перемен», которые были написаны на данных, полученных на базе немецкого языка. Специальный журнал «Женщины и язык», в котором

излагается вся свежая информация по международным и междисциплинарным исследованиям в области феминистской критики языка издается с 1976 года. Представители этого движения считают, что язык отражает видение человека (мужчины), навязывая чисто «мужские» ценности для всех. В этом смысле все языки, на которых говорят в патриархальных обществах, являются «мужскими». Основным объектом таких исследований является лексическая структура языка или же лексика самого языка. Наши исследования в этой области выявили следующие факты:

-синтаксическое сопоставление слов основывается на грамматическом роде той части речи, которая соответствует речи, а не на фактическом представителе пола;

-понятия «мужчина» и «человек» имеют одно значение и являются эквивалентом во многих языках;

-большинство слов адресованных, именно женщинам, образуется с помощью слов, которые «принадлежат» мужскому полу. Такие как: учитель-учительница, муаллим-муаллима;

-большинство лексических образований, используемых для описания женщин, носят негативный характер.

Даже пытаясь дискредитировать мужчину используются выражения, характерные для женщин: занакмицоз, занакча (как женщина, как баба), занак барин метарсей (стереотип среди мужчин, который переводится: бояться как женщина – баба).

Сьюзан Ромейн, английский исследователь, приводит интересный пример в своей работе: *Отец и сын попадают в аварию. Отец умирает, сын доставлен в больницу в критическом состоянии. Хирург, увидев его отказывается от операции, говоря: «Я не могу оперировать его. Он мой сын».* [265] Данная история для слушателей может показаться невозможной, безумной или же насмешить, ведь на самом деле хирург оказывается матерью мальчика!

В действительности, тяжелое положение женщин в обществе является полной противоположностью того, как мы относимся к нашим матерям. Когда мы оцениваем женщину не как мать, а как часть общества наравне с мужчиной, ситуация приобретает другой характер.

Тяжелое положение таджикских матерей, рост младенческой смертности, состояние здоровья матерей и их социальное положение еще более выражены в сдующем стихотворении Лоика «Суол аз модари точик» [6,125].

*Модари точики ман, Эй модари бисёрфарзанд.
Дар мақоми аввалӣ дар силки зодан,
Дар мақоми аввалӣ ҳам низ дар фарзанд мурдан.
Зоданат оё барои дарду афгон кардан аст?
Зоданат оё барои доғи қисмат бурдан аст?
Зоданат оё барои хешро афсурдан аст?
Зоданат оё барои мурдан аст?...
Зодани одам агар иди ҷаҳон нест, Пас ҷаҳон чист?
Пас ҷаҳон нест! Ё ҷаҳони одамон нест! [252]*

Перевод:

*Моя таджикская мать, О, многодетная мать.
Носит под сердцем, за долгом считая.
Душу отдаст за чадо своё.
Ты даришь жизнь ради страдания?
Ты даришь жизнь ради участи своей?
Ты даришь жизнь ради печали?
Ты даришь жизнь ради смерти своей?
Если рождение несчастье мирское,
И что же мир и земля, нет не мира не земли,
Иль нет вовсе людского мира.*

Речь идет о многодетной таджикской матери, для которой смысл и счастье в жизни родить и быть матерью. Дарит она жизнь для того чтобы страдать, или для участи своей? Для угнетения себя и смерти? Для нее рождение человека счастье мирское. И что такое мир-земля? Иль нет вовсе людского мира!

Уместно будет привести аналоги таких стихотворений из английской литературы, чтобы еще лучше рассмотреть общие и отличительные особенности гендерно ориентированной лексики в таджикском и английском языках. К примеру стихотворение английской поэтессы Кристины Джорджины Россети

Christina Rossetti's 'Sonnets Are Full of Love'

Sonnets are full of love, and this my tome
Has many sonnets: so here now shall be
One sonnet more, a love sonnet, from me
To her whose heart is my heart's quiet home,
To my first Love, my Mother, on whose knee
I learnt love-lore that is not troublesome;
Whose service is my special dignity,
And she my loadstar while I go and come
And so because you love me, and because
I love you, Mother, I have woven a wreath
Of rhymes wherewith to crown your honoured name:
In you not fourscore years can dim the flame
Of love, whose blessed glow transcends the laws
Of time and change and mortal life and death.

Перевод

*Полны любви сонеты, и мой том
Содержит их, и вот – причина та,
Что вот сонет, что посвящаю я*

*Лишь той, чьё сердце для меня мой дом.
Любви первейшей, маме, что меня
Ввела, в сей мир и поселила в нём,
Кто жизнь живёт, мне жизнь собой храня,
Кто для меня – маяк в пути земном.
И любишь ты меня, и я люблю
Тебя, о мама, пусть моя рука
Сонетом восславит честь твою.
В тебе года не гасят пламя
Любви священной, что в земном краю,
И смерть отодвигает на века. [241]*

«Моя мать» одно из величайших стихотворений Редьярда Киплинга. Это прекрасное стихотворение о поэте, воздавшем должное своей матери.

Mother o' Mine

If I were hanged on the highest hill,
Mother o' mine, O mother o' mine!
I know whose love would follow me still,
Mother o' mine, O mother o' mine!
If I were drowned in the deepest sea,
Mother o' mine, O mother o' mine!
I know whose tears would come down to me,
Mother o' mine, O mother o' mine!
If I were damned of body and soul,
I know whose prayers would make me whole,
Mother o' mine, O mother o' mine!

Матерь моя

Будь я повешен на вершине крутой,

Матерь моя! О матерь моя!
Знаю, чья любовь бы осталась со мной.
Матерь моя! О матерь моя!
Будь я утоплен в морской глубине,
Матерь моя! О матерь моя!
Знаю, чьи слезы протекли бы ко мне.
Матерь моя! О матерь моя!
Будь проклят я в духе и во плоти,
Знаю, чьи молитвы могли бы спасти.

Матерь моя! О матерь моя! *Перевод Юрьева О. [256]*

Как мы видим, святое, доброе, величайшее слово *мать(мама)* выражено проявлением чувств и в таджикской, и англо-американской поэзии.

Как аналог этому стихотворению, мы можем привести пример стихотворения таджикского поэта М. Турсунзаде.

*Зан ба ман маълум шуд, ки офтобӣ будааст,
Кори ӯ ҳам дилбарӣ, ҳам дилхаробӣ будааст.
Гоҳ мебинӣ, ки ором аст чун файзи сахар,
Гоҳ чун монанди мавҷи баҳр дар рӯяст он,
Гоҳ айши зиндагиро боз ҳам ширин кунад,
Гоҳ бо неши забон оҳиста дил захмин кунад.
Гоҳ густоҳу гаҳе рӯ нӯшад аз осори шарм,
Гоҳ шоду гоҳ гамгин, гоҳ сарду гоҳ нарм.
Зан ба ман маълум шуд, ки офтобӣ будааст,
Кори ӯ ҳам дилбарӣ, ҳам дилхаробӣ будааст.
Пас ҳама гӯянд, ки бигзор зан бошад мудом,
Зиндагӣ бо зан хуш асту умр бо зан бардавом. [255]*

Перевод:

Женица открылась мне, как солнце,

*Она пленительна но и жестока
Порой она спокойна, как утром благодать,
Нет - нет бушует как волна
Порой с ней жизнь спокойна и сладка,
Нет –нет, язык её как острый меч пронзает в сердце
Порой бесцеремонна, и прячась от следов стыда,
И счастливая, и грустная, порой холодна, а иногда нежна.
Пусть говорят: да будет женщина навеки вечной,
Жизнь с женщиной приятная и долгая.*

Перевод:

*The woman opened up to me like the sun,
She is captivating but also cruel.
Sometimes she is calm, like grace in the morning,
At times raging like a wave
Sometimes life with her is calm and sweet,
At times her tongue pierces the heart like a sharp sword
Sometimes unceremonious, and hiding from traces of shame,
Both happy, sad, sometimes cold, and sometimes tender.
Let them say: let the woman be forever eternal,
Life with a woman is pleasant and long.*

В этом стихотворении поэт показывает женщину солнечной, разбивающей сердце и доброй, как прекрасное спокойное утро и как волны бушующего моря. Поэт представляет женщину как украшение жизни и одновременно женщину которая причиняет страдания и боль, конечно же изменчивой, но все таки солнечной женщиной – пусть будет она вечной.

В персидско-таджикской классической поэзии, особенно в эпических поэмах, почти всегда сопровождается стихами с общим названием «Наставление отца сыну». Поэт выступает в образе отца, прежде всего, как

наставник (между тем, гендерный анализ образа отца по сравнению с образом матери также будет интересной темой гендерных исследований). Следует отметить, что термин «дитя-потомок» в данном случае используется взаимозаменяемо с «сыном». Отец обучает сына изучению науки и ремеслу, но не дочь. Это своего рода воплощение гендерного неравенства в литературе. Подобные примеры можно найти в работах современных поэтов и писателей. По нашему мнению, использование таких стихов и произведений писателей может помочь понять положение женщин, роль женщин, статус женщин в обществе, различные аспекты жизни нашего народа, поиск путей улучшения условий жизни женщин, этику общения и многое другое [6, 125].

Анализ способов и путей концептуализации в языковом сознании человека, представлений о мужчине и женщине, о маскулинности и феминности убедительно доказывает мысль Л.С. Выготского, о том, что «развитие процессов, приводящих впоследствии к образованию понятий, уходит корнями глубоко в детство, но только в переходном возрасте вызревают, складываются и развиваются те интеллектуальные функции, которые в своеобразном сочетании образуют психическую основу процесса образования понятий» [23,504].

Изучение и интерпретация художественных произведений английских авторов показывают исполненность гендерной специфики. Мужские и женские образы создаются авторами фрагментами знаний об обществе, о внешнем виде, поведении и характере речемыслительной деятельности представителей полов. Разумеется, это вносит в описание образов и персонажей эмоциональности и экспрессивности.

Выводы I главы

Как показывают исследования, отдельные исследовательские подходы находятся в определенной зависимости от философского метода и варьируются под его фактором. И если согласиться, что общепhilosophическим

методом гендерных исследований выступает деконструкция, будет очевидным переход в парадигмальные рамки лингвистики. Будет правильно принять за вероятность, что лингвистические методы будут модифицироваться под воздействием деконструкции. В этом случае говорить только об использовании чисто лингвистических методов, например, в лингвистической гендерологии, будет неправильным. Можно добавить, что это больше касается частного научного, лингвистического подхода. Методы, как нам кажется, будут только видоизменяться, что приведет к большому количеству развития любой дисциплины. Начиная с периода формирования новой научной парадигмы, в языкознании наступает возникновение и изучение новых лингвистических дисциплин, как идея антропоцентричности языка. Следовательно, гендерная лингвистика в новой научной парадигме, уже обоснованной, начинает исследование особенностей функционирования языка, отражения личности в языке и уделяет внимание на корреляционный анализ языка и пола. Понятие языкового конструирования гендера, в основе которого лежит идея о том, что высказывания определяются социальными отношениями.

Поэтому все современные исследования гендера не сводятся лишь к выявлению различий между женской и мужской речи, но направлены на выяснение социокультурных норм и правил в каждом конкретно взятом сообществе или группе. Гендерная картина мира отражает все многообразие воссозданий гендерных представлений.

Правила, по которым эта тенденция развивается и есть задача современной гендерной лингвистики. Гендерная языковая картина мира выражает многогранный способ представления о мире, мировосприятия на базе которых лежит функционирование гендерных стереотипов, выраженных в языковой форме.

Исходя из этого, отмеченные в языке гендерные стереотипы, являются составляющими макрокомпонента гендерно-языковой картины мира.

Гендерно маркированные, политкорректные и метафорические компоненты с гендерным компонентом идут микрокомпонентами гендерно-языковой картины мира. За последние годы исследования функционирования гендерных стереотипов, менялась стремительно. Препятствия, которые связаны с данными изменениями, возникают неодинаково в разных культурах и языковых системах. Происходит разное восприятие и истолкование в языковом сознании представителей разных лингвокультур. И это является одним из доминирующих к тому, что изучение гендерных стереотипов, необходимо как в отдельной культуре, так и сопоставительном плане.

Современные представления о гендерных стереотипах и речевой деятельности в зависимости от пола выражают изменение ментальных представлений о маскулинности и фемининности. Такое изменение говорит о том, общепринятые свойства, которые относятся к мужчинам и женщинам не носят постоянный характер, а складываются в менталитете социума и могут трансформироваться, в результате феминизации. Исследования гендерных стереотипов в лингвистике за последние годы динамично повлияло на различные культуры. Но эти изменения воспринимаются и интерпретируются различными представителями лингвокультур, по-разному в языковом плане. Поэтому очень важно подчеркнуть передачу текстов по мере сложности, соблюдая требования толерантности. Следовательно, потребность детального изучения гендерно-языковой картины мира ясна. В этом случае необходимо не только утверждение различий межкультурной коммуникации, речевые различия мужчин и женщин, но и определить причины этих различий, которое может выявить приемлемые пути решения этих вопросов.

ГЛАВА II. ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ ГЕНДЕРНОГО ФЕНОМЕНА В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

2.1. Особенности передачи гендерного феномена в таджикском языке

Колоритность и разнообразие межкультурной коммуникации и гендерной ориентированной лексики зависит от адекватного восприятия коммуникантами элементов иноязычной картины мира. Для выявления общего, универсального и национально-специфичного в иноязычных картинах мира необходим четкий анализ единиц этих языков. Интерес к сопоставительно-типологическим исследованиям таджикского и английского языков вполне объясним, так как подобные исследования дают возможность тщательного изучения и анализа не только языковых структур, но и культуры, национального характера того или иного народа.

Первые исследования гендерной лексики в нашей отечественной лингвистике начали изучаться в конце 90-х, и в начале 2000-х годах. На сегодняшний день, лингвистическая гендерология постепенно распространяется в отрасли отечественного языкознания.

Нельзя не отметить, что за этот период появились исследовательские работы, в которых изучается системное осмысление феномена пола в языке и идет исследование проблемы гендера в языкознании по направлению теоретической модели гендера. Проблемы, ведущие к разработке методики лингвистического изучения гендера, актуальны и обсуждаемы в отечественной лингвистике.

Следует отметить, что термин *ҷинс* [*JINS*], в значении «род» заимствован таджикским языком из арабского языка. Гендерную иерархию можно наблюдать в последовательности слов в устойчивых словосочетаниях, в которых слово мужского рода находится впереди слова женского рода, означая более высокий статус. К примеру, в таджикском языке *мард ва зан*, *man and woman*, *мужчина и женщина*; *писар ва духтар*, *boy and girl*, *мальчик и*

девочка. Во многих языках слово «мужчина» совпадает со словом «человек» и это вызывает «несовершенство» языка, как ориентированность на мужчин феминистской лингвистикой. Сравним: в английском языке: man – human; в таджикском языке: мард – одам; в русском языке: мужчина – человек.

В диссертационном исследовании Камоловой С.Дж. описываются лингвистические особенности гендера, в семантике и структуре лексических средств русского и таджикского языков. Гендер трактуется в работе с позиции социального конструктивизма, аккумулирующего социальные представления о мужественности и женственности, характерные для русской и таджикской культуры [58,177]. *Проблема культуры речи при освещении гендерных вопросов на страницах русскоязычных газет Таджикистана*, рассмотрена в работе журналиста Муллоева Ш., которая является актуальной на сегодняшний день и нуждается в освещении и поиске новых подходов и выделяет следующие подходы:

- «трактовка исключительно социальной природы языка женщин и мужчин и выявляет те языковые различия, которые можно объяснить особенностями перераспределения власти в обществе. При этом язык мужчин и женщин воспринимается как некая функциональная производная от основного языка в отдельных случаях, когда партнеры по речи находятся на разной степени социальной иерархии.

- другой подход научно изучает язык до особенностей языкового поведения пола» [244].

В последние годы бурное развитие гендерных исследований значительно повлияло на изучение теории перевода и проблем межъязыковой передачи.

Понятие языковой ситуации получило четкое определение в работах советских лингвистов, занимающихся проблемами социолингвистики и социологии языка. «В самом общем виде, - пишет А.Д. Швейцер, - «языковая ситуация может быть определена как модель социально-функционального распределения и иерархии социально-коммуникативных систем и подсистем,

сосуществующих и взаимодействующих в пределах данного культурного ареала в разный период, а также социальных установок, которые придерживаются системами и подсистемами соответствующих языковых и речевых коллективов» [137, 133-134].

Это раскрывает возможность, что языкового состояния непосредственно обусловлена социальной структурой общества, его географическими подразделениями, состоянием культуры, развитием литературного языка. Kontakтами с иноязычными коллективами и другими подобными событиями в истории общества, которые сами по себе, разумеется, не входят в историю языка, но определяют языковую ситуацию, видоизменяют ее и через нее воздействуют на развитие языка.

В целом начальный этап исследования гендерного феномена в языке варьируется двумя особенностями:

1. Нерегулярный характер исследования и нахождения на периферии лингвистики.

2. Сформирование феномена мужской и женской языковой компетенции «дефицитности» «женского» языка по отношению к «мужскому». «Мужской» язык считался нормой, «женский» отклонением от нормы.

Наблюдения показывают, что в повседневной жизни мы можем видеть множество примеров конфликтов, недопонимания между мужчинами и женщинами, основной причиной которых является языковое различие между мужчинами и женщинами. Например:

- *Пойафзоли хуб, аммо нархаша бисёр баланд гуфтед, хоҳарҷон.*
- *Сифаташ ба нархаш меарзад акаҷон, не нагӯед, пушаймон мешавед.*
- *Дуруст мегӯед, аммо камтар поинтар фуроред, як маслиҳат кунем.*
- *Наход ҳаминхел як духтари зебо гапи акаширо нагирад, бисту панҷ сомони медиҳам, хоҳарҷон ин ҳам пули бад не.*
- *Бовар кунед, худааш қиммат омадааст, хайр, ана ба хотири суханҳои ширинатон ду сомони арзонтар мекунам.*

- Ба ҳаминаш ҳам раҳмат, лекин чӣ кунам, ки фақат бисту панҷ сомони дорам, Шумо ҳам як бор илтифот карда, не нагӯед...[6,125]

Перевод на английский язык:

- *Good shoes, but very expensive, sister.*
- *The quality is worth the price, don't say no, you will regret.*
- *You are right, but give up the price, let's make a deal.*
- *I don't believe that such a beautiful girl refuse her brother, I will pay twenty-five somoni, sister, this is not a bad money either.*
- *Believe me, it is expensive, well, because of your sweet words I will make it two somonis cheaper.*
- *Thank you for that, but what can I do, I have only twenty-five somonis.*
- *You too be kind!*

Перевод на русский:

- *Хорошие туфли, но дорого, сестра.*
- *Качество стоит цены, не отказывайтесь, пожалеете.*
- *Вы правы, но уступите немного, давайте договариваться.*
- *Неужели такая красивая девушка не слушает своего брата, я заплачу двадцать пять сомони, сестра, это тоже неплохие деньги.*
- *Поверьте, это дорогая обувь, ну, за ваши ласковые слова я сделаю на два сомони дешевле.*
- *На этом спасибо, но что поделать, у меня всего двадцать пять сомони.*
- *Вы тоже будьте благосклонны!*

Диалог между мужчиной и женщиной продавцом, так или иначе, мужчина покупает своему ребенку обувь, поторговавшись в присутствии своей супруги подумав, что жена обрадуется, как он торгуется. Но супруга была возмущена...

- *Шарм намедоред занатон дар баратону ба зани дигар луқмапартӣ мекунед?*

Перевод:

Как ты мог любезничать с чужой женщиной, когда твоя жена стоит рядом, тебе не стыдно?

Перевод:

How could you be nice to a strange woman when your wife is standing next to you, are you not ashamed?

- Рости гап, ҳамин занҳоро ҳеҷ фаҳмида наметавонам. Соли гузашта баъди беҳтар шудани вазъи иқтисодиам, як компютер харида, дучанд заҳмат мекашидагӣ шудам. Ҳам дар идора кор мекардам, ҳам дар хона кори худ ва фармоишҳои дигаронро иҷро мекардам. Ҳатто худи занам боре ишора карда гуфт, ки бо харидани компютер вазъи зиндагиамон хеле беҳтар шудааст. Аммо дирӯз яку якбора, бе ҳеҷ муқаддима ба ман эътироз карда гуфт, ки “Ман хуб фаҳмидам зани дуввум будаам”. Аз ин ростӣ, аз ин гуфтаҳои ӯ ҳеҷ чизро нафаҳмидам, дар газаб шудам, охир, дар ҳақиқат ман як зан дорам ва аз ӯҳдаи таъмини оила базӯр мебароям! Тӯҳмати хушкӯ холи ба кас чӣ хел таъсир мекунад, ҳама медонад. Барои ҳамин ба сӯяи нигоҳи сахте карда, фарёд задам:

- Агар ягон чизро медониста боӣ, зани аввалам кучост, бигӯ худи ҳозир ба назди ӯ меравам!

- Зани аввалат ана ҳамин компютер! – нидо зад занам.

Тамоми шаб на хоб карда тавонистам, на кор... [6,125]

Перевод:

Честно говоря, я вообще не понимаю этих женщин. В прошлом году, когда мое экономическое положение улучшилось, я купил компьютер и много работал. Я работал как в офисе, так и дома, выполняя свою работу и чужие заказы. Моя жена даже однажды заметила, что покупка компьютера сделала нашу жизнь намного лучше. Но вчера она вдруг выразила мне всякого недовольство, сказав: «Я прекрасно понимаю, что я являюсь для тебя второй

женой». На самом деле, я ничего не понял из того, что она сказала, я был зол, ведь у меня есть жена, и я едва могу содержать свою семью! Всем известно, как неприятно, когда на человека клеветают. Поэтому я посмотрел на нее и накричал:

«Если ты что-нибудь знаешь о том, где находится моя первая жена, скажи, я уйду прямо сейчас!»

"Первая жена - это компьютер!" заплакала моя жена.

Всю ночь не смог сомкнуть глаз, ни поработать...

Перевод:

To be honest, I don't understand these women at all. Last year, when my economic situation improved, I bought a computer and worked hard. I worked both in the office and at home, doing my own work and other people's orders. My wife even noticed once that buying a computer has made our lives so much better. But yesterday she suddenly expressed all sorts of displeasure to me, saying:

"I understand perfectly well that I am your second wife." In fact, I did not understand anything from what she said, I was angry because I have a wife and I can barely support my family! Everyone knows how unpleasant it is when a person is slandered. So I looked at her and yelled:

"If you know anything about where my first wife is, tell me, I'll leave right now!"

"The first wife is a computer!" my wife cried.

All night I could not close my eyes, nor work ...

Жена упрекает мужа, что она является второй женой, муж в недоразумении, не понимает что происходит. В ходе спора выясняется, что первой женой является его компьютер, который он купил некоторое время назад, чтобы выполнять сверхурочно работу и заказы других, для улучшения жизни. В данных гендерно ориентированных текстах (диалогах) мы хотим показать речевое поведение и отношение между мужчиной и женщиной в таджикском языке.

Итак, язык – это источник изучения механизмов конструирования половой идентичности. Исследование передачи гендерного феномена в таджикском языке дает возможность получить данные о том, какую функцию выполняет гендер в нашей культуре и какие поведенческие нормы для мужчин и женщин устанавливаются в текстах. Меняется понимание о гендерных нормах мужественности и женственности, также происходит осмысление мужественности и женственности в таджикском языке и культуре.

2.2. Особенности передачи гендерного феномена в английском языке

Бурный интерес к исследованию гендера начались в 60-е годы XX века. Именно развитие социолингвистики предоставило ученым возможность изучить и начать исследование функционирования языка в группах людей по признаку деятельности, пола, возраста и образа жизни.

В языкознании гендер соприкасается с двумя проблемами как:

1. Язык и отражение в нем пола. Обязательное присутствие наличие разного пола в языке, в котором исследуется номинативная система, лексикон, синтаксис и категория рода и выраженность семантики в речи обоих полов.

2. Речевое и коммуникативное поведение мужчин и женщин. Именно в речи мужчин и женщин выделяется гендер фактор, учитывая специфический лексикон, предпочтения синтаксических конструкций и специфика речевого поведения мужчин и женщин.

Понятие гендерной дискриминации (сексизма) языка основывались на изучениях гипотез Сепира-Уорфа, которые направлялись через философию и социологические теории. На основе данных теорий сформировались идеологические и методологические базы феминистской лингвистики и отражении языка на восприятие и мышление, мужском контроле над языком и «отчуждении» -(замалчивания) женщин от языка. Наиболее известные работы выделяются в западных феминистских исследованиях, которые основаны на

гипотезах Сепира-Уорфа, это американские лингвисты Д. Спендер и М. Дейли, которые вели работу по направлению Арденеров.

«Язык, сделанный мужчиной».

«Эту модель представили британские социологи Эдвин и Ширли Арденер, с точки зрения гендера, который функционирует в языке и культуре» [141, 47-66]. Хотя их направление не имеет отношения к радикальной феминистской традиции, но идеи нашли своё развитие в работах Мери Дейли и Черис Крамери, которые предоставили возможность доминирования в языке, в гендерных изучениях.

Ширли Арденер пишет: «В любом обществе существуют господствующие (dominant) способы выражения, создаваемые доминирующими структурами. В любой ситуации «слушают» и «слышат» лишь доминирующий способ выражения. Лишенная голоса группа (muted group) в любом контексте должна выражать себя в терминах доминирующего способа, а не той модели выражения, которую она могла бы создать сама» [142, 1-21].

Составляющие безгласную (muted) группу, являются женщины, пишут Арденеры. По их мнению, «женщины кодируют свою реальность в терминах «мужской реальности». Проблема заключается в том, что две модели не совпадают, когда у мужчин язык и реальность в тандеме» [141,47-66].

Анализ современных изучений языка и гендера на основе теорий и методов дает возможность разделить их по двум направлениям. Первое направление – «это выделенные труды, в которых исследуются гендерное отношение с конкретными чертами его/ее языка. В центре исследовательского внимания находится речь и письмо по гендерным категориям. Этот метод допускает, что большее количество людей инстинктивно принимают гендерные категории и при этом разделяют общее представление о гендере. Много работ вариационистской парадигмы аналогичны с социальной ролью мужчины и женщины» [141; 157; 149; 153].

В принципе вариативность двух методологических тенденций основано на разном уровне между гендером и языком. Первым направлением – гендер является социальной категорией (язык выраженный социумом). Вторым направлением – проявление гендера как результат дискурса, то есть язык создает гендер.

По вопросам речевого поведения мужчин и женщин в исследованиях У. Лабова, по научным результатам, впервые были получены стандартные и простые фонетические формы в речи мужчин и женщин. Социальные диалекты и динамику языковой вариативности в зависимости от социального статуса жителей Нью-Йорка были изучены У. Лабовым методом записи устных интервью. Было установлено, представительницы прекрасного пола выделенных социальных слоев мужчины. В итоге данные показали, что и мужчины, и женщины употребляют простых форм речи [164; 13, 7-10].

А.В. Кирилина выделяя шесть основных подходов, считает, что «эта квалификация считается условной и имеют много общего, так как охватывает одну проблему и один объект исследования. А. Г Михайлова придерживается мнения, что гендер можно представить как социокультурный и психолингвистический феномен, который должен соблюдаться во всех формах межкультурных контактов в особенности в процессе перевода» [212].

По мнению О.А. Бурукиной – «гендерный аспект имеет достаточно интересную и сложную переводческую проблему, и переводчик обязан учитывать создать эквивалент, и равное по ценности содержание литературного произведения на языке перевода». О.А. Бурукина считает, «на сегодняшний день гендер входит в категорию актуальности, который достаточно стимулирует ученых на творческую волну». По мнению ученого очень мало уделялось акцента в теории перевода. Если это явление было актуальным, то могло бы уберечь огромное количество переводчиков - практиков от грубых ошибок и недоразумений. Гендерные аспекты в переводческих работах разделяют на два подхода:

1. Выявление и сохранение в переводе гендерные особенности языка.
2. Выявление гендерные различия переводчиков и отражение этих различий грамотным переводом.

В рамках первого подхода О.А. Бурукина анализирует переводы романов британской писательницы Б. Картленд. Ученый отмечает, что «процесс перевода - это поиск возможных вариантов, который переводчик использует свои лингвистические и когнитивные знания, соблюдая эти же навыки будущих читателей, отражающие особенности их культуры» [16,99-107].

Опыт ученых-исследователей на современном этапе в сфере исследований гендерных проблем в теории и методологии тесно идут к изучению языков и культур, которые, ранее не исследовались. Однако после рассмотрения данного вопроса в рамках других лингвистических дисциплин, отечественное языкознание внесло свой вклад в разработку проблематики, не игнорируя проблему пола. Именно латентное допущение социальной обусловленности таких явлений, которые отражают взаимосвязь пола и языка являлось отличительной чертой данных исследований. Некоторые положения, связанные с гендерной теорией, выдвигаются на материале славянских языков и дают возможность видоизменить некоторые положения гендерной теории с предположением ассиметрии /неравного андроцентризма/ языков и культур. Этой проблемой заняты страны СНГ, поскольку культурно-обусловленные особенности гендерных отношений на сегодняшний день достаточно не изучены [211].

Вернемся в англоязычную картину мира, в которой отражен акцент андроцентризма, который доминирует положением мужчины во всех сферах жизни. Итак, роль мужчины как гендерный стереотип отражены в английских священных писаниях главой семьи, защитником женщины, опорой, добытчиком, воином и отцом и роль женщины, как существо слабое, беззащитное, безответственное, эмоциональная на фоне мужчины. Несмотря на то, что женщина во многих культурах считается матерью, хранительницей

семейного очага, в английском языке существуют идиомы, которые показывают власть женщины над мужчиной:

«Behind every great man, there is a great woman» [218]. Можно перевести на таджикский язык, как «Дар паси ҳар як марди бузург зани хубе ҳаст». Можно привести аналог с таджикского языка «Зани хуби покдомани порсо, кунад марди дарвешро подшоҳ», «A good wife makes a good husband». Интерпретируется это пословица как скрытое манипулирование над мужчиной. Женская красота притягательна во все времена и остается объектом поклонения мужчин.

«Hell has no fury like a woman scorned», можно интерпретировать на таджикский язык как «Дӯзах ҳеч гуна хашме монанди зани саркаш надорад», или «Хашми зан монанди алмос аст, ки медурахшад, аммо намесӯзонад» - «В аду нет страшнее фурии, чем отверженная женщина».

В приведенных пословицах женщина опять-таки представлена как угроза для мужчины, со-своей эмоциональной бурей. Если у мужчин сила на физическом уровне, то сила женщины рождается на эмоциях.

Ситуацию непонимания между мужчиной и женщиной можно найти в книгах Джона Грея «*Мужчины с Марса, женщины с Венеры*» и Деборы Таннен «Ты меня не понимаешь» [196; 350].

Замечательная книга Джона Грея в очередной раз подтверждает, что мужчины и женщины, независимо от национальности, расы, культуры, религии или языка, повсюду говорят на разных языках. Языковое различие между мужчинами и женщинами настолько велико, что порой кажется, будто они совершенно используют несхожие друг другу языки. Эпизод, который произошел в жизни писателя, вдохновил его на исследование, в результате которого он смог сформулировать и проверить те идеи относительно мужчин и женщин. Мужчины и женщины не только общаются по-разному – но и по-разному мыслят, чувствуют, мыслят, воспринимают, реагируют, откликаются, любят, хотят и благодарят [196, 350].

Д. Таннен провела анализ повседневных разговоров и их влияние на взаимоотношения мужчин и женщин. В книге проводится анализ беседы женщин и мужчин отыскивается смысл и причина бессмысленных размолвок, которые постоянно вредят их взаимоотношениям. Таннен пытается показать, что мужчина и женщина могут по-разному понять один и тот же разговор, даже если при этом не возникает откровенного недоразумения.

Недопонимание возникает в приведенном ниже обмене мнений, который начался как прямой разговор, а закончился ссорой.

He: I was so tired and did not sleep well at night.

She: The same thing happens to me. I don't sleep well.

He: Why are you trying to humiliate me somehow?

She: Not at all! I tried to show that I feel you.

Перевод:

Он: Я так устал и плохо спал ночью.

Она: Со мной происходит тоже самое. Я вообще плохо сплю.

Он: Почему ты стараешься меня как-то унижить?

Она: Совсем нет! Я старалась показать, что понимаю тебя [190, 60].

В данной картине, женщина обижена на реакцию мужа, не понимая происходящей ситуации. Как он мог прийти к выводу, что его супруга пытается его унижить? Фактически, она принизила его переживания и связала *это* со своей проблемой!

Отрывок из стихотворения Р. Киплинга, в котором четко выражается смертоносная сила женщины, более мощной, чем мужская [215].

And man knows it! Knows, moreover, that the Woman that god gave him

Must command but may not govern – shall enthrall but not enslave him.

And She knows, because She warns him, and her instincts never fail,

«The female of the species is more deadly than the male»

Rudyard Kipling

По некоторым источникам, данное стихотворение передает в образной форме, жестокою и беспощадною *борьбу добра со злом*.

И мужчина знает это! Той, какую бог смог дать

Ей не править мужем надо, надо только чаровать.

И она про это знает, но еще про дар Отца:

Что инстинкт ее надежней и точней чем у самца [263].

перевод Бориса Бериева

В английской литературе, противопоставленной *викторианскому идеалу* появляется иной образ женщины. Образ сильной и самостоятельной женщины с трудной и трагической судьбой отодвигает образ некрасивой старой девы. Женские образы Бернарда Шоу, показывающие его теорию жизненной силы, являются как ведущей силы в мире представляется женщина.

«В пьесе «Пигмалион» Бернарда Шоу раскрывается происхождение социальной независимости и равноправия статуса женщин в обществе наряду с мужчинами. И данным источником является образование. Роль образования в жизни общества стала возрастать во второй половине XIX века, когда на первый план стала выдвигаться такая проблема, как проблема неграмотности. Такое продвижение общества могло обеспечить образование. Образование давало и дает устойчивую позицию женщины в обществе. Именно в устойчивом обществе мужчина и женщина, в частности, имеет больше шансов занять лидерские позиции. Равноправное положение женщины в обществе существенно изменяет конкретный выбор ее жизненного пути» [253].

К примеру, эпизод из пьесы Шоу «Пигмалион», где Элиза сообщает профессору Хиггинсу о своем желании уйти:

«Вам придется обходиться без меня. Не воображайте, что уже наступили мне на горло, что надо мной теперь можно издеваться. Я умею вежливо и любезно разговаривать с людьми. Я дам объявление в газете, что ваша герцогиня - простая цветочница, которую вы обучили, берется сделать то же самое из любой уличной девчонки».

Другие эпизоды из пьесы: «*I want a little kindness. I know I'm a common ignorant girl and you a book-learned gentleman; but I'm not dirt under your feet. What I done [correcting herself] what I did was not for the dresses and the taxis: I did it because we were pleasant together and I come—came—to care for you; not to want you to make love to me, and not forgetting the difference between us, but more friendly like*» [181,81].

«*You're a great bully, you are. I won't stay here if I don't like. I won't let nobody wallop me. I never asked to go to Bucknam Palace, I didn't. I was never in trouble with the police, not me. I'm a good girl...*» [181,29].

«*Oh, you've no feeling heart in you: you don't care for nothing but yourself [she rises and takes the floor resolutely]. Here! I've had enough of this. I'm going [making for the door]. You ought to be ashamed of yourself, you ought*» [181,27].

«*You're no gentleman, you're not, to talk of such things. I'm a good girl, I am; and I know what the like of you are, I do*» [181,24].

В произведениях Дж. Бернарда Шоу можно рассмотреть женщину как личность, которая взаимодействует с социумом, культурой и составляющую социокультурную ценность. А также определяется роль и весомость феминизма. В общих чертах автор хочет показать индивидуальность и природное своеобразие женщин.

У каждого автора вышеприведенных иллюстраций своё индивидуальное восприятие, понимание и картина происходящего, конечно же, присутствует *восхваление женщин*, несложно заметить *наивность* со стороны женщин, где ясно наблюдаются гендерные признаки.

2.3. Гендерный фактор в переводе: индивидуальная парадигма

Все исследования, которые проводятся в области гендерных проблем в последние годы сталкиваются с изучением гендерного фактора при переводе и проблем межъязыковой передачи.

В культурно-ориентированном переводе феминистский подход возник в 1990-е годы. Вместе с тем, необходимо отметить тот факт, что гендерная специфика языка - это набор основных гендерных организаций, которые очень значимы для межкультурной коммуникации и теории перевода, более того относятся к мужскому и женскому роду, ключевую роль которого в переводческих исследованиях имеют переводчики.

Представителями манипуляционной школы, являются состав ученых, которые первые начали выявлять вопросы перевода из реальной сферы в область крупномасштабных политических и социальных систем, которые стали представлять полисистемный метод и дескриптивное переводоведение [149,220].

С конца 70-х группа ученых начали исследование над изучением культурной среды, которая способна координировать процесс перевода, и ее отражение на итоге перевода. К тому же, один из первых результатов показал, что именно культурная среда языка устанавливает перевод.

По утверждениям исследователей «перевод зависит от стереотипов и ценностей, литературных, языковых, этнических норм и политических представлений. И все это образует личные взгляды и оценочное суждение переводчиков на эквивалентность. Этот метод заставляет изучить культуру, которая создает переводоведение в последние десятилетия. От универсальных форм и норм к культурозависимым, от универсальных предписаний для всех без исключения переводчиков к описанию тех способов, которыми культурная среда контролирует переводчиков, в ней работающих» [109,301].

О. Есперсен делает весьма спорный вывод об интеллектуальном превосходстве мужчин, а также утверждает, что мужчины быстрее осваивают иностранный язык [159, 448]. Однако, сегодня доказана неверность этих выводов, так как О. Есперсен при исследовании влияния фактора пола на речь, не принимал во внимание такие нормы как возраст, социальный статус, уровень образования, конкретная ситуация, сопутствующая общению. Заявляя

о неспособности женщин изучить иностранный язык, на основе наблюдений за сообществами мигрантов, О. Есперсен не учитывал также иную языковую среду у мужчин, которая требовала работы в определенном пространстве на иностранном языке [124, 9-10].

В статье К.И. Леонтьевой говорится о наиболее важных аспектах проблемы переводоведения, которые игнорируются учеными-теоретиками, а также отрицательно влияет на результат практического переводоведения, в особенности, когда речь идет о переводе современной литературы и переводе образцов «женского письма».

Большинство современных художественных текстов базированы, на пародировании или на деконструкции, уделяя внимание, на культуру и ценности, на гендерные стереотипы маскулинности и фемининности. Соблюдение таких стереотипов будут составлять основную часть оригинального параметра художественности, поэтичности, и передача правильной гендерной метафоричности будет одним из условий успешного перевода. В период существования Советского Союза в переводческой среде бытовал стереотип, что женщина переводчик - это женщины на корабле, согласно известной моряцкой поговорке, является плохой приметой.

По результатам немногочисленных исследований женщины переводчицы художественных текстов более склонны придерживаться оригинала, зачастую посредством детального перевода, в то время как мужчины чаще сокращают и обобщают основную мысль, позволяя себе большую творческую инициативу. Мужчины - переводчики не стесняются переводить грубые слова в оригинале на родной язык, когда женщины смягчают их. Однако это касается художественного перевода, который наиболее ярко проявляет творческую и гендерную составляющую личности переводчика.

В переводческой деятельности нет критериев мужского и женского перевода – только критерий профессионализма, который складывается из множества факторов, не имеющих к полу никакого отношения. Грамотно ли

говорить «переводчица» или правильно употреблять термин «женщина – переводчик»?

Этот вопрос раньше решался консервативно: большинство профессий получали мужское наименование, но употреблялись с глаголами и мужского и женского рода. К примеру «приходил врач» и «приходила врач». Сейчас, касаясь этого случая, довольно распространено женское наименование «переводчица», которое на одинаковых правах функционирует с мужским наименованием и не является ошибкой, хотя и носит разговорный оттенок. В словарях и других изданиях более употребительно «переводчик» независимо от пола [234].

Необходимо постоянно учитывать, что на перевод определенных языковых средств, влияет отличающее строение и функции головного мозга у мужчин и женщин, которые детерминируют психологические особенности мужского и женского пола вместе с гендерными стереотипами. Гендерный фактор в художественном переводе может участвовать в качестве формирующего структуру элемента произведения и текста перевода. Переводчик служит главным звеном в процессе межкультурной коммуникации «создает в своем собственном гносеологическом континууме модель исходной мысли, причем ее адекватность будет зависеть от множества факторов: от степени информированности переводчика, от расстояния между автором исходного текста и переводчиком, а также от характера мышления переводчика» [31,336-373].

Исследование преобразования гендерно маркированных при их заимствовании из одного языка на другой, дает возможность развить лингвистический и переводческий анализ художественного произведения. Сравнительная типология или типологическое исследование и различия структурных особенностей разных языков исследуется двусторонне. При исследовании и сравнении двух языков мы обращаем внимание, прежде всего, на несоответствие. В ходе исследования категории рода существительных в

таджикском и английском языках было выявлено ряд различий. В таджикском языке есть существительные, которые только с биологической точки зрения определяют к какому роду (муж. или жен.) относится слово.

Общеизвестно, что «категория рода - это языковая категория, которая является формой концептуализации окружающего мира, формой языкового сознания. Лексические, лексико-грамматические и грамматические категории как формы языкового сознания служат средством проекции окружающего мира в сознании говорящего, создавая его идеальную, ментальную модель» [11, 17].

Гендер классифицируется в языке через категорию рода. Семантическая категория рода отодвинулась как грамматическое проявление к концу среднеанглийского периода [54,285]. Активное заимствование существительных женского рода, к примеру, из французского языка началось именно в среднеанглийский период. На тот период заимствованные существительные женского рода главным образом отразились, на становление современной морфологической системы категории рода. В группу продуктивных словообразовательных суффиксов английского языка переключены наиболее частотные суффиксы женского рода заимствованных существительных (например, суффиксы *-ess*, *-ette*): в более поздних этапах развития языка образовывались новые лексические единицы при помощи данных суффиксов. Дополнительные способы маркировки, получил женский род и окончательно выдвинулся на позицию сильного звена в оппозиции «мужской род – женский род». На сегодняшний день заимствованные существительные женского рода, как показывает анализ этимологических словарей, составляет около 30,3 % всех существительных женского рода в английском языке. Происхождение 21 % указанных заимствований показатель из французского языка: *abbess*, *concupine*, *madam*, *hostess*; 2,7 % – из латинского *marchioness*, *Bellona*; 2,7 % – из итальянского *ballerina*, *diva*; 2,3 % – из испанского *infanta*, *duenna*; 0,7 % – из греческого *hetaira*. Дошедшие

до нас существительные женского рода, из древнеанглийского периода, составляют только 9,5 %, например: *daughter, queen, nun, hen*. Ученые отмечают, что «категория рода на синтаксическом уровне исчезает вследствие утраты флективными окончаниями способности передачи содержательной категории и естественный пол выражается средствами языка, находящимися вне сферы словоизменения. Например, через супплетивный ряд *boy – girl* или суффиксацию *steward – stewardess*» [68,45]. При когнитивных этапах категоризации и концептуализации, формирование категории рода проявляется на фундаментальном росте. В таджикском языке существительное небогатое флективными формами, так как оно не меняется, ввиду отсутствия в нем категорий рода и падежа. Б. Стрэнг утверждает, что «категория рода возможна при субституции имени существительного местоимением, указывающим на биологический пол или неодушевленность: *he, she, it*. И.П. Иванова, Г.Г. Почепцов и др. не приемлют такой точки зрения, указывая, что речь идет о замене одной части речи другой и о соответственном смешении их признаков. Они также подчеркивают, что и для местоимений указанное значение является чисто лексическим и к грамматическому значению отношения не имеет» [54, 285]. В заключении об отнесении к группе грамматических или лексических категорий одушевленности и неодушевленности непосредственно связано с вопросом о наличии у данной категории системы средств выражения, результатами их значения. Необходимо выделить средства её выражения, которые распространяются на всю систему английских существительных в случае признания за категорией одушевленности и неодушевленности грамматического статуса [11,51].

Как отмечает Ш. Рустамов, таджикский язык относится к группе аналитических языков и не имеет грамматическую категорию рода и падеж, а также именная часть речи, не имея флективную систему, образуются с помощью приставок, суффиксов и окончаний [111,216].

Известный таджикский лингвист, профессор М.Н. Касимова показывает пути образования категории рода в истории таджикского языка:

1. Лексическим способом: мард (мужчина), зан (женщина), духтар (девочка), писар (мальчик), амма (тетя), дӯшиза (девушка).

2. Путём передачи имён собственных: Рустам, Золи, Зар, Гуштопс, Яздигурд, Судоба, Рудоба.

3. Путём проибавления духт, пур к словам: Пас чун **Бӯрондухт** ба мулк бинишаст, адлу дод кард ва чавр баргирифт .“Таърихи Табарӣ” – Как Бурондухт (дочь Буруна) села на трон основала справедливость и сразу было искоренено насилие.

4. С помощью словесных метафор: а) по отношению к женщине, что является отражением ее (назокату латофат, нозаниниву зебой...): **Бутони сиёҳчаши хуршедрӯй** - выражения “*Бутони сиёҳчаши хуршедрӯй*” (солнцеликие с черными очами ангелы) относится сестрам Джамшеда и “*сарви симинбари моҳрӯй*” обращено Рудобе; б) по отношению к мужчине, что отражает его положительные или отрицательные качества: “аҳриманкеши дӯшаждаҳо” (подобно черту и на плечах змеи).

5. Заимствованные арабские слова *музаккар* - нарина; (мужчина, юноша); грам.: мужской род и *муаннас* – модина; (женщина); грам.: женский род внесены в таджикский литературный язык не меняя конфигурацию: *маъшуқ* – *маъшуқа* (любимый – любимая), *маҳбуб* – *маҳбуба* (дружный - дружная).

6. Привнесение арабских слов бинн, ибн, бинт после имени человека и перед именами отцов и потомков (фамилии): **Наср ибни Аҳмад (Наср сын Ахмада), Ханифа ибни Олим (Ханифа сын Олима), Марям бинти Имрон (Мария дочь Имрана), Хинд бинти Атаба(Хинд дочь Атаба)** [81, 180 - 182].

Гендерная лингвистика предлагает многочисленные рекомендации по реформированию языка: например, изменения некоторых слов, содержащих дискриминацию женщин: cameraman - operator; fireman - firefighter; policeman - police officer.

Тем не менее, сексизм в языке существует – это отражение дискриминации по гендерному признаку, существующей в обществе. По нашему мнению относительно таджикского языка дискриминация по гендерному признаку неактуальна в силу отсутствия в языке родовых различий, что фактически уравнивает возможности. Само понятие гендер давно уже вне рамок грамматики. Данный феномен довольно развито изучается как социокультурное и психолингвистическое явление. Каждый перевод необходимо выполнять, учитывая контекст, который по большей части зависит от гендерных и культурологических языкового свойства перевода.

2.4. Гендерные особенности наименований профессий и деятельностей

Одним из наиболее важных проблем лингвистики является соотносительно – корректная передача наименований лиц по профессии и роду деятельности в гендерном отношении.

За последнее время возникают проблемы для переводчиков, пути адекватно передать гендерно нейтральные наименования, а именно с английского языка на таджикский, так как тенденция соответствия в названиях мужских и женских профессий стало заметной. Изменение социального статуса женщин в разных сферах, осваивание и овладение особо мужских профессий соответственно влияет на появление развитие новых лексических единиц в языке. В английском языке название профессий женского пола образуется с помощью женского суффикса: *artist, painter – paintress, female artist; tailor, snipper – dressmaker, seamstress*. Ср.: *рассом, наққош – зани рассом; либосдӯз, дарзӣ, хайёт – занани дӯзанда, хайёта, дарзн*.

В таджикском языке широко употребляется заимствованное слово менеджер.

Вай 5 сол боз дар ин ширкат ба ҳайси менеҷер кор мекунад.

*She has been working for the company as a **manager** for 5 years.*

Рассмотрим английское слово **managers**.

a woman who manages a small business, for example a hotel, restaurant, or store:

*I'm afraid I can't tell you; I'll have to ask the **manageress**.*

Мутаассифона ба шумо гуфта наметавонам; Ман бояд аз мудир пурсам.

*The **manageress** had to supervise and administer medicines, give injections and change dressings, all in accordance with directions from a doctor. [254]*

***Менеҷер** мебоист доруҳоро назорат ва идора кард, сӯзандоруҳо ва либосҳоро мувофиқи дастури духтур иваз кард.*

*Poirot thanked her and removed himself once more to the hall, not daring to face the malevolent glare of the occupants of the lounge. «He was staring up at the baize-covered letter rack when a rustle and a strong smell of Devonshire violets proclaimed the arrival of the **Manageress**»[254].*

*Пуаро ба ӯ ташаккур гуфт ва бори дигар худро ба толор дур карда чуръат накард, ки ба дурахшони бадхоҳонаи сокинони толор рӯ ба рӯ шавад. Вай ба рафи мактубҳои бо байз нигаронида чаши дӯхта истода буд, ки садо ва бӯи қавие аз бунафишҳои Девоншир аз омадани **менеҷер** мужда расонд.*

Обозначение биологического пола можно найти в заимствованных словах из арабского языка и в некоторых таджикских словах, образовавшихся под влиянием арабских форм и свидетельствующих об определенном периоде появления их в таджикском языке, такие слова как: муаллим – учитель - teacher, муаллима – учительница - teacher; раққос – танцор - dancer, раққоса – танцовщица - dancer; шоир – поэт – poet, шоира – поэтесса – poet, poetess; мураббӣ - воспитатель - educator / teacher /, мураббия – воспитательница - educator / teacher /.

В современном таджикском литературном языке род одушевленных существительных выражаются словарным путем: группа существительных как - одамон, ҳайвонҳо, парандагон, относящихся к людям - мард, зан, писар, духтар, относящихся к животным – нар, мода и относящихся к птицам - хурӯс, мокиён. Существительные, которые выражают лицо относятся к мужскому и женскому роду: мусаввир, мунаққид, мусанниф, мутахассис, муаррих,

мусаҳҳеҳ, байтор; термины родства: амак, таго, падар, бобо, почо, завча, язна, ако, ҷӯра, бародар, додар, бин; бинт, амма, хола, янга, модар, бибӣ, ҳамшира, дугона.

Путем словообразования: коргарзанон, волейболбоздухтарон, хизматгорзан, модагов, русзанақ, писарбача, духтврбача, ошпаззанақ, хизматгордухтар.

Или в других примерах: *Ин бегоҳ, худи қасдан шудагӣ барин бо вай на дугонаҳояш буданд, на хизматгордухтар омад* [198, 224]; *Находки ман ҳам ана мисли ана мисли ҳамин ошпаззанақи сиёҳбахт, дар ҳамин хонадони касофатбор ҳеҷ чизро надида пир мешавам ва як умр хизматгору кайвонӣ шуда аз дунё мегузарам* [198, 355]; *Дар вақте ки ман дар яслӣ будам, сменаи якум тамом шуд ва коргарзанони аз кор фориғшуда ба яслӣ омаданд, ки аз онҷо бачагонашонро гирифта ба хонаҳошон бираванд.* / С. Айнӣ, *Куллиет /Русзанақи ҳамсоя сатили пуробро ба сепоя овезон карда монда ба зераи саргин ва хасу хошок месӯхту худаи дар лагани чуқури тунукагӣ ҷомашӯӣ мекард.* [198, 368]

Как известно, под давлением женщин, «департамент труда США издал новый словарь профессий «Dictionary of Occupational Titles», в котором был устранен язык половых стереотипов (Sex stereotyped language). Из названий профессий были изъяты слова *man, master, woman, maid* и суффикс женского рода *-ess*. Например: *chairman - chairperson, fireman - firefighter, fishman - fisher, mankind - humanity, human being, chair master - chairmanager, chambermaid - lobing quarters cleaner, charwoman - building interior cleaner, laundress -launderer*» [45,116].

В отношении примера *policeperson* – не может исключить *policeman*, независимо от удобства. Преимущественно *policeperson* встречается в речи женщин, а мужчинам предпочтителен лексема *man*. В случае перевода на таджикский язык оба эти слова выглядят одинаково: *полис- полис зан*.

Следует учитывать новые пути в языке и искать наиболее подходящий вариант передачи наименований лица по профессии или роду деятельности, так как не всегда эти наименования имеют соответствующий вариант в переводящем языке. В английском языке согласно правилам политкорректности в названиях профессий происходит нейтрализация по половому признаку. Существует огромное количество примеров, преобразованных, из старых наименований профессий на новые: «*airline stewardess - flight attendant; barman, barmaid - barperson, bartender, businessman - executive; cameraman, camerawoman - camera operator, chambermaid – lodging quarters cleaner; credit man - credit and collection manager; forefather - ancestor; fireman - fire fighter; fisherman - fisher; freshman - first-year student; furnace man – gold worker; housewife, househusband - homemaker; laundress - launderer; motorman - rail vehicle operator; maids and servants – private household cleaners; mailman - mail/letter carrier; newsboy - newspaper carrier and vendor; serviceman - soldier, member of the armed forces; draughtsman - draught, draughtperson; milkman - milk roundsperson, diary salesperson; weatherman - meteorologist, weather forecast*».

В таджикском языке большинство наименований профессий идут как гендерно нейтральные: *омӯзгор, фурӯшанда, бозорчӣ, дӯзанда, ширфурӯи, ронанда, ошпаз, хизматгор, духтур, муҳандис, бухгалтер-муҳосиб, варзишгар*, также бывают исключения как *ошпаззана, хизматгорзан, колхозчизан, муаллим-муаллима, фаррош-фаррошзан*.

Итак, в английском и таджикском языках выявлены способы словообразования феминитивов:

а) аффиксальный.

английский язык – суффикс –ess: суффикс -ess: prince – princess, waiter – waitress; суффикс -ette: suffragette ‘суфражистка’, usherette ‘билетерша’; суффикс -ine: hero – heroine, landgrave – landgravine

таджикский язык – суффикс - а: шоир – шоира, нозир – нозира, муаллим – муаллима, ҳоким – ҳокима, толиб – толиба.

б) словообразовательные модели.

сложение основ, одна из которых – man или woman: firewoman – fireman, chairwoman – chairman, saleswoman – salesman.

в) аналитические приемы.

добавление гендерных маркеров male, female, man, woman, boy, girl к гендерно нейтральным словам: woman writer.

колхозчӣ – колхозчизан, мардикор – мардикорзан, ошпаз – ошпазан

г) суплетивизм.

woman – man, queen – king

зан – мард, подшоҳ – малика

Можно сказать, что каждый язык индивидуален и анализируемое явление имеет своё историческое развитие и фиксируется в современном процессе изучения языка. Английский и таджикский языки в сопоставительном плане в силу отсутствия в них категории рода идет по пути нейтрализации гендера.

Выводы II главы

Таким образом, в итоге проведенного исследования в данной главе можно прийти к такому мнению, что в начале, феминитивы могут звучать непривычно для нас, соответственно усложнять предложения дополнительными грамматическими конструкциями, но они нужны языку, который обладает категорией рода и обозначает понятия рода. Гендерный фактор оказывает особое влияние на межъязыковую передачу текстов и поэтому необходимо всегда проявлять внимание гендерному аспекту перевода, а также применять феминитивы, когда в тексте речь идет о женщинах.

Расхождение языков непосредственно обусловлено несходством мировосприятия, культуры, этнических и социальных установок. В рамках

нашего научного исследования данного раздела необходимо говорить о проблемах передачи гендерного феномена в таджикском и английском языках, выявив гендерный фактор в речи мужчин и женщин. С целью достичь наилучшего результата в ходе перевода гендерных стереотипов и гендерно маркированных единиц, нужно учитывать гендерные особенности языка. Перевод зависит от стереотипов ценностей, литературных, языковых, этнических норм и политических явлений.

Среди задач, при передаче наименований лиц по профессиям и деятельности с таджикского на английский или с английского на таджикский, необходимо учитывать новые пути в языке и находить вариант перевода, который подходит, поскольку не всегда наименования нужный аналог в языке перевода, или другой вариант выбор пути нейтрализации гендера в силу отсутствия категории рода.

Исходя из вышеприведенного, можно прийти к такому выводу, что потенциал исследования гендерной проблемы предполагает привлечение к её изучению других наук. Психолингвистика, этнолингвистика, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация, прагмалингвистика, социолингвистика и другие науки содействуют для лингвистического анализа гендера. Отдельное внимание уделено научным исследованиям, изучающим такие аспекты как, история возникновения, развитие гендерной лингвистики, типология понятий гендер и пол, варианты определения гендера, формулирование возможности использования гендера в качестве норм текстообразования и выражения мысли.

ГЛАВА III. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОЙ ЛЕКСИКИ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

3.1. Межъязыковая передача лексики гендерной маркировки

С позиции гендерного подхода достаточно симметричного и сбалансированного развития, показывает нам пример, современная английская литература. Весьма много ярких и интересных имен женщин-писателей появляется в литературе данного периода. Творчество - признанное классикой, представителями которыми являются: Айрис Мердок, Мюриэл Спарк, Маргарет Дрэббл, Дорис Лессинг и др. Оптимистичным взглядом, которое отличается блестящим чувством юмора на жизнь, является творчество Сью Таунсенд. Романы и повести «Тайный дневник Адриана Моула, тринадцати лет и девяти месяцев от роду», «Тяжкое отрочество Адриана Моула», «Ковентри возрождается», «Мы с королевой» принесли писательнице известность, хотя в ее книгах, как правило, повествование идет от лица героя мужского пола, в них устанавливается потребность равных с мужчинами прав женщин.

Женская тема и женский взгляд на вещи занимают и писателей противоположного пола, как отчетливо просматриваются феминистские идеи к примеру, в творчестве Джона Фаулза, одного из самых известных авторов в современной литературе Великобритании. С большим интересом писатель пишет о женских образах и показывает в своем эссе «Острова», что «Я – один из тех еретиков, которые верят, что *Одиссею* должно быть, написала женщина». Писатель сравнивает литературное искусство, с женскими занятиями утверждая, что ткачество и вышивание лежат в основе всякого очерка, как и в основе всякой роскоши, включая декоративное искусство. Неспроста в романе Фаулза «Маг» особенно выразительны женские образы. Сам Фаулз писал: «У женских образов моих книг – явная тенденция доминировать над мужскими. Я смотрю на мужчину как на нечто искусственное, в то время как женщина для меня – реальность. Он –

воплощение холодной идеи, она – теплой действительности. Дедал противостоит Венере, и Венера не минуемо побеждает. Если бы не было чисто технических сложностей, я сделал бы моего Кончиса в «Маге» женщиной».

Е.С. Гриценко исследовал в семантике английского слова различные направления проявления гендера с целью показать, как при отсутствии формально-грамматических признаков рода оппозиция мужское/женское проникает в концептуальную метафорическую структуру языка.

«В английском языке одушевленные и неодушевленные существительные лишены грамматического рода, при этом ассоциируются с мужским и женским началом. Слово с гендерным признаком носит относительный (реляционный) характер, определяется сравнением двух единиц и считается лингвистическим аргументом в полемике эссенциалистскими (умеренный реализм, истинная природа) концепциями гендера, то есть без концепта фемининности не существует концепт маскулинности, это и есть культурно-конструируемое различие. Английские существительные общего рода, которые обозначают статус и профессию теоретически относятся обоим полам, а когда речь идет только о женщинах, они не используются» [51, 13-14].

Гендер является фактором, который способен обусловить эмоционально-оценочные основания слова. Женщинами воспринимаются уничижительными компоненты, некоторые сложные сленгизмы, как (*“chicks”*, *“baby”*, *“broad”*). Есть вероятность найти лексемы в семантике слов и идиом указывающие на то, чей (мужской и женский) опыт.

В таджикском языке ни существительные, ни прилагательные, ни другие части речи не различаются по родам, то есть категории грамматического рода в таджикском языке не существует [51, 13-14].

А.И. Смирницкий пишет, что лексическое значение – это «известное отображение предмета, явления и отношения в сознании..., входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по

отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка» [121, 59].

Например, как мы говорим по-русски: высокий дом, высокая гора, высокое дерево, с учетом согласования рода, то в таджикском языке такого согласования не существует, поскольку здесь нет категории грамматического рода. Приведенные выше сочетания существительного с прилагательным выражаются:

высокий дом - *хонаи баланд*

высокая гора - *кӯҳи баланд*

высокое дерево - *дарахти баланд*

колхозник пришел - *колхозчӣ омад*

колхозница пришла - *колхозчизан омад*

Примеры показывают, что слово **баланд** во всех трех случаях употреблено в одной и той же форме, без всякого изменения в своем звуко-буквенном составе и означает и **высокий** и **высокая** и **высокое**, относится и к слову **омад**: *пришел, пришла*.

В английском языке сочетания существительного и прилагательного выражаются следующим образом без согласования рода:

хонаи баланд - **high building**

кӯҳи баланд - **high mountain**

дарахти баланд - **high tree**

колхозчӣ омад - **famer came**

колхозчизан омад - **(female) famer came**

Как видим, в английском языке также эти слова не меняются по форме. Что касается *естественного рода* в таджикском языке, то под этим термином подразумеваются существительные, которые обозначают лица или животных мужского или женского пола. В отношении людей биологический пол выражается употреблением с данным существительным слова «зан» - женщина - *woman* или «мард» - мужчина – *man*. Что касается слова «мард», то

оно употребляется не только в значении определителя мужского пола, например: пирамард – старик – old-man, а выражает также качества, считавшиеся исторически присущими мужчине (мужественность, великодушие): бачамард – отважный парень – brave young man. Как видим, такая типологическая особенность как аналитизм английского языка в приведенном примере выражается весьма ярко.

Агентивные существительные такие как президент, министр, ученый, профессор употребляются, как правило в категории мужского рода и ориентируют на то, что высокую по статусу должность занимает мужчина, в то время даже если эту должность занимает женщина.

Наряду с этим, лексическое значение определяется как соотнесение и отражение какого либо предмета в сознании. Грамматическое значение слова - это значение, выражающее отношения слова к другим словам в словосочетании и предложении: отношение к лицу, действительности, времени, сообщаемому, к примеру значению рода, числа, падежа, лица и времени. Функциями слова служит его:

1. Номинативная роль. Благодаря значимости слова как предмет, действие, качество и отношение мир человека восполняется, и он имеет дело с предметами, которые непосредственно не имеет восприятия с собственным чувственным опытом.

2. Свойства предметов анализируется словом, вводя его в систему связей и отношений. Словообразовательный анализ слова, который имеет связь между предметами, явлениями: Стол-стлать-стольный-столица.

3. Каждое слово обогащает вещи, относит их к определенной категории, являясь орудием абстракции.

Когда слово появляется, оно всегда однозначно. Изменением значения слова занимается семантика, которая изучает все вопросы, связанные со значением слова и здесь можно сказать, что иными словами слово трансформируется. Анализу трансформации посвящена одна из статей В.А.

Ефремова в русском языке слово «женщина» (жена, женщина, баба, дама). То есть те слова, которые выражают представление о женщине в не ее этнической, религиозной, классовой или профессиональной принадлежности [46,41].

В исследовании Д. Вайса анализируется слово человек его парадигматические и сигматические особенности, а также поведение в различных контекстах, пословицах связанных с сочетанием *молодой человек*. Работа Д. Вайса показывает, что слово человек и мужчина не идентичны и сексизм присутствует в скрытом виде. Значение человека как “мужчина” находится на уровне *соотношения* если оно в контексте [192,413].

Во многих языках одно и то же слово обозначает как мужчину, так и человека, например английское *man*, французское *homme*, русское *молодой человек*, таджикское *одам*. В современных гуманитарных науках этот факт понимается как одно из ключевых проявлений андроцентризма.

Вернемся к помещенному в контекст слово *человек* по исследованиям Д. Вайса для описания лиц женского пола: *Из-за угла выскочил человек в желтой шубке с ярко накрашенными губами и огромными серьгами* [182, 413-443]. В этом примере мы предполагаем слово *человек* многозначно. В этом случае автор показывает, что в русском языке система парных соответствий менее развита по сравнению с польским языком. Вывод, уровень андроцентричности языков отличается друг от друга и зависит специфики понятия данного языка так же от особенности того же языка.

В. В. Виноградов определяет, что «лексическое значение слова – это предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка» [22, 267].

Особо наглядное представление совокупности лексического значения для группы слов, это так называемое словообразовательное поле, то есть

единство всех возможных дериватных от одной корневой морфемы (например, *платье – dress - кӯрма, dressing, dressed*).

В разных культурах причины и устойчивость гендерных стереотипов различаются. В случае, когда реальное поведение мужчин и женщин уже стало другим гендерные стереотипы наделены устойчивостью и продолжают сохраняться. Ведь, «в традиционном и современном представлении таджиков образ женщины ассоциировался и ассоциируется с длинными волосами, а мужчины — с короткой стрижкой, женская одежда — с платьем, а мужская — с брюками». Такие стандарты произошли из другого общества в постсоветскую эпоху. Исследуя гендерные стереотипы в нашем обществе в эпоху реформирования, по наблюдениям, без препятствий можно было заметить, что девочкам приходиться в школу в джинсах и в повседневной жизни видеть, как их матери и старшие сестры с завидным постоянством облачаются в брюки и носят современные стрижки.

«Европейская история показывает, что внешние атрибуты гендерной принадлежности изменчивы во времени и пространстве. К примеру, в XVII–XVIII веках мужчины носили замысловатые парики с аккуратно завитыми длинными кудрями, а знатным женщинам позволялось появляться в высшем свете в костюме амазонки (вариант брючного костюма для верховой езды). В некоторых культурах гендерные стереотипы в отношении прически и одежды, и вовсе диаметрально противоположны привычным для нас стандартам. Молодые мужчины из традиционных скотоводческих обществ Восточной Африки — датога и масаи — носят сложные прически в виде старательно заплетенных длинных косичек, декорированных металлическими колечками или бисером, а женщины бреют голову, а по набору ушных украшений мужчины в этих обществах ничуть не уступают женщинам. У арабов мужчины и женщины облачаются в просторные платья-галабии, у шотландцев мужчины облачаются в юбки килты, а в индийском штате Пенджаб женщины носят туники и шаровары наравне с мужчинами» [243].

Определенные правила и стандарты внешнего вида для мужчин и женщин применительно к одежде устанавливаются обществом, причёске, украшениям, татуировкам и шрамированию, а также в отношении объема допустимого к всеобщему обозрению открытого тела, в том числе.

В зависимости от тех, или иных политических и экономических событий в обществе, гендерные стереотипы могут перестраиваться. На сегодняшний день, в странах Востока женщина за рулем нередкое явление, как в конце XX века, большинство мужчин во многих странах, особенно Востока искренне считали, что женщине за рулем не место, и что она не в состоянии столь же хорошо водить машину, как мужчина, как и в большинстве западных стран.

Ряд моментов во всем выше сказанном обращает на себя внимание: 1) правила устанавливаются обществом, убеждая своих участников следовать им, и этим самым правила отражаются не только на поведение, но и на внешний вид его участников «в первую очередь это касается гендерных различий»; 2) во многих обществах (или почти во всех) правила общественного поведения и публичный дресскод (прежде всего в отношении женской половины) предписывают именно мужчины. Каким образом к этому отнестись? Непроизвольная степень вероятности, неестественное нежелание женщин быть в политике и посвящать себя общественной деятельности или присвоение власти одним полом под влиянием объективных и субъективных обстоятельств?

«Абсолютное отделение гендера от биологической составляющей пола, впрочем, не большая крайность, чем полное игнорирование различий между полом и гендером. Эволюционные антропологи приводят в своих работах целую серию убедительных доказательств того факта, что биологические составляющие пола играли существенную роль в формировании гендерных различий в процессе эволюции человека».

Когда мужчина больше отвечает за деятельность вне дома, почти во всех социумах женщина связана с домом. Данная ситуация, а именно

уничижительное отношение к обществу, несомненно, связано с биологическими различиями между мужчиной и женщиной, прежде всего фактом является то, что «задача женщины производить на свет детей, кормить младенцев грудным молоком и в подавляющей части обществ ухаживать за ними».

На гендерные феномены в современном обществе продолжает влиять неравенство полов. И все же на очевидные направления на культурный солидаризм между мужской и женской ролью (мужчины стали больше заниматься домашними делами и ухаживать за детьми, а женщины активнее включаться в деятельность за пределами дома), полной стандартизации в обозримом будущем все же ожидать не приходится.

3.2. Особенности функционирования антропонимов в гендерном аспекте

Корректно будет начать сравнительное изучение гендерных языковых картин мира с имен собственных (антропонимов), прозвищ, которые являются гендерно-маркированными. Так как именно межъязыковая передача антропонимов является непростой теоретической задачей. Гендерная специфика фамилий и определенные группы имен английского, русского и таджикского языков создает проблемы перевода. Значительные различия в гендерном вопросе в ономастической системе таджикского, английского и русского языков отчетливо выделяют данные проблемы.

«Гендерный признак входит в систематизирующую часть изоморфизма антропонимов, и для таджикского языка свойственна его выраженная форма окончания личного имени, отчества и (в большинстве случаев) фамилии, исходя из этого, в таджикском языке категория рода в именах выражается регулярно, морфологическими и фонетическими средствами». Соответственно, категория грамматического рода, характеризуется низким уровнем выраженности в системе английского языка, так как, значительная

часть английских имён в переводе на таджикский или на русский языки, воспринимаются и устанавливаются по гендерному признаку. «Родовой признак, или признак пола лица, выражается противопоставлением мужских и женских имен, прежде всего личных - например, PAUL, JEROME, ANDREW, ANTHONY, с одной стороны, и JUDITH, JANE, SYLVIA, ELIZABETH», с другой.

Некоторые лингвисты утверждают, «использование одних имен для названия лиц мужского пола, а других – для лиц женского пола есть всего лишь лингвистическая релятивность, базирующийся на культурную ценность».

Оспаривание таких разграничений сложилось «под впечатлением наблюдением за английским языком, где у мужских и женских имен практически нет особых отличительных родовых окончаний, а некоторое число имен могут выступать одновременно как, мужские и как женские» [180,184].

Такая теория не подтверждена, так как «если обратиться к другим языкам или даже тщательное исследование системы имен английского языка. В Словаре английских личных имен насчитывается менее 30 имен (из нескольких тысяч), которые в своей полной форме являются как мужскими, так и женскими. Самые распространенные – AVERIL, BEVERLEY, Carey, Carol, Clyde, Dean, Evelyn, Garnet, Hillary, Holly, Jesse, Jocelyn, Joyce, Leigh, Kim(ball), Leslie, Meredith, Morgan, Shirley, Sidney, Vaughan, Vivian, Wallace. Имеется еще немалое число уменьшительных и усеченных форм как Alex, Bertie, Chris, Matt, Pat которыми могут называться лица обоего пола» [164,187-221].

Д. И. Ермалович в своей книге «Имена собственные на стыке языков и культур» пишет о следующих случаях неговорящих прозвищ: американский адмирал У. Холси, который отличался мягким характером, получил прозвище *Bull* из-за ошибки журналиста, печатая на пишущей машинке его имя *Bill*,

нажал вместо *i* на соседнюю литеру *u*; леди Эдит Ситуэлл с детства сохранила за собой кличку *Dish* - так когда-то выговаривал её имя младший брат. Лежащие в основе вышеупомянутых прозвищ образы никак не характеризуют их носителей. Кроме того, у довольно большой группы прозвищ отсутствует мотивация или внутренняя форма, к примеру: *Coop* от *Cooper*. Разумеется, эти прозвища нестандартный способ именованя человека» [43, 415].

Совпадение мужских и женских имен является поводом для курьезов. В основу действий американской киноакадемии: «Ловко устроился» (*SITTING PRETTY*), родители дают объявление по найму няни для детей и получают письмо от персонажа по имени Lynn Belvedere (именем Lynn чаще называют девочек) и лишь по приезде няни в дом обнаруживается, что это мужчина.

Признак пола в ряде английских антропонимов можно считать выраженным морфологически, как на примере таких мужских и женских имен: Cyril – Cyrilla; Donald – Donalda, Donaldina; Gilbert – Gilberta; Joseph – Josephine; Augustus – Augusta; George – Georgina; Patrick – Patricia».

Отсутствие категории грамматического рода в английском языке, в отличие от таджикского языка, где категория рода в личных именах выражается регулярно и морфологически, и фонетически, но иногда есть исключения в именах. Есть небольшое количество уменьшительных и полных форм личных имен, которые совпадают в формах женского и мужского рода.

Исследование антропонимов имеет свои законы и правила, вольное или невольное отступление от которых с неизбежностью сказывается на научных результатах. «Первый закон антропонимики, как и всей ономастики, - историзм» - утверждает известный ономатолог В.А. Никонов. [97,187]

Имена людей, антропонимы – это прежде всего слова, и, как все слова, они подчиняются законам лингвистики.

Значение любого другого слова, зависит от структуры языка, чем семантика имен в меньшей степени. К примеру, «у большинства народов, мужские имена означают силу, смелость, власть, а женские - красоту,

целомудренность, нежность. Различия же имен обусловлены не столько различиями языков, сколько причинами конкретно-исторического характера».

Прежде всего, антропонимическая система в которую входит имя собственное, интересующее исследователя, и внешние по отношению к ней условия, в которых эта система функционирует.

В книге «Имя и история» Алима Гафурова приведены заметки об арабских, персидских, таджикских, и тюркских именах прозвищах и титулах, встречающихся у народов Средней Азии, Закавказья и Поволжья, которые в прошлом были втянуты в сферу влияния ислама и исламской культуры.

В домусульманской антропонимии у арабов основным именем считалось «исму 'аламин» (личное имя), имя, данное при рождении, имя по которому становился известным человек.

Современные таджикские имена *Партов* 'оставленный', *Пахол* 'солома', Хоркаш 'грабли', *Сангак* "камень" донесли до наших дней отголоски наивных верований. Видимо предполагалось, что злые духи пройдут мимо «отбросов», а «чеснок» отгонит их сам.

У таджиков тоже существует обычай, нарекать девочек «мужскими» именами. Имя *Додар* - *Додарой*, встречающееся и поныне в горном Таджикистане, означает «брат». Им нарекают и мальчиков, и девочек, когда хотят, чтобы в семье было больше сыновей.

Мальчик или солидный мужчина с «цветочным» именем для европейца приблизительно то же самое, что шотландский стрелок в юбочке в глазах восточного человека. *Гульмухаммад* можно понимать, как «цветок Мухаммада», или как «цветущий Мухаммад». *Гульмирзо* может означать «цветущий царевич» и «царственный цветок». *Гулмиддин* и *Гулбуддин* уже похожи на искусственно - выведенные сорта. Компонент «дин» означает «вера, религия», но согласные *м* и *б* здесь выступают в роли звуков, облегчающих произнесение слова, приблизительно по смыслу «цветок веры» или что-то красивое.

Большинство имен с компонентом «гул» - женские. Имена *Ашур*, *Раджаб-Раҷаб*, *Сафар* считаются мужскими, но *Ашӯргул*, *Раҷабгул*, *Сафаргул* становятся как женскими. Компонент *гул* служит признаком женского имени. Например, *Гулбибӣ*, *Гулбону*, *Гулҷаҳон*, *Гулмоҳ*, *Гулрӯ*, *Гулсара*, *Гулчехра*, *Гулрухсор* – это классические женские имена. Наличие имени таких компонентов, как *Али*, *Муҳаммад*, *Назар* (*Гулалӣ*, *Гулмуҳаммад*, *Гулмуҳаммад*), элементов – *бек*, *-шер*, *-шо* (*Гулбек*, *Гулишер*, *Гулишо*) – бесспорный признак мужского имени. [24, 3-31]

Этимология таджикского имени Мохира на первый взгляд кажется прозрачной. Значение данного имени можно найти в арабском словаре. Широко употребительное имя в таджикском языке слово *мохир* – *моҳир* означает «умелый, искусный». Отсюда имя *Мохира* – *Моҳира* можно объяснить как форму женского рода от данного слова *мохир* – *моҳир*.

В таджикском языке есть ряд имен, которыми называют и мальчиков, и девочек тоже. Например, *Диловар* (мужское имя), *Диловар* (женское имя); *Шавкат* (мужское имя), *Шавкат* (женское имя); *Муқаддас* (мужское имя), *Муқаддас* (женское имя); *Маниж* – *Манижа*, *Шариф* – *Шарифа*, *Фарзон* – *Фарзона*, *Фарид* – *Фарида*, *Шохин* – *Шохина*, *Фариз* – *Фариза*, *Саид* – *Саида*, *Мехрон* – *Мехрона*, *Ҳабиб* – *Ҳабиба*...

Межъязыковая передача антропонимов считается одной из сложных, теоретических проблем. В гендерном аспекте возникают трудности при переводе гендерных специфик фамилий и имен в том числе, именно в гендерном плане наблюдаются довольно серьезные расхождения. И речь идет не только об антропонимах в целом.

Иногда при переводе высказываний с именами собственными, которые имеют одинаковую форму в мужском и женском родах, то есть имея двусмысленную форму, ставят переводчика в затруднительное положение.

«Различие по словообразовательной парадигме можно проиллюстрировать следующим примером: *I gave it to Carol*. В случае если

речь идёт о мужчине, то транскрибированное имя в переводе будет склоняться и получит окончание - *Я отдал её Кэролу*). Если же референт женского пола, то имя склоняться не будет - *Я отдал её Кэрол*». В таджикском языке: если случай тот же – *Ман инро (вайро) ба Керол додам - I gave it to Carol*.

Надо заметить, что несмотря на гипотетическую возможность изобрести абсолютно любое имя, такие антропонимы все равно в подавляющем большинстве своем остаются за пределами культурной парадигмы конкретного социума, который предпочитает адекватные имена.

«В английский свод антропонимов вошли в свое время такие имена латинского происхождения, к примеру: Virginia, Prudence, Patience, в которых соответственно читаются значения девственной чистоты, благоразумия, терпения; были анонимизированы названия драгоценных камней (Jade, Beril, Crystal) и некоторых месяцев (April, May)».

Итак, «образование антропонимической картины мира больше всего определяется социальными процессами. И отражением таких процессов является мода на личные имена. Пинкер С. об этом говорит, что мода имеет свои тенденции, как выбор определенной этимологии – имена латинского - греческого, кельтского, англосаксонского происхождения, имен, образованных от названий драгоценных камней или месяцев года и новая тенденция давать детям имена знаменитых людей. На сегодняшний день в Америке наблюдается возрождение моды на библейские имена, но как становится известно, вовсе не по причине возвращения людей к вере» [175, 279-322].

Мальчиков в начале прошлого века именовали как Evelyn, Leslie, Robin, едва лишь их стали давать девочкам, мальчиков перестали называть этими именами или они стали менее употребляемы. Утративший гендерные формативы, английский язык оказался «безразличным» к делению по родам в группе антропонимов. Очевидно, для английского языка может произойти

неясность в указании на пол носителя имени, что в таджикском языке фонетический признак неизбежно укажет (в большинстве случаев).

Вследствие соответствия модным тенденциям, имя может определять личность по возрастному параметру. По свидетельству С. Пинкера, «most American readers, knowing nothing else about a man other than his name is Murray, would guess that he is over sixty, middle-class, and probably Jewish» [174, 223]. Автор пишет, «как легко может определить возраст женщины: Edna, Ethel, Bertha — это пожилые женщины; Susan, Nancy, Debra — стареющие дамы из генерации беби-бумеров; Jenifer, Amanda, Heather — этим будет за тридцать, а Isabella, Madison, Olivia — явно еще девочки. Кстати, мужские имена более устойчивы к моде, поэтому во все времена можно встретить как мальчиков, так и стариков с именами Robert, David, Michael, John, James» [175, 312].

Антропонимы являются указателем национальной единства и удостоиваются, более четкого и толкового исследования, чем позволяют рамки данной диссертационной работы. Необходимо подчеркнуть значимость данного объема в культурной функции антропонима.

«Наше имя - это главная «одежка», по которой нас встречают. Стоит только вспомнить диалог из старого анекдота о еврее, который пришел в отдел кадров устраиваться на работу: «Я дизайнер. — Да уж вижу, что не Иванов». Хочется, однако, особо подчеркнуть, что даже Великобритания и Америка — «две страны, разделенные общим языком», — иногда категорически не совпадают в своих антропонимических пристрастиях, судя по взгляду «изнутри», изложенному J. Walmsley»: «Yanks are never, ever called: Nigel, Neville, Trevor, Miranda, Tristram... Brits are never, ever called: Murray, Seymour, Ashley, Candy, Shannon, Babe... In America these are girls' names: Robin, Jamie, Adrienne, Laurie, Leslie. In Britain - boys'. Randy (Randolph) for Brits it's 'sex-crazed'» [190, 60-73].

Как известно категория пола в таджикском языке не имеет свойства, то есть не специфична (не имеет грамматическую форму). Таким образом,

местоимения, которые относятся и к женскому роду тоже, не имеют отношение именно к женскому полу. Сравните: *he goes – she goes; he speaks – she speaks* (в настоящем времени), *он идет – она идет, она говорит – он говорит; he went – she went; он пошел – она пошла; вай (ӯ) – меравад, вай рафт.*

Большинство слов в английском языке называют немаркированными, то есть не имеющими категорию рода, называют нейтральными, без дополнительного уточнения нет возможности понять, речь идет о мужчинах или о женщинах, к примеру: *parent, sibling, cousin, infant, baby, child, kid, a person, a friend* и др.

Итак, выявить из текста таких форм, то есть принадлежность пола (*вай*) - *он или она*, женскому роду или мужскому роду очень сложно. Но в реальной жизни существует гендерная принадлежность, которая выражается некими способами на таджикском языке:

1. В словах, обозначающих национальность, профессии людей, слова «женщина» и «девушка» употребляются для обозначения женского пола: *тракторчизан - тракторист(ка) - tractor driver, зани рус – русская - Russian, духтари амрикоӣ – американка - American.* Обычно перед женскими именами на английском языке употребляется слово «леди» для обозначения их аристократического титула: *миссис Тэтчер и миссис Дворкин-хонум Тетчер, хонум Дворкин-Mrs(missis) Thatcher, Mrs(missis) Dvorkin.*

2. В некоторых таджикских терминах, чаще в названии животных, используются отдельные слова для обозначения пола: овцы и бараны, куры и петухи. Но чаще употребляются слова по признаку пола животных от слов «мода» - «самка» - «*female*» и «нар» - «самец» «*male – buck - bull*»: *модагург – волчица – wolf - shewolf, шеру нар – лев - lion, хирси нар – медведь - bear.*

3. Большинство таджикских женских имен, которые заимствованы из арабского языка, как упоминалось выше, принимают окончание «-а» для определения женского пола: *Салим - Салима, Замир - Замира.* Некоторые

таджикские имена также образуются таким путем: *Хуршед* - *Хуршеда*, *Умед* - *Умеда*.

4. В зависимости от особенностей арабского языка, лексика, выражающая профессию, представляет женский род с добавлением окончания «-а»: шоир - шоира, котиб - котиба, адиб - адиба. Иногда эти слова могут менять структуру: талаба – толиба.

5. Некоторые формы женских имен образуются с дополнением слов относящихся женщинам-девушкам: «моҳ», «гул», «бибӣ», «нисо», «бону»: *Сафар* - *Сафармоҳ*, *Нор* - *Норбибӣ*, *Рӯзӣ* - *Рӯзигул*, *Хайрӣ* - *Хайринисо*, *Малика* - *Маликабону*.

Данные примеры подтверждение того, что и в таджикском языке, как и в других языках, слова имеют первоначальную структуру, которые относятся к мужскому роду. Имея в виду то, что понятие грамматического рода нестандартно в таджикском языке. Несмотря на общие характеристики различий между мужчинами и женщинами, которые можно суммировать по результатам исследования, можно выделить особенности таджикского языка, жизни таджикского народа и другие вопросы.

Прежде всего, отсутствие гендерной категории не означает гендерного равенства в таджикском языке. Этот случай указывает на то, что понятие рода в таджикском языке не является просто грамматической формой, то есть оно не выражается конкретно в каких-либо конкретных грамматических средствах.

Таким образом, невозможно определить гендерную идентичность с помощью чисто лингвистического анализа. Таким образом, невозможно определить род (пол) с помощью чисто лингвистического анализа. К примеру, можно привести простое предложение «Я полюбила его» - из такого предложения можно с легкостью определить, что данное выражение сказано женщиной. В случае перевода такого предложения на таджикский язык – «*Ман ўро дӯст доштам*» не указывает на определенный пол, но можно

отнести это обоим (мужскому и женскому) полам. Или же для перевода «Я развелась» на таджикский язык необходимо прибегнуть к ещё одному слову «муж»- «шавҳар» и перевести как «Ман аз шавҳарам чудо шудам», только в этом случае мы можем передать правильный перевод. Рассмотрим данные предложения на английском языке «*I fell in love with him*», «*I divorced*». При переводе предложения «*Ўро аз даст додам*» нужно добавить ещё одно слово для определения мужского или женского пола, и только после этого делаем правильный перевод «*Я потерял ее*» или «*Я потеряла его*». В английском языке картина такова «*I lost him*» - «*I lost her*».

Подобный анализ показывает, что изучение проблем языкового выражения гендерных отношений в таджикском языке рассматривается не только с точки зрения грамматической интерпретации и таксономии, но и очень важно и необходимо рассматривать данные вопросы с учетом лексических и семантических особенностей в данной языковой картине мира. Наряду с этим анализ лексико-семантических и стилистических особенностей слов, выражения и терминов гендерно ориентированного языкового контекста может иметь сравнительно большое значение для современного таджикского языка. В таджикском языке выражение «*чашми сиёх*» - «*черный глаз*» (дословный перевод) является синтаксическим термином, который может логически применяться как к мужчинам, так и к женщинам. Но анализ литературных текстов - обычное наблюдение показывает, что эта фраза предназначена для женщин, и поэтому, «*Чашмони сиёҳ дорӣ*» - «*У тебя черные (красивые) глаза*» - «*You have black (dark) eyes*» (дословный перевод/ интерпретация отличается, например, *a black eye* - *подбитый глаз или синяк под глазом*), обычно означает, красивая женщина или красивая девушка. Что касается мужского пола, то концепция «*бозуи қавӣ*» - «*сильная рука*» - «*strong arm*» в нашем представлении - прежде всего храбрый и сильный человек.

3.3. Семантика слов гендерного значения при переводе

В современную эпоху лексический строй таджикского языка активно развивается в разных направлениях, в том числе и гендерных. В отличие от других европейских стран в Таджикистане, как и других исламских стран на Востоке, ритуалы часто разделяются на мужские и женские церемонии. Совершенно понятно, что таджикские мужчины и женщины пользуются гендерными понятиями (различиями) и контекстами в этих церемониях. Однако публичные церемонии, независимо от местных ограничений, можно разделить на три группы: церемонии, в которых участвуют мужчины и женщины, церемонии, характерные только для женщин и церемонии исключительно только с участием мужчин. Лексический анализ слов и фраз, используемых в каждом из этих церемоний, может предоставить интересный материал для исследователя и, в целом для лингвистических гендерных исследований.

Как известно, содержание национальной языковой культуры определяется нравственными нормами жизни социума. Основание общего и диалектно лексического фонда языка – это единый процесс, который протекает во всех языках, в частности в таджикском и английском языках.

К примеру, обрядовая лексика *бракосочетания*:

интихоби арӯс выбор невесты (понятия – *пурсидани авлод* – *пурсидани дунёи ҳозира ва дунёи пешина*, *тагпурсӣ*, *чаҳор тарафаши пурсучӯ кардан*) с участием мужчин и женщин.

хостгорӣ (*завчигӣ* – *кави нобуд кардан*, *сватовство*) со своими особенностями, участие женщин

духтарбенӣ (*келинбенӣ*), *домодбенӣ*

нону қанд (*ҳагӯён* – *согласие со стороны родителей*)

тӯйбиёрон, *оши наҳор*, *шаби базм*, *рӯйбенон*, *келинбенон*, *домодталбон*, *салом*, *дадобенон*, *келинталбон*

К примеру лексема *оила*

Оила – хонавода, аҳли пайвандон, хешу табор, уруқ, авлод, зан, ҳамсар, шавҳар, завҷа, келин, хушдоман, амак, қайно, қайнӣ, қаинсини, авсун, тағо, келинова, амма, хола, кудак, фарзанд, писар, духтар, набера, абера, чевара, бобо, оча, бобокалон, модаркалон, оя, аякалон, хона, дар, файзу барака, дастархон, туй, марака, оилаи пурфайз

По сравнению с другими европейскими народами таджикский народ может гордиться своим драгоценным наследием фольклора. Действительно, за годы советской власти в таджикском фольклоре произошла огромная трансформация: изучение народной культуры в значительной степени основывалось на достижениях современной науки. Проводились исследования таджикского фольклора разных регионов, результаты которых были опубликованы в отдельных книгах. Однако изучение всех фольклорных вопросов, связанных с требованиями времени и политикой того времени, проводилось с точки зрения литературной критики и принципа классической теории и соотношения литературы. Необходимо пересмотреть эти вопросы с учетом целей и задач гендерных исследований и изучить их с точки зрения взаимодействия между фольклором и общественной жизнью, отражающего гендерные отношения в фольклоре и другие связанные с этим, вопросы. Гендерный анализ может проводиться по следующим направлениям:

1. Состав (композиции) и фразы традиционных таджикских церемоний.
2. Свадебные поздравления таджикских свадеб и торжеств.
3. Молитвы (дуа), пожелания (орзу), женские и мужские оскорбления (дашном) таджикского народа.
4. Пословицы и поговорки, имеющие социальный характер.
5. Мужские и женские песни на праздничных церемониях.

Изучение сравнительного анализа языковых особенностей писателей (поэтов) и писательниц (поэтесс) позволяет определить авторство стихотворения, то есть принадлежит ли оно женщинам или мужчинам при отсутствии грамматических форм пола (рода). В этом случае анализ

исключительно женских и исключительно мужских выражений, в зависимости от их социального статуса, играет важную роль в этом социальном вопросе. Чтобы проиллюстрировать это, можно привести пример анализа стихотворения:

Гунаҳ кардам, гуноҳи пур аз лаззат,

Дар *оғӯше*, ки *гарму оҳанин* буд.

Гунаҳ кардам миёни бозувоне,

Ки *доғу кинаҷӯву оташин* буд [Ф. Фаррухзод].

Перевод:

Я согрешила, грех мой полон удовольствий,

В теплоте крепких объятий.

Я согрешила в объятиях, которые,

Были крепкими как железо и огненными.

Как видим в вышеприведенных строках, можно выделить гендерноориентированную лексику в двух категориях в зависимости от женского и мужского полов как гунаҳ (грех), лаззат (удовольствие), оғӯш (объятие), гарм (теплый), оташин (огненный), бозувон (предплечие, объятие) доғ (горячее), кинаҷӯ (гневное, сильное). Данную лексику можно отнести и к мужчинам и к женщинам.

В другом примере также можно заметить гендерно ориентированную лексику относительно только женскому полу, при этом данная группа лексики применяется автором мужчиной, такие слова как зулф (локон), лаб (губы), гул (цветы), бўса (поцелуй):

Зулфата боло задам,

Сила ба шабҳо задам.

Ҳар ду *лабат гул* намуд,

Бӯса ба *гулҳо* задам [Б. Собир].

Перевод:

Прикасаюсь к твоим волосам,

Чувствую темную ночь.

*Губы твои как **ц**веток,*

*Насладился я этим **ц**ветком.*

Итак, эти два отрывка посвящены одной и той же теме. В результате лингвистического анализа и сравнения содержания, без упоминания автора можно также определить социальный статус, то есть, является ли автор этих стихотворений мужчиной или женщиной. В первой строке первого отрывка, автор находясь в объятиях любимого, считает это “грехом”. *Флирт (ишқварзӣ)* – *love, flirt* или *любовь* в нашем обществе, считается «грехом» только для девушек. *Железные (оҳанин) объятия – an embrace of iron, bunny hug*, характерно исключительно для мужчин. Для женщин характерно слова *мягкость (нарма)* и *нежность* (например нежное объятие).

Во втором отрывке, в первой строке употреблено слово *зулф - локон – lock (hair, curl)* которое относится только женщине. Слово «гул» - «цветок» - «flower» тоже относится женщине, красивой и нежной подобной цветку. Кроме этого, мужчинам свойственно употреблять выражения «бӯса кардан», «бӯса задан», «бӯса гирифтан», «поцеловать», «целовать», «поцелуй», «kiss», «kissing», «buss» при условии, если женщина согласна «to give a kiss». Поэтому нетрудно сделать вывод, что автор первого отрывка - женщина, автор второго является мужчиной.

Ученый лингвист С. Арзуманов связывает проявление образных значений слов некоторыми факторами, как: а) сходство предметов; б) связь понятий; в) полное или частичное соотношение; г) переход имен собственных в имена нарицательные; е) определение смысла контекстом [33,356].

Таджикский лингвист Х. Маджидов в книге «*Забони адабии муосири тоҷик*» (*Современный таджикский литературный язык*) акцентировал внимание на семантику и методы семантики, оригинальные термины, основные, общие, именительные, денотативные, иерархические термины, основное значение слова и метафоры, основное, относительное значение,

рассматриваемое дополнительное значение и проклассифицировал их «с точки зрения текущего состояния их существования» [89,243].

Прилагались попытки рассмотреть виды лексических метафор не только как средства украшения речи, но и как преобразование и трансформация смыслов художественной реальности как визуальное искусство, со стороны литературоведения, то есть объяснить это с литературной точки зрения. Но определенного мнения пока еще нет. Поскольку со времен бывшего Советского Союза существует традиция, что лингвистическое изучение и литературоведение должны иметь грань. Хотя в прошлом это явление изучались под названием литературной науки, что приводит к путанице многих терминов, включая лексические метафоры.

Разумеется, предмет, и содержание гендерных вопросов в таджикской лингвистике этим не ограничиваются, и в процессе обучения они могут быть дополнены другими темами и областями исследований, при расширении круга представленных тем.

Очень важно уделить внимание на межъязыковой передаче фамилий. «В английском языке фамилия человека не выражает гендерную принадлежность человека. По вышеприведенным примерам, фамилии могут выражаться антропонимическими формантами *Mr, Mrs, Miss, Jr (Junior), Sr (Senior)* и также титульным приложением *Lady*» [112,576]. Сравним для них характерные соответствия в таджикском и русском языках, как *чаноб – хонум, олиҳа, бону, господин, госпожа, мисс*.

Такие приложения к полному именованию, как *Mr, Mrs* или *Miss* кроме пола, нередко обозначают ещё и семейный статус их носителей. Результатом чего, с 1960-х годов в англоязычных обществах под воздействием феминистских направлений было введено новое титульное приложение — *Ms (госпожа)* для уточнения семейного статуса женщины.

Однако, титульное приложение *Ms* как показала практика, не смогла сменить окончательно из прикладного применения *Mrs* и *Miss*, которые поясняют, что женщина является чьей-либо супругой или дочерью. Более того, особенностью английского языка в этом отношении является возможность с помощью полного именованя мужчины к примеру: *Mr Albert Forrester, Mr Ralph Nader, Mr. William Pearl*, также, называть и его жену: *Mrs Albert Forrester, Mrs William Pearl, Mrs Patrick Maloney*. Употребить *миссис* фамилией мужа вместе с его именем. При такой схеме фамилия не изменяется.

«В таджикском и русском языках такая модель именованя жены по сочетанию личного имени и фамилии мужа не употребляется, но формально-ориентированную передачу (*миссис Альберт Форрестер*) теория перевода вынуждена опровергнуть. В противном случае, у адресата данных языков создастся ложное впечатление, что не только фамилия, но и личное имя принадлежит жене, хотя оно и мужское» [43, 415].

Дословная передача в данных случаях может привести к грубым ошибкам при межъязыковом переводе:

Сравнение:

«- *Quick! Come quick! Patrick's dead!*

- *Who is speaking?*

- *Mrs Maloney. Mrs Patrick Maloney.*

- *You mean Partrick Maloney's dead?»*

"(R. Dahl "Lamb to the Slaughter". P. 175).

Русский перевод:

«- *Скорее! Скорее приезжайте! Патрик мертв!*

- *Кто это говорит?*

- *Миссис Мэлони. Миссис Патрик Мэлони.*

- *Вы хотите сказать, что Патрик Мэлони мертв?»*

Таджикский перевод:

- *Тез! Тез биёед! Патрик мурдааст!*

- *Кӣ гап мезанад?*

- ***Миссис Мэлони. Миссис Патрик Мэлони.***

- *Шумо гуфтаниед, ки Патрик Мелони мурдааст?*

Сравнение:

«- *I want to speak to Mr Landy, please.*

- *Who is calling?*

- ***Mrs Pearl, Mrs William Pearl***».

(R. Dahl "William and Mary").

Русский перевод:

«- *Пожалуйста, я бы хотела поговорить с мистером Лэнди.*

- *Кто его спрашивает?*

- ***Миссис Перл. Миссис Вильям Перл***».

Таджикский перевод:

- *Илтимос, мехостам бо мистер Лэнди гап занам.*

- *Кӣ ўро мепурсад?*

- **«*Миссис Перл. Миссис Вильям Перл***».

Как видим, одинаковые недочеты и упущения в данных примерах из двух различных произведений одного автора, допущено двумя разными переводчиками и главной причиной такого рода упущения заключается в том, что перевод в обоих случаях произведен методом построчного перевода, без дополнения каких-либо семантико-стилистических трансформации и при этом можно сказать, что может быть нарушены определенные требования к переводу и специфические особенности языков. Для исключения таких неясностей, при переводе на таджикский язык, для такого рода предложений с антропонимическими именованьями, разработаны, два варианта соответствий:

1) «упрощённая форма именованья - без личного имени мужа (т.е. *мисс (госпожа) Форрестер*); 2) описательный перевод, в котором именованию с

антропонимическим формантом *Mrs* ставится в соответствие определённая дескрипция - словосочетание «жена, супруга + личное имя мужа в родительном падеже». К примеру, *жена Альберта Форрестера*» [92, 207].

Сравнение:

Миссис (госпожа) Перл. Жена Вильяма Перла.

Сравнение:

«I could pursue men. When Ralph Nader came to Boston I studied his picture and asked to be assigned to interview him. Mrs Ralph Nader, I thought, until I shook his hand and felt his unmistakable indifference to women» [179, 24].

Перевод на русский язык:

*«Я была способна охотиться за мужчинами. Когда в Бостон приехал Ральф Нейдер, то, изучив его фото, я попросила о задании взять у него интервью. Я уже воображала себя **госпожой Нейдер**, пока не пожала ему руку и почувствовала его явное безразличие к женщинам». [перевод автора дис.]*

Перевод на таджикский язык:

*«Ман қобилияти шикор кардани мардонро доштам. Вақте ки Ралф Нейдер ба Бостон омад, сураташро омӯхтам ва пурсидам, то ки бо ӯ мусоҳиба барам. Ман аллакай тасаввур мекардам, ки **хонум Нейдер** ҳастам, то он даме, ки даст ба ларза додам ва бепарвоии ӯро нисбат ба занон ҳис кардам».*¹

На сегодняшний день литературный рынок богат книгами зарубежных авторов разбивая языковой барьер переводом. Практически каждый перевод имея пользу может иметь и “подводные камни” тоже. Для того, чтобы сделать перевод более ярким, эстетично - эффективным, большинство авторов “играют словами”. Такой способ перевода с особенностями, являются “говорящие имена”(смысловое имя).

¹Построчный перевод автора диссертации.

Смысловое имя – это вид тропа в некоторой степени равнозначный метафоре и сравнению, используемый в стилистических целях для характеристики персонажа. Автор может создавать “говорящие” имена для различных целей в своем словотворчестве на существующие в ономастике традиции и модели [20, 784].

«Сложность перевода прозвищ зачастую состоит также в несовпадении эмоционально-экспрессивного компонента информативного объема слова оригинала и перевода. Особую группу могут составить имена американских индейцев, которые к тому же приходится переводить через английский язык-посредник». Например, в романе Макса Брэнда (псевдоним-Max Brand, настоящее имя Фредерик Шиллер Фауст, американский писатель): «Thunder Moon and Red Wind» действуют такие персонажи, как *White Crow /As White Crow had said, he was passing from youth to manhood and the transition was an agony/ «Walking Horse, Standing Antelope, Snake That Speaks*. И все это могучие воины, гроза прерий; в переводе все эти имена приобретают, своеобразный «женственный» вид: Идущая Лошадь, Стоящая Антилопа, Говорящая Змея, при этом нарушается грамматическое согласование: Говорящая Змея сказал: Стоящая Антилопа вскочил» [171,160].

При рассмотрении данного вопроса можно столкнуться с двумя очевидными фактами по отношению к английскому языку. Во первых, «понятия одушевлённости - неодушевлённости являются весьма существенными для построения высказывания имманентными константными свойствами существительного, определяя сочетаемость существительных с определёнными глаголами и прилагательными». К примеру: «**The man** looked at **him** in surprise (но не ‘The wall looked at him in surprise’) **Мард** бо тааччуб ба **ӯ** нигарист; **Our teacher** has grown a beard (но не ‘The computer has grown a beard) **Устоиди мо** риш мондааст; **She** is very timid» (но не The lamp is very timid) **Вай** хеле тарсончак аст. Во-вторых, «нельзя отрицать наличие в английском языке и некоторых лексических средств, выражающих значения

мужского или женского рода в частности суффикс женского рода -ess, основы he и she, в равной доле соотносимых и с понятием одушевлённости».

Изучаемой категории присуще грамматические средства выражения. Прежде всего, «значение одушевлённости/неодушевлённости определяет способность или неспособность существительного принимать форму так называемого притяжательного падежа». Пример: the girl's eyes - чашмони духтар – the eye of a needle - чашми сӯзан; the man's foot - пои мард – the foot of a mountain-доманаи кӯҳ.

Как выше отмечалось, категория рода в английском языке выражает принадлежность существительного к мужскому или женскому роду. На самом деле в английском языке категория рода отличается от категории рода во многих других языках и обладает невыраженной категорией рода. В публикациях и произведениях авторами выделяются и заостряются внимание на род следующих наименований помощью гендерно маркирующих лексем *male, female, boy, girl*.

Например, «в журнале GQ читаем: "*old male colleagues...* (GQ, October 2006). В данном случае слово коллега является словом общего рода. В английском, таджикском переводах необходимо подчеркнуть, что это слово относится мужскому полу. Важно отметить, что в статье речь идет о злоупотреблении мужчинами своими должностными обязанностями и сексуальных домогательствах с их стороны к персоналу женского пола. Учитывая это, перевод будет практически буквальным: *коллеги-мужчины*», *ҳамкорон-мардон*

Ср: *Middle English lyrics of the Passion, in contrast give the Virgin, and by extension, their female readers, a far more participatory role.*

Перевод на таджикском: *Лирикаи шиқи асримиёнагии англис, баръакс ба духтарон ва демак ба хонандагонаш боз ҳам нақши муҳимро мерасонад.*

Taboos and conventions surrounding female gazing may work to victimize the female watcher in Stond wel, moder as well as in other laments at the cross but that is far from the whole story [187, 237].

The female gaze is a feminist film theoretical term representing the gaze of the female viewer. It is a response to feminist film theorist Laura Mulvey's term "the male gaze", which represents not only the gaze of a heterosexual male viewer but also the gaze of the male character and the male creator of the film.

Перевод на таджикском: *Нигоҳи занона истилоҳи назариявӣ дар кинои феминистӣ, ки нигоҳи бинандаи жанро ифода мекунад. Ин посух ба истилоҳи "нигоҳи мард" -и назариётииноси феминист Лаура Мулвӣ аст, ки на танҳо нигоҳи тамошбинони гетеросексуалӣ, балки нигоҳи персонажи мард ва филмсоз аст.*

В данном примере лексема *female* идет как смысловой гендерный маркер, так как в отрывке текста речь идет именно о читательницах и отношении лирики к женщинам. Во втором предложении речь идет о женских взглядах.

If we assume male authorship, we might be more likely to concentrate on the poet's stereotypical association of women with sexual incontinence and fickleness [141, 66].

Перевод на таджикском: *Агар тахмин кунем, ки муаллифӣ ба мард тааллуқ дорад, пас мо беиштар ба иттиҳодияи стереотипии занони дорои норасоӣ, бетартибии ҷинсӣ ва номутобиқатӣ он дар шеър диққат медиҳем.*

При правильном переводе можно использовать дифференциальные особенности языков – создавая текст более колоритным. Можно увидеть это на примере:

«An old man was sitting by the side of the road» [230].

Дословный перевод будет звучать примерно так:

«Старый мужчина сидел у дороги».

«Марди пуре дар сари роҳ нишааста буд».

Учитывая, все особенности английского, таджикского языков, можно постараться использовать их конструктивно:

«*an*» – в таджикском языке артикль –е представляет собой энклитику произносится слитно и несет на себе ударение, но это не дает оснований оставить неопределенный артикль «а» без перевода. «Неопределенный» говорит сам за себя – мы не знаем подробностей о мужчине, речь о котором идет в предложении – более того, это не имеет ни малейшего значения. Подобный оттенок можно легко придать с помощью русского «какой-то» и таджикского «як – е».

«*old man*» – пускай и написано «старый мужчина», «марди пир», но это так потому, что в английском нет слова «старик» или же есть аналогичное, но некультурное или неуместное. В таджикском и русском языках уместно позволить написать «пирамард», «мўйсафед», «старик».

«*was sitting*» – время *Past Continuous* намекает на то, что, во-первых, действие имело место в прошлом, во-вторых, оно незавершенное. Значит, мы точно не можем сказать «сел», а только «сидел».

«*by the side of the road*» – здесь нет ничего требующего отдельного внимания, «у дороги», «на обочине» – зависит от контекста.

Теперь немного о самом порядке слов в предложении. В английском-порядок слов строгий, в таджикском языке сказуемое всегда стоит в конце предложения. Сделать акцент можно на том, что личность старика роли не играет, она не важна – потому сказуемое вполне можно переместить в конец предложения. То, где есть конкретика («*by the side of the road*» – определенный артикль «*the*» подсказывает, что имелась в виду какая-то конкретная дорога, скорее всего, это упоминалась ранее в тексте) – в начало, сделать акцент. В русском языке смысловой акцент принято сдвигать ближе к началу. Итого, получаем художественный перевод:

«У дороги сидел какой-то старик».

Грамотный переводчик умеет использовать отличительные особенности двух языков в пользу себе – делая текст более интересным и ярким. Давайте разберем это на примере:

«An old man was sitting by the side of the road».

Дословный перевод будет звучать примерно так:

«Старый мужчина сидел у дороги».

В другом примере:

«The old man pointed to the boy carrying his mother's heavy buckets».

«Мӯйсафед ба писаре шиора кард, ки сатилҳои вазнини модарашро мебурд».

«Старик указал на мальчика, несущего тяжелые ведра своей матери».

все-таки нужно учитывать все особенности английского, таджикского и русского языков и попробуем использовать их правильно:

При переводе слова *man* очень типизированной ошибкой считается не совсем правильный выбор между словами *мужчина* и *человек*:

*«Only a **man** of Colonel Sartori's generation and thought could have invented it, and only a **woman** could have believed it» [140, 398].*

Перевод: «Надо было быть человеком его поколения и склада мыслей, чтобы выдумать такое, и надо быть женщиной, чтобы этой выдумке поверить».

Перевод: Барои хаёл карда баромадани ин, бояд марде аз насл ва тарҳи тафаккур бояд буд, ва зан бояд шуд, то ки ба ин бовар кунад.

«Man has a right to expect living passion and beauty in a woman. He has no right to forget that he is an animal and in me is something that is Greek» [140, 223].

Перевод: «Человек вправе ждать от женщины живой страсти и красоты. Он не вправе забывать, что он животное; и во мне - есть что-то замысловатое».

*Перевод: **Мард** хуқуқ дорад, ки аз **зан** шавқу завқ ва зебоиро интизор шавад. Вай ҳақ надорад фаромӯш кунад, ки ҳайвон аст; ва дар ман чизи мармузу қобили андеша ҳаст.*

В приведенных примерах ощущается гендерная обструкция женщина – мужчина, то есть голословное сравнение *человека* с женщиной. Мы считаем вышеприведенный пример показывает психологический феномен самого автора и его отношения к женскому полу.

Для некоторых авторов гендерный фактор является маловажным, так как в английском языке категория рода характеризуется невыраженным, но можно определить достаточно примеров при переводе подчеркивают гендерный окрас путем добавления маркированных компонентов «*-man, -woman, boy, -girl*».

*Moreover, a woman should find a **man – child** by the streets... [256]*

*Перевод: Более того, женщина должна найти **мальчика** на улице...*

*Перевод: Беш аз ин, зан бояд дар кӯча **нисарчае** ёбад...*

We find that female students who were assigned to a female teacher without a strong math background suffered from lower math test scores at the end of the academic year [231].

*Перевод: Мы видим, что **девушкам – студенткам** (учащиеся женского пола), которым была назначена **учительница** (преподаватель женщина) без сильного фона по математике, получили более низкие оценки в конце учебного года.*

*Перевод: Мо мебинем, ки ба **духтарон-донишҷӯён**, зан-омӯзгор таъин карда шуда буд, ки дар соҳаи риёзиёт заминаи қавӣ надорад, дар охири соли таҳсил дорои баҳои насттар гардиданд.*

*When they become aware of their sin, they must bring as offering for their sin a **female goat** whith no defects [170, 117].*

*Перевод: Когда им станет известно об их грехах, они должны принести в качестве жертвы **козу**, которая не имеет недостатков.*

Перевод: Вақте ки онҳо аз гуноҳхояшон огоҳ шуданд, бояд як бузголаи ҳеҷ гуна камбудӣ надошта ҳамл кунанд.

Приведенными примерами будет неуместно говорить о полной латентности категории рода в английском языке. В таджикском и русском языках, данные примеры идут с суффиксами и аффиксами гендерным указателем, в английском же языке используется аналитический метод. Именно различная степень маркировки в данных языках составляет некую сложность.

К данному вопросу нужно подойти корректно, учитывая разницу языковых систем и выбрать более подходящий способ при переводе, чтобы расширить представление об уровне, направлениях и результатах влияния гендера на словарный состав языка.

3.4. Ассоциативное восприятие лексемы женщина в языковом сознании носителей таджикского и английского языков

Одним из наиболее эффективных методов исследования языкового сознания является ассоциативный эксперимент. Ассоциативный эксперимент – психолингвистический метод, который сообщает точный образ внутреннего и часто подсознательного содержания сознания. Эксперимент рассчитан на опрос респондентов, которых объединяет некая общность, как профессия, язык, территория проживания, на предмет выявления их ассоциаций-реакций, на определенное слово-стимул. Предоставляемые возможности описывать качества образов сознания, становятся предметом исследования, непосредственно реакции опрашиваемых, которые создают ассоциативные поля. По мнению Н. В. Уфимцевой «ассоциативное поле слова-стимула – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознания

среднего носителя той или иной культуры, его системы оценок и системы стереотипов» [129, 102-110].

«В ассоциативном поле, образованном в ходе эксперимента, можно выделить ядро (наиболее частые реакции) и периферию (единичные реакции). Привлекает внимание исследователей именно ядро ассоциативного поля. Стоит заметить, что данное деление зависит от целей эксперимента и от количества реакций» [118, 42].

«Ассоциативный эксперимент дает возможность выявить как системность содержания образа сознания, стоящего за словом в разных культурах, так и системность всего языкового сознания носителей разных культур, передавая тем самым уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры. Следовательно, языковое сознание может выступать как средство познания чужой культуры в ее предметной, деятельностной и ментальной формах, так и средством познания своей культуры» [129, 102-110].

По мнению В. А. Пищальниковой, «ассоциативная семантика, возникнув в психологической парадигме, постепенно вбирает в себя не только вопросы языкового значения, но и неразрывно связанные с ней аспекты физиологии, психологии, семантики и философии». Это говорит о том, что «ассоциативный эксперимент, как метод доступа к языковому сознанию, к неосознанным процессам мышления, получает все большее распространение и занимает лидирующие позиции среди методов изучения сознания».

Мы провели свободное анкетирование среди таджикских студентов, опираясь на проведенное исследование российских ученых в городах Лондон, Манчестер в 2011 году среди ста молодых британцев, возраст которых составлял от 15 до 25 лет были получены интересные факты и концепции. В рамках данного исследования проводился опрос по сети Интернет путем анкетирования или беседы в режиме on-line. Испытуемые получили анкеты с заданием зафиксировать свои ассоциации, возникающие на слово-стимул «woman», первым пришедшим в голову словом или

словосочетанием. Ответы респондентов женского и мужского полов показали следующие: «the beauty (25), independence (13), confidence (13), mother (12), erudition (11), career (7), success (6), instinct (5), child (3), subtlety (3), freedom (3), emancipated (9), splendid gender (11), inner beauty (10), friend (8), stingy (4), sex (7), naturalness (3), pretty (1)»[47, 84-89]. Базовые компоненты для стереотипизации образа женщины в языковом сознании студентов представлены на схеме:

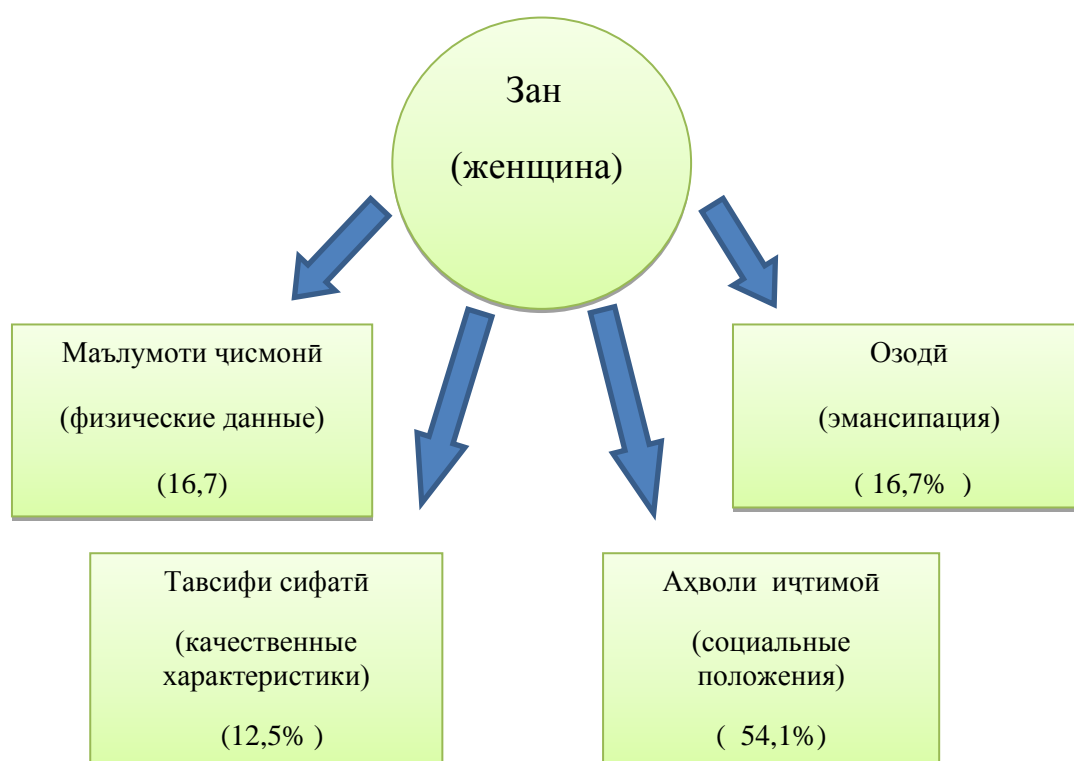

Такое исследование концептуализации экспериментальными методами дает возможность проследить гендерные особенности языкового сознания. Исследование такого рода, разумеется, недостижимо без анализа ценностей и культурных норм со стороны реципиента, который будет проходить анкетирование, так как эксперимент будет неудачным.

В эксперименте приняли участие 100 студентов разных курсов, от 18 до 22 лет, Худжандского политехнического института им ак. М. Осими, обучающиеся по следующим специальностям: IT – технологии, экономика управления, энергетика, автоматизация и управление.

Результаты исследования, полученные нами, были обобщены и обработаны методом когнитивного истолкования, в результате чего, построена модель слова-стимула зан (*женщина*) и в гендерном языковом сознании. Для выявления гендерной маркированности исследуемой лексемы,

была разработана иерархизация признака в гендерном языковом сознании испытуемых студентов.

Ответы респондентов женского пола показали следующие реакции: зебогӣ (20), модар, (65), маълумот, пешравӣ ба мансаб, (20), меҳрубонӣ (15). Данный анализ выполнен в рамках *дефиниционного* эксперимента.

Ответы респондентов мужского пола: модар (80), назокат, меҳрубонӣ, садокат, софдилӣ (34), ҳусн (70), ифроткорӣ (15), пургӯй (5), маълумот (25).

Тавсифи сифатӣ
(качественные
характеристики)
(14,7%)

Ахволи иҷтимоӣ
(социальные
положения)
(34,9%)

Свободное, анонимное анкетирование на слово стимул зан (*женщина*) и мард (*мужчина*):²

женщина	мужчина	зан	мард
Мать	сила	модар	падар
Красота	отец	зебогӣ	додар
Мужественность	защитник	фаришта	сардори оила
Подруга	брат	хоҳар	сутуни хона
сестра	мужество	меҳрубонӣ	вафодорӣ
нежность	ревность	боварӣ	
любовь	грубость	нури чашм	
дети	царь	ғамхорӣ	
мир	глава семьи	нозуқӣ	
добро	машина	гул	
уют	деньги	қарзи ҳар як мард	
богатство	обеспечивание	тарбиятгар	
порядок	слово!	шахси зебо	
смысл	юмор		
царство	спорт		
теплота			
гордость			
мадам			

² Анкетирование проводилось достаточно свободно, большинство ответов выявлены на русском языке, весь набор слов-реакций являются оригиналом.

хозяйка
 дама
 тетя
 королева
 слабый пол
 красивый пол
 ангел
 забота

Какая?	Какой?	Чй хел?	Чй хел?
Веселая	способный	мушфик	мехрубон
Капризная	добрый	мехрубон	чиддй
Добрая	строгий	зебо	назораткунанда
Нежная		гамхор	эхтиёткор
Деловая		сергап	масъулиятшинос
Порядочная		сарфакор	
		нозук	

В целом оба вида анкетирования выявили гендерную специфику. Проведенный среди студентов эксперимент не показал чисто мужских или чисто женских признаков, но область гендерного совпадения доминирует количественным показателем, также гендерная маркированность по выразительности когнитивных признаков ярко выражена в ядре.

3.5. Метафоризация гендерной лексики

Научная концепция метафоры была разработана в конце прошлого века представителями когнитивного направления в лингвистике Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. В работах российских ученых филологов как О.С. Ахманова, А.А. Потебня, В.В. Виноградов, были исследованы основы общей теории метафоры. За последние годы были опубликованы достаточно работ, посвященных метафоре. Данный механизм был введен как понятие

концептуальной или телесной метафоры. Следуя когнитивной теории, метафора как инструмент познания мира, когнитивный механизм интерпретации действительности [20,256].

В основе метафоры – «предположение о том, что человеческие когнитивные структуры как восприятие, язык, мышление, память, действие неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи – осуществления процессов усвоения переработки и трансформации знания, которые собственно и определяют сущность человеческого разума» [28,114].

Близость к метафоре образного сравнения не вызывает сомнений. Исключение из сравнения компаративной связки как: *подобно, точно, словно, будто, как будто*; или предикатов: *подобен, сходен, похож, напоминает*, часто считается приемом создания метафоры.

Метафора считается элементом Т-языка (*tensive language*) или «язык создающий напряжение». К примеру, для сравнения приведем строку Бернса – «*O my love is like a red, red rose*»; «*О, моя любовь, словно красная, красная роза*», с грамматической точки зрения представляет сравнение, с сокращенным утверждением «*Love is the red rose*», *Любовь – это красная роза*, которое с грамматической точки зрения является метафорой, но согласимся, что в первом случае больше метафорической жизненной силы», чем во втором. Но часто метафорическое сопоставление кажется действенным, если эксплицитное употребление таких слов как *like* «словно» отсутствует, это не совсем так. «Существование и анализ метафоры выявляется не с правилами грамматических форм, а скорее с качеством семантических преобразований, которые ей свойственны». Очень уместно сказано В.В. Налимовым о метафоре, что «недостаточность логики в обыденном языке восполняется использованием метафор. Логичность и метафоричность текста это два дополняющих друг друга его проявления» [96,399].

В некоторых случаях диафорический синтез, то есть порождение нового значения скрепляется, и как бы символизируется господствующим образом.

Этот образ выбирается на основе личного впечатления поэта, который может чувствовать и ощущать скрытое или потенциальное соответствие. Стихотворение Уоллеса Стивенса «Тринадцать способов смотреть на дрозда» представляет собой диафорический синтез.

I

*«Among twenty snowy mountains
The only moving thing
Was the eye of the blackbird.*

II

*I was of three minds Like a tree
In which there are three blackbirds.*

III

*The blackbird whirled in the autumn winds.
It was a small of the pantomime.*

IV

*A man and a woman Are one.
A man and a woman and a blackbird
Are one.*

V

*I do not know which to prefer, The beauty of inflections
Or the beauty of innuendoes, The blackbird whistling
Or just after.*

XIII

*It was evening all afternoon. It was snowing
And it was going to snow.
The blackbird sat In the cedar limbs».*

I

*Дар байни бист қуллаҳои **сербарф**
Ягона чизе, ки ҳаракат кард
Чаши дурроҷ буд.*

II

*Ман се ақл доштам
Мисли дарахт
Дар болои он се дурроҷ нишастаанд.*

III

*Дурроҷ дар бодҳои тирамоҳ чарх мезад.
Ин каме пантомима буд.*

IV

*Мард ва зан
Дар асл яканд.
Марду зану дурроҷ
Дар асл яканд.*

V

*Намедонам, кадомашро афзал донам:
Зебоии тарҳ
Ё зебоии кинояю ишора
Ё чаҳ-чаҳи дурроҷ
Ё ин ки баъдтар.*

XIII

*Тамоми нисфирӯзӣ шом буд.
Барф меборид
Ва барф меборид.
Дурроҷ нишаста буд
Дар шохаҳои чалғӯза.*

По результатам проведенного исследования по представленным трудам можно выявить факты не только образ человека в зоне активной метафорической симуляции, но и механизм на основе когнитивизма интерпретирующего разные аспекты сложного аспекта «человек». Гендерология это социокультурное отражение биологической половой дифференциации. Гендер является одним из аспектов характеристики человека принимающего метафорическую концептуализацию. С лексическими репрезентациями гендерных различий и стереотипов находится и гендерная метафора, которая определяется нами, вслед за З.И. Резановой, как «метафорические именованья мужчин и женщин, выступающих в качестве средства маркирования “типично женских” и “типично мужских” качеств на основе уподобления явлениям разных понятийных рядов».

З.И. Резанова определила гендерные метафоры и их типы как *жестко и не жестко гендерно-маркированные* [107,47-57]. Если следовать по этим принципам, то гендерно *немаркированными метафорами* будут называться

метафоры сферой мишенью, который является человек, без деления на мужчину и женщину.

Например: *бабуин* или *навиан* зоологическое значение – из семейства мартышковых, *бабуин* - маймуни калони фукдароз.

К примеру, в египетской традиции считался провозвестником рассвета и изображался с поднятыми руками, что символизирует мудрость и представлял богов [217].

Переносное значение:

Baboon - a brutish person, *бабуин* - глупый невоспитанный человек; одами безеб.

swan - a person of unusual beauty, talent or excellence; *лебедь* – человек необычайной красоты, таланта, мастерства; *мурги ку* (перевод на тадж.яз.) никак не ассоциируется с красотой, но в то же время может показывать физические данные человека (шея слишком длинная как у лебедя).

Сферой-мишенью ***гендерно маркированных метафор*** является лицо определенного пола, мужчина или женщина:

Адонис – растение из семейства лютиковых [206,1890-1907].

Adonis – a very attractive young man'

Адонис – очень привлекательный молодой мужчина, *кал.ботаникӣ адрасмон*, *растание аз ҷинси чинорак, ки аз он доруи дарди дил тайёр мекунад* [206, 1890-1907].

Tartar – a fiercely vigilant and unpleasant woman, a person who is often angry and unkind.

Зубной камень – мегера, женщина, которая рьяно следит за всеми, неприятная женщина, сердитый злой человек, *зани шаттоҳ, арбадаҷӯ, ҷангара*.

Для английской лингвистической традиции характерно уподобление лексемы *hurricane* ("ураган") с местоимением *she* является частью метафоры "природа - женщина" - *Mother Nature; Nature, a Harsh Mistress*.

С. Вайгель, исследуя метафорические аспекты топонимики европейских языков, обозначила тенденцию ассоциировать с женским началом не только нетронутых земель (*virgin territory*), но и города. Она приводит ссылки на дискурс военачальников Тридцатилетней войны (1618 - 1648гг.), где занятые города представлены как покоренные девственницы [194, 37].

Со стороны гендерного аспекта, если анализировать описание концепта BEAUTY, то доминирующий интерес представляет обструкция - *Physical beauty – Spiritual beauty*, которая активизирует те области концепта, соотносящийся носителем языкового сознания как представитель определенного пола.

«Oh, come on!» Pheely reacted a bit snappishly, already working her way through a second wine bottle. «Look at you – blonde, blue-eyed, tanned, a figure to die for. Most women must hate you. You could steal half the husbands in the village if you want to» [225].

«Да, ладно!» Фили отреагировала немного резко, уже пробираясь сквозь вторую бутылку вина. «Посмотри на себя - блондинка, голубоглазая, загорелая, фигура, ради которой стоит умереть. Большинство женщин должны тебя ненавидеть. Ты можешь украсть половину мужей в деревне, если хочешь».

"Э, биё мон", аллакай ба шишаи дуввуми шароб расида, Фили каме вокуниши шадид нишон дод. "Ба худ нигоҳ кун - малламуй, чаими кабуд, гандумгун, қаду қомат, ки мурдан лозим меояд. Аксари занон бояд аз ту нафрат кунанд. Агар хоҳӣ, ту метавонӣ нисфи шавҳарони деҳаро дуздӣ».

Анализ показывает, что чаще всего женщин так и мужчин оценивают физически, то есть предметом оценивания становятся глаза, волосы и фигура. Ведущие случаи метафорической передачи концепта BEAUTY схожи для женского и мужского англоязычного дискурса. Базисные метафорические проекции, которые лежат в основе вербализации концепта BEAUTY, это - *красота – свет; зебой – равшанӣ; красота – сила; зебой – қудрат; красота –*

чары; зебой – цоду, сехр; красота – цветок; зебой – гул; красота – картина; зебой – сурат, расм, лавха; красота – страх; зебой – тарс, ваҳм, ҳарос; красота – ловушка, зебой – дом.

She was in point of fact a stupid woman who had acquired a line of glib chatter which made people on first meeting her think she was as brilliant as she looked [222].

На самом деле она была глупой женщиной, которая своим языкоблудием, заставляла людей при первом знакомстве думать, что она такая же блестящая, как и выглядела.

Дар асл, вай зани бефаҳм буд, ки тавассути нургӯии худ дар вохӯрии нахустин мардумро водор сохт, ки гӯё чехраи олицаноби ӯ бо намуди ботиниаш мувофиқ аст.

There was something impenetrable about him, like his eyes, which were as bright as agate [168, 84].

В нем было что-то непроницаемое, как его глаза, такие же яркие, как агат - Дар вай чизе пинҳоне буд, чун чаимони дурахшоне ҳамчун ақиқ.

Айвор Ричардс, в своей работе приводит пример простейшей метафоры *ножка стола*, несмотря на то, что метафора считается мертвой, она легко оживает. Восприятие этого сочетания бывает разным и может иметь несколько признаков. Чем отличается это выражение в употреблении в прямом или буквальном значении, к примеру, как *нога лошади* (*нога и ножка в английском языке имеет лишь одно слово leg*). Очевидное различие состоит в том, что, ножка стола обладает лишь несколькими признаками из числа тех, которыми наделена нога лошади. Разница очевидна в том, что ножки стола не ходят, они только поддерживают стол. В приведенном примере автор легко находит основу метафоры, но часто это оказывается невозможным. Метафора способна работать и тогда, когда можно судить о том, как она работает или что лежит в основе переноса.

Анализ в практической части дал достаточное количество переводов стихотворений с английского языка на таджикский и русский языки, а также и наоборот. При этом каждый автор имеет свой подход, свои методы передачи метафоры. Мы можем выделить основные методы: метафора передается буквально, заменяется другой метафорой или другим тропом, ее могут просто не перевести. Главное в переводе – не утратить смысл, а пути передачи могут быть сколь угодно разными. В практической части мы выяснили, что даже если передавать метафоры буквально, не упуская из виду ни одного момента можно полностью изменить смысл, потерять образность и глубину творения.

“She Walks In Beauty”

by Lord Byron

She walks in beauty, like the night
Of cloudless climes and starry skies;
And all that's best of dark and bright
Meet in her aspect and her eyes:
Thus mellow'd to that tender light
Which heaven to gaudy day denies.

One shade the more, one ray the less,
Had half impair'd the nameless grace
Which waves in every raven tress,
Or softly lightens o'er her face;
Where thoughts serenely sweet express
How pure, how dear their dwelling-place.

And on that cheek, and o'er that brow,
So soft, so calm, yet eloquent,
The smiles that win, the tints that glow,
But tell of days in goodness spent,
A mind at peace with all below,
A heart whose love is innocent! [258]

Она идет во всей красе

(перевод С.Я. Маршака)

Она идет **во всей красе** —
Светла, как ночь её страны.
Вся глубь небес и звёзды все
В её очах заключены.
Как **солнце в утренней росе,**
Но только **мраком смягчены.**

Прибавить луч иль тень отнять —
И будет уж совсем не та
Волос **агатовая прядь,**
Не те глаза, не те уста
И лоб, где помыслов печать
Так **безупречна, так чиста.**

А этот взгляд, и цвет ланит,
И лёгкий смех, как **всплеск морской,** —
Всё в ней о мире говорит.
Она в душе хранит покой.
И если счастье подарит,
То самой **щедрою рукой.**

Қадами нуронӣ³
Қадам гузорад чун **шаби нуронӣ,**
Зи умқи осмони беғубор.
Ҳама **хушиҳои тору равшанӣ,**
Дар чашмони ӯ хузуранд.
Мисли офтоб дар шабтор,
Бо **нури нарми субҳ** яктоянд.

Соҷе бисёртар, зи нур камтар,
Зи файзи номаълум хароб гардад.
Дар **мавчи сиёҳи зулфонаш,**
Зи рӯи нарми нурунаш,
Маскани **фарзҳои ширин,**
Сукунаташ **ором ва поканд.**

В-он **чехраи беканор,**

³ Построчный перевод автора диссертации.

Форам, латиф ва суханвар.
Табассум **чун тобиши чило**,
Вучудаш ором,
Диле дорад, ишқаш бегуноҳ!

Для творения этого стихотворения вдохновило поэта женщина, которая носила траур. С. Маршак – автор одного из самых удачных переводов стихотворения Д. Байрона “Она идет во всей красе”. Любуясь героиней рождается первая строка *She walks in beauty, like the night* ставшим названием стихотворения. Гармония внешней и внутренней красоты героини сверкает парадоксальными, контрастными сравнениями: светла, как ночь, как солнце, свет и луч, мерцающий в темноте. Автор описывает ее как произведение искусства, чудное видение. Волосы сравнивает с агатом (черный цвет волос) и словно от героини исходит покой мир и чистота.

Перевод на таджикский язык мы постарались сделать схожим, все присутствующие сравнения более или менее сохранены в виде метафорических единиц. Анализ, как мы видим, показывает практически, если постараться большинство метафор передаются с *языка на язык*. Как *шаби нуронӣ, осмони безубор, мисли офтоб, нури нарми субҳ, тобиши чило*.

Например, поэт Бозор Собир уподобляет украшенные тюльпаном склоны гор впадинам шеи женщины, кипящий горный родник глазам женщин, ветки и нежные листья плакучей ивы нежной женской руке и рукавам женского платья в следующих строках:

КЎҲИ ЛОЛАГАРДАН

Ин **кӯхи лолагардан** монанди дилбари ман,
Аз мавҷи лола **хуни гарми занона** дорад.
Ин **дараи чаканпӯш** сурхида то баногӯш,
Шарми занона дорад.

Ин чашмаро ниғаҳ кун, як лаҳза тарки раҳ кун,
Ин чашма мезанад чашм, **чашми занона** дорад;

Аз ташнагии чашме як чашмаро бинӯшӣ,
Узру баҳона дорад.

Дар хӯшаҳои гундум, дар **мижаҳои гандум**,
Як дашти мижаанбӯх хоби шабона дорад.
Ҳай мижа мезанад дашт, ҳай мижа мезанад дашт,
Мижгони шарфадори тези занона дорад.

Ин боғи ношумурда, сад тири жола хӯрда,
Аз ғунчаи фусурда **доғи занона** дорад.
Аз ёри бедимоғе, аз ишқи доғ-доғе,
Боғе нишона дорад.

Ин **беди тарфи барзан**,
Беде, ки остин бинмуда бодбезан,
Дар **остини сабзаш дасти занона** дорад,
Дасти занонаи бед **набзи занона** дорад.

В данном стихотворении автор усиливает образ женщины некой аллегорией, метафорой и эпитетом.

Цветочный склон⁴

(перевод на русский язык)

Цветочный склон горы, подобен моей любимой,
Женской теплоты тюльпанных волн
Долина покрытая багром,
Буд-то **робость женщины** в нем.

На родник, мгновенье посмотри,
Манящий **женский взгляд**
Коль утолить придется жажду,
Найдется оправдание.

В соцветьях **пшеничных ресниц**,
В царстве пленительного сна
Моргает долина глазами, моргает долина глазами

⁴ Построчный перевод автора диссертации.

Будто шарканье женских глаз.

Несметный сад увечный,
В цветке увядшем **женский след**
Расстроен, любовь всему виной,
Оставил знак в саду.

Печально – плакучая ива,
Словно лёгкий рукав
Подобна женской руке,
Шелест ветвей, будто руки женщины в ней.

The tulip slope⁵

The tulip slope of the mountain is like my lovely
Female warmth, tulip waves
A valley covered with a hook
It's the timidity of a woman in it.

Look at the spring for a moment
Alluring female look
If you have to quench your thirst
There will be an excuse.

In the inflorescences of wheat eyelashes,
In the realm of captivating sleep
The valley blinks, the valley blinks
Like shuffling female eyes.

The myriad garden is crippled
In flower wilted female footprint
Frustrated, love is to blame
Left a sign in the garden.

Sad - weeping willow
Like a light sleeve
Like a woman's hand

⁵ Построчный перевод автора диссертации.

The rustling of branches, like a woman in it.

В метафоре, который «связывает физический захват территории с сексуальным покорением, Сюзанн Ромейн расценивает когнитивную причину того, что сексуальное насилие является неотъемлемой частью любой войны [184, 78]. То, что представление о женщинах в патриархальной культуре ассоциируется с понятиями завоевания, подчинения, покорения, исследователи считают причиной близких параллелей между дискурсами сексизма и колониализма».

Конкретной основой для распознавания гендерных метафор является современная культура, которая может характеризовать стремительный уход от всяких ценностей и стилевой определенности.

Такие нововведения в культуре создают и формируют гендерные метафоры путём рекламы, СМИ и сети интернет. Такие методы использования метафор, прежде всего, рассчитаны на визуальное восприятие, которое может поменять образ жизни, стереотипы на бессознательном уровне и воссоздает мироощущение, как отдельной личности, так и общества в целом.

Метафора является средством языка, которая функционирует механизмом вторичной номинации. Основная суть традиционного понимания метафоры осталось неизменной на протяжении тысячелетий: «метафора есть перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [5, 171].

Существует целый ряд отличий сравнения от метафоры. По мнению Аристотеля, сравнение не так приятно, так как оно длиннее из-за употребления вводящего слова [5, 164-229].

С научной точки зрения переход житейского опыта на сферу другого уровня характерен практически разным языкам, но каждому национальному языку присуще по-своему пользоваться метафорическими методами создания терминов.

Итак, когнитивный контент метафоры предоставляет выявления своеобразия национально-специфического картины мира. Оценочная дихотомия вербального представления концептуально-когнитивной структуры «женщина» основана на одной из ведущих категорий социальных отношений, которой является гендер. Как известно, мужчина, ассоциируется с активностью, а женщина – с пассивностью. «Дуализм мужского и женского начала закрепляется в идее о неравенстве полов по аналогии с дихотомией рациональное и иррациональное, порядок и хаос, дедуктивное рассуждение и интуиция. Женщина ассоциируется с телом и эмоциональностью, а мужчина – с душой и рациональностью. Причем такие понятия, как рациональное и порядок воспринимаются, как позитивные и связаны с мужественностью, в то время, как иррациональное и хаос имеют негативные коннотации и ассоциируются с женственностью». Женственность воспроизводится путем комплексных дискурсов в обзорных контекстах, далее выявляется лексическая гендерная точность.

В изучении гендерной специфики метафорической лексики самым актуальным является выявление оценочного компонента, поскольку гендерные различия на метафорическом уровне проявляются при *положительной* или *отрицательной* оценке. Инвективная, то есть унижающая лексика или образные зооморфизмы, которые типичны для обозначения только женщин или мужчин создают в некой мере метафорическую лексику.

«В английском языке имеется ряд выражений, в которых косвенно содержатся гендерные представления. К примеру, сварливая, вредная женщина пожилого возраста именуется как *old cat* (старая кошка). Нейтральная характеристика женщины преклонного возраста (без указания на особенности характера) содержится в единице *old duck* (досл. старая утка), хотя отдельное слово *duck* имеет совсем иное значение в виде метафоры. Недоброжелательная, злобная женщина обозначается как *hell cat*, в которой пейоративная семантика эксплицитно выражена (hell–ад). Привлекательная,

но глупая девушка характеризуется как *dolly bird* (досл. кукольная птичка), модная, эффектная женщина метафорически обозначается как *glamour puss* (значение данной единицы вполне мотивированно: английское слово *puss* относится к определенному виду бабочек, которые, как правило, имеют яркий, запоминающийся окрас)» [225]. «Суетливую, вмешивающуюся в чужие дела пожилую женщину нередко характеризуют как *old hen* (досл. старая курица), единица *foxy lady* обозначает привлекательную молодую женщину, *horse godmother* – тучная неповоротливая женщина, толстуха; *old bat* (досл. старая летучая мышь) – несговорчивая, неприятная женщина пожилого возраста» [260].

Процесс развития значения слова происходит постепенно, исходя из первоначального значения. Существуют образные значения, которые называют наиболее значимым явлением в лингвистике. Семантика в основном характерна для корневых слов языка. Вместе с семантикой такие слова, как метафора (мацоз, истиора), синекдоха, олицетворение (ташхис), омонимия, метонимия, аналогия (ташбех) освещается в исследованиях ученых и высказываются разные мнения.

Суруш - один из самых известных поэтов современной таджикской литературы и пользуется широким спектром слов в своей речи. Именно богатство языка и разнообразие его поэтического стиля стало причиной, и послужили поэту выразить свои мысли и чувства. Семантическое слово - «зеленый» - «green» один из слов, использованных в сборнике стихов «Ҷазираи танҳой» - «Остров Одиночества». В словаре слово - «сабз» имеет значение *сабз* – ба ранги гиёҳи тару тоза; **сабз шудан**, рӯидани гиёҳ, барг баровардани дарахт, сабзидан; **мӯйлаб сабз кардан** нав мӯйлаб баровардан, *сабз* - зеленый - цвет свежей травы; озеленение растений, появление листьев, прорастание; новая борода - *отрастить усы* [204, 945- 950].

В поэзии Суруша это слово имеет много переносных значений и разных оттенков: сабзидани шодӣ (хурсандӣ) – радость; даст сабзидан (соҳибхунар

шудан) – овладеть мастерством - to master; зеленый (аслӣ) - сабз, нажоди сабз (пок) – чистая раса - pure race; таронаи сабз (хушнаво) – приятная музыка - pleasant music; хоҳиши сабз (саодатмандӣ) – счастье, благополучие - well-being; сабз шудан (хушбахт намудан) – счастье - happiness; сабз шудан (рустан) – расцветать - to blossom калима сабз шудан (суханварӣ) – речь, сказать - speech, зиндагии сабз (хуш) – хорошая жизнь - good life; лаззати сабз (хуш) - удовольствие (хорошо) – pleasure; беи сабз - зеленая ива - green willow; масоҳати сабз (васеъ) – широкая – wide; чазбаи сабз (дилнишин) – приятный, очаровательный – enchanting; ларзиши сабз (зебо, қозибанок) - красивый, привлекательный – attractive; дасти сабз (пурхунар) - мастер - золотые руки – master, good hands, to be good with hands; қадди сабз (хушқадду қомат) - высокий рост – tall; ниёзи сабз - об хостан – испытывать жажду - to be thirsty; тапиши сабз (қозибанок) – привлекательность - attractiveness.

В таджикском языке глаголы владеют больше семантическими особенностями чем другие части речи и вместе со словом «дил» - сердце в виде композиции в стихах Суруша имеют разные значения как:

дил таҳ кашидан – охладеть – to cool to, to ice, to grow cold

дил хиҷил шудан – обидеться - take offense

дил сӯхтан – пылающее сердце - wounded heart

дил шарҳа-шарҳа шикастан – сердце в клочья - heart to shreds

дил гирифтан – разочароваться - give up

дил мондан - потеря веры

Дилам гирифт аз занҷири гарони рафоқати маснуъ [200,102]

перевод:

Сердце мое разочаровано,

от тяжелой цепи искусственного отношения.

перевод:

My heart is disappointed,

from the heavy chain of artificial relations.

Аналогия, сходство может основываться по качеству и признаку, в таких случаях метафора становится более сложной, то есть характер и особенности человека передается неодушевленным предметам, или же наоборот. Благодаря особенностям аналогичных слов в литературных произведениях. Метафора является одним из распространенных тропов: *сахт дилгир будан (гамгинии аз ҳад зиёд)* – унывать, печалиться - *to lose heart*, *дарди сахт (вазнин)* – сильная, тяжкая боль - *severe pain*, *сахт нигоҳ кардан (тунд, норизоёна)* – пристальный, резкий, неприятный взгляд - *unpleasant look*, *хоби сахт (хобе, ки кас аз он бедор нашавад)* – глубокий сон - *deep sleep*, *сахт ранҷидан (ниҳоят озурда будан)* – сильно разочароваться- *very disappointed*.

Таким образом, описание и дифирамб, похвала, красноречия, изящество и деликатность, богатая лексическая структура языка, его выражения и других качеств, и притяжений заявлено таджикскими исследователями. Слова в тексте не ограничены первоначальным значением, но в зависимости от умения, говорящего они приобретают образные значения и, следовательно, диапазон значений расширяется и расширяется. Краткий взгляд на семантику и смысловые нюансы слов, красноречивого поэта Суруша свидетельствует о том, что различные типы метафор связаны с высоким талантом и тонкое воображение послужили для создания поэзии высокого уровня.

Марде аз ҷониби зард,

дасти бебаргтар аз шохи дарахтон дорад [200, 33].

Если перевести данные строки то можно рассмотреть следующее содержание:

Мужчина находящийся в пространстве золотых цветов осени,

Руками **подобными безлиственных ветвей деревьев.**

Как видим, в этих строках можно уподоблять мужчину таким деревьям осеннего листопада и вряд ли так часто могли бы уподоблять женщин чему-либо в такой среде. Для выражения таких различных значений, неповторимые

возможности таджикского литературного языка. В таджикском языке существует три типа полисемии: метафора, метонимия и синекдоха. В научных источниках, помимо этих трех типов полисемии, используется общий термин «метафора языка».

Различия между этими двумя группами значений также объясняются, как: «Метафора языка выражается четко, и читатель воспринимает это как стандартное значение слова. Литературная метафора, которая является средством выражения изображения, имеет восприятия чего-то нового» [48,462].

Переносное значение слов и словосочетаний имеет разные формы и типы, и их мастерское использование зависит от умения писателя и уровня его художественного вкуса.

В романе Бахманьяра много употреблений как образных, так и литературных метафор. Например, образная метафора языка:

«нигоҳ гурезондан» - отвести взгляд означает избегать по какой-либо причине или в состоянии смущения - to look away.

«аз одамгарӣ бохабар» - осознание человечности - означает обладать качествами «щедрости и мужества» - awareness of humanity, to be a human.

«чашмгурусна» - жадный, быть скупым - greedy [195, 394].

Одной из лексических особенностей «Сармаддех» является использование части лексических единиц в нескольких параллелях. Стоит отметить, что некоторые из этих слов распространены в таджикском языке, а другие уникальны для стиля Бахманьяра. В частности:

паҳлавони тавоно будан - быть сильным борцом - to be a strong fighter

манъи сухан кардан - ишора ба хомӯшӣ - запрещение речи и жест молчания - gesture of silence

ангушти ишора рӯи лаб гузоштан - запрос на молчание - silence request

ангушти сукут бар лаб ниҳодан - запрос на молчание - silence request

Или выражение того же понятия с некоторыми из его синонимов, которые имеют переносное значение, также свидетельствует о красноречивости автора:

хашму газаб ва кина доштан - гнев и обида - anger and resentment:

қаҳру газаб ба сар рехтан – гнев и ярость - anger and rage.

дандон доштан – враждовать – quarrel: Не, аввал аз ман гумонбар мешуданд, ҳама дар деҳ медонанд, ки ману ӯ ба ҳам дандон дорем. - Нет, сначала меня подозревали, все в деревне знают, что у нас с ним вражда. No, at first they suspected me, everyone in the village knows that we have enmity with him.

ҳарзаи хашму газаб хоидан: ...дар толорҳои сарди кӯику- роҳравҳои танги боғ мегашту чун шутур ҳарзаи хашму газаб мехоид. - болтать нелепо в гневе: Он шел по холодным залам замка и узкой тропинкой сада говоря нелепости.

He walked through the cold halls of the castle and the narrow path of the garden saying absurdities.

Из литературной метафоры: *чоргома тохтани раҳи вақт – скоротечное время - быстрое течение времени - fleeting time; каллакарам - в смысле дурак - fool; хунуқном - аҷал - метафора смерти - death: Устухонам орд-орд гашта, гӯшти танам мумиё шудааст, вай бошад, ҳамун хунуқном, аз чӣ сабабе ба бурдани ман рағбат надорад, дари касонеро ангушт мезанад, ки интизораи нестанд [6, 22].*

- Мои кости перемолоты в муку, моя плоть мумифицирована, эта смерть, почему она не хочет забрать меня, она стучит в дверь тех, кто не ждет. My bones are ground into flour, my flesh is mummified, this death, why she doesn't want to take me, she knocks on the door of those who don't wait.

- являются лучшими примерами и ведут к семантическому развитию слов.

Выражение состояния *бисёр гамгинии инсон* - много человеческой скорби и переживания - *a lot of human grief and worries* со сложными словами: *дилтанг* - тревожная, удрученная - *anxious, dejected*;

«*нафастанг*» - печальный, нагонять тоску, - *sad, make a sad*

предложение с несколькими образными фразами: *Паук скорби плетет сеть печали в моем сердце с тончайшей, золоченной нитью, мое сердце болит, моя душа горит и стонет.*

A spider of sorrow weaves a cobweb of sadness in my heart, with the finest, gilt thread, my heart hurts, my soul burns and groans.

Синекдоха - это лингвистическая метафора, в которой создается перенос наименования предмета с его части на целое и наоборот. Синекдоха может включать имя человека или объекта: женщина - пол женщины (девушка, девочка, мать, жена) и женщина как жена мужа. В следующих примерах фигуративная композиция «иногда» означает «всегда»: *Ин мушоҳид кампири Марям буд, ки гоҳу ногоҳ рӯи бом мебаромад, то суроғи шахбузашро аз кӯҳу пушта бигирад; Этим наблюдателем была старуха Марям, которая время от времени поднималась на крышу, чтобы узнать свою деревню с гор и хребтов.*

This observer was the old woman Maryam, who from time to time went up to the roof to find out her village from the mountains and ridges.

Пойлучу сарлуч – либоси андак доштан; гармову сармо – тамоми фасли сол: Пойлучу сарлуч дар гармову сармо мегаштему парво надоштем, ҳоло назди бухории гармро гирифтааму ёрои то ҳочатхона рафтан надорам [6, 125].

Босиком и без шапки – в одной рубахе; в жару и холод (зимой и летом) - круглый год: Мы ходили босиком и без шапки в жару и холод, и нам было все равно, теперь у меня есть горячая печь, и сил нет пойти в туалет»

We walked barefoot and without a hat in the heat and cold, and we did not care, now I have a hot stove, and I have no strength to go to the toilet.

Как упоминалось выше, использование языковых единиц, когда это необходимо, с желаемым метафорическим значением облегчало эффективное

и ясное выражение мысли. В частности, образные стилистические выражения, используемые в нескольких параллелях и наречий, показывают богатство языка и красноречия писателя.

В качестве попытки комплексного осмысления ценностей в языке В.И. Карасик предлагает модель ценностной картины мира исходя из того, что наряду с языковой картиной мира объективно выделяется ценностная картина мира в языке. Он предлагает разграничить этнокультурный и социокультурный планы применительно к различным видам оценочных отношений, к примеру, отношение к младшим, детям, женщинам и мужчинам, к животным, к собственности, к здоровью и болезням, к смерти, к приватности и жилищу [60, 8].

«Говоря о метафоре в приложении к репрезентации женской картины мира, можно согласиться с Б. Фрейзером, что метафоры есть черные дыры в универсуме языка, что они часто используются как средство маскировки сексуальной информации» [147, 329-341].

«Как научный термин «черная дыра» относится к гипотетическому телу в пространстве, к невидимой рухнувшей звезде, которая настолько сжалась, что ничто не может избежать ее гравитационного поля. В более широком смысле этот термин также часто используется мужским полом для того, чтобы очернить женщин как пустоголовых или всепоглощающих монстров» [147, 329-341].

К кодированию значения женщины легкого поведения, которая ведет непотребный образ жизни, относится одна из важнейших областей гендерной фемининной метафоры. «Prostitute - человек, чаще всего женщина, которая получает прибыль от оказания платных сексуальных услуг. Лексема *prostitute* образована от латинского глагола *prostituere*, что означает *to expose publicly, to offer for sale by public exposure* - 'выставлять публично, предлагать для продажи, выставляя на всеобщее обозрение»'.

В английском языке метафоры, номинирующие женщин легкого поведения, многочисленны и показателями, положенными в основу метафоризаций, являются:

1) «генерализация проституции как работы или занятия женщины: *business girl, working girl, body worker, sporting girl*; девушки легкого поведения, девушки с пониженной социальной ответственностью; фохиша»

2) «внешние характеристики: *cock-eyed jenny, bob tail, painted woman, dirty leg, low wheel, blue gown, blue foot, flesh pot*; марамойка, курва, ночная бабочка, путана, распутница, шамотра, жрица любви, анкюль, пуританка, Наташа, плечевая; сабукно, мацрзан, зани баджора, бемаънй, бехуда».

3) «функциональные профессиональные прототипические действия: *call girl, cum-catcher, window tapper, vent renter, pintle-twister, ass peddler, butt-peddler, poker climber, foreskin hunter, hooker, merry-legs, flatbacker, needle-woman, speedy sister, fastfanny, coffee grinder*»;

4) «социальная ценность: *mattress, hat-rack, hay-bag, hose-bag, garbage can, garbage woman, barrack hack, village bicycle*»;

5) «место в иерархии: *bottom woman*»;

6) «ничтожность: *moth, cheap thing, dirty thing*»;

7) «целевое предназначение: *sailor's bait, common sewer, piece, piece of trade, dress for sale, lease-piece, company girl, joy boy*»;

8) «сопутствующие темпоральные и локальные обстоятельства: *woman about town, moonlighter, streetwalker, night jobber, camp follower, ammunition whore, nymph of darkness, alley cat, pavement princess, overnight bag, red-light sister, escort, lot lizard, apartment girl, fly-by-night*»;

9) «этические оценки: *vice sister, bad girl, bad woman*»;

10) «способы оплаты: *coke whore, dope whore*»;

11) «профессионализм: *amateur*», etc.

Общеизвестно, что литература - это отражение жизни. Этот факт нельзя отрицать. Однако в зависимости от мировоззрения писателя и поэта, времени

его жизни, социальной среды политика властей является отражением реальной жизни в литературных произведениях. Тем не менее, на протяжении веков писатели были и продолжают быть предводителями человеческого просвещения, отражая социальную боль и страдания.

Выводы III главы

Несмотря на значительное количество исследований, посвящённых гендерному анализу языка, внимание уделяется корреляции мужчина - метафора, женщина - метафора, что, однако, представляет большую актуальность и лингвистический интерес при переводе и интерпретации художественных произведений. Гендерные исследования речевой деятельности обосновывают результат стереотипизации речи представителей полов. По мнению ученых, «стереотипы отражаются языком как социальным явлением, так как мужчины и женщины принадлежат к разным социальным группам, выполняют разные социальные роли, то и общество ждет от них соответствующих примеров речевого поведения». Гендерная сегментация встречается на грамматическом, фонетическом и лексическом уровнях всех языков. Различные определения слов *мужчина* и *женщина* фиксируется в лексической системе любого языка.

Практика показывает, что гендерный фактор влияет на межъязыковую передачу текстов, соответственно данное влияние усложняет активацию межкультурной коммуникации. Эти сложности происходят при влиянии личности переводчика на качество перевода текста субъективно, в объективных случаях, в несоответствии гендерной маркировки единиц и непереводаемости (лакунарность). В рамках нашего научного исследования необходимо подчеркнуть о межъязыковой гендерно ориентированной лексике. Следовательно, можно добиться наилучшего результата, при передаче гендерных стереотипов и гендерно маркированных единиц, учитывая особенности гендерной языковой и этнокультурной гендерной языковой

картин мира. Однако отражение дискриминации по гендерному признаку, существующей в обществе, все-таки в языке проявляется. Относительно таджикского языка дискриминация по гендерному признаку неактуальна в силу отсутствия в языке родовых различий, что фактически уравнивает возможности. Прежде чем начать работу над исследованием гендерно ориентированной лексики, нами были изучены общие гендерные понятия и положения в Таджикистане. Богатая персидская и таджикская литература со всей своей славой может стать хорошим источником гендерных исследований. Как известно, литература является отражением реальной жизни.

В исследовании гендерной специфики метафорической лексики актуальным является также определение оценочного компонента, поскольку гендерные различия на метафорическом уровне проявляются при положительной или отрицательной оценке. Это - различная метафорическая инвективная лексика или образные зооморфизмы, которые типичны для обозначения только женщин или мужчин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение гендерных вопросов направлено на то, чтобы ознакомить читателей с наукой о гендерных исследованиях, с наиболее важными вопросами и темами в этой области и с развитием исследований по лингвистике. Кроме того, это будет содействовать проведению гендерного обучения с использованием ценных материалов английской и таджикской литературы и лингвистики, которые помогут устранить гендерное неравенство в обществе. Профессиональные стандарты и требования времени и опыта развитых стран показывают, что гендерные исследования и всемирное хранилище научных данных продвигается стремительно и неизменно. Результаты нашего исследования показали, что межкультурные различия являются не только различиями в картинах мира, языковых картинах мира, языковом сознании представителей различных лингвокультурных сообществ, но и различиями гендерных картин мира, гендерных признаков сознания. Наше исследование руководствуется тем, что лексика гендерных стереотипов и понятий в таджикском и английском языках в сопоставительном аспекте остается пока еще неизученной. Наряду с этим, анализ и интерпретация данной группы лексики предоставляют возможность рассмотреть специфические особенности рассматриваемой категории языковых единиц и обозначений в таджикском и английском языках.

В ходе исследования был проведен ассоциативно-концептуальный эксперимент, который является одним из наиболее рентабельных методов анализа гендерной парадигмы и выявления гендерной специфики.

В диссертации рассмотрено и проанализировано состояние гендерных исследований в современном таджикском языкознании, которые отчетливо показывают, что лишь незначительное количество работ посвящено кросскультурным исследованиям. Более того, они представляют собой сравнительный анализ одного определенного концепта на базе двух языков,

однако проблеме гендерного подхода к переводу в рамках гендерной картины мира уделено мало внимания.

Соответственно, несмотря на пристальное внимание ученых лингвистов к проблеме гендерных отношений в языковом пространстве, обусловленных кросскультурным взаимодействием, несомненно, присутствует необходимость систематизировать гендерные особенности в условиях структурирования правильных переводческих решений и способов. Необходимо также проводить серьезные комплексные исследования с целью систематизации и решения проблем проявления гендерных стереотипов в различных языках.

1. Почти в каждом социуме у женщин и мужчин присутствует склонность использовать язык по-разному, в некоторых случаях даже варианты речи рассматриваются как женский, так и мужской. Соответственно дифференциация мужских и женских ролей даёт нам возможность утверждать о стереотипизации мужского и женского языков. Тем не менее, оба пола имеют возможность без труда общаться друг с другом во всех социумах, хотя важность и выразительность половых дифференциаций в языке обсуждается многим учёным.

2. Современные представления о гендерных стереотипах и речевой деятельности в зависимости от пола выражают изменение ментальных представлений о маскулинности и фемининности. Такое изменение говорит о том, что общепринятые свойства, которые относятся к мужчинам и женщинам, не носят постоянный характер, а складываются в менталитете социума и могут трансформироваться в результате феминизации. Исследование гендерных стереотипов в лингвистике за последние годы динамично повлияло на различные культуры. Но эти изменения воспринимаются и интерпретируются различными представителями лингвокультур по-разному в языковом плане. В этом случае необходимо не только утверждение различий межкультурной коммуникации, речевых

различий мужчин и женщин, но и определение причин этих различий, которое может выявить приемлемые пути решения этих вопросов.

3. Функционализм, когнитивизм и антропоцентризм являются средствами передачи социально значимого и духовно-ценностного опыта носителей языка, а также ведущими научными принципами в современной лингвистической теории. Гендерная картина мира определенных языков по признаку *маскулинности* — *феминности*, а также речевое поведение носителей этих языков вызывают интерес в рамках данного исследования, в связи с чем наше внимание акцентируется на тех обществах и культурах, в которых роли полов четко определены.

4. Расхождения языков непосредственно обусловлено несходством мировосприятия, культуры, этнических и социальных установок. В рамках нашего научного исследования речь идёт о проблемах передачи гендерного феномена в таджикском и английском языках с выявлением гендерного фактора в речи мужчин и женщин. С целью достижения наилучшего результата в ходе перевода гендерных стереотипов и гендерно маркированных единиц необходимо учитывать гендерные особенности языка. Перевод зависит от стереотипов ценностей литературных, языковых, этнических норм и политических явлений.

5. Метафора является средством языка, которая функционирует в качестве механизма вторичной номинации. Основная суть традиционного понимания метафоры осталась неизменной на протяжении тысячелетий: «метафора есть перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии».

6. В изучении гендерной специфики метафорической лексики самым актуальным является выявление оценочного компонента, поскольку гендерные различия на метафорическом уровне проявляются при *положительной* или *отрицательной* оценке. Инвективная, то есть унижающая

лексика или образные зооморфизмы, которые типичны для обозначения только женщин или мужчин, создают в некой мере метафорическую лексику.

7. Следует отметить, что гендерно отражающие лексемы таджикского и английского языков ввиду отсутствия в них категории рода находят пути нейтрализации гендера. К тому же гендерная лингвистика предлагает рекомендации по реформированию языка и изменению некоторых слов, содержащих дискриминацию женщин.

8. Отсутствие гендерной категории не означает гендерного равенства в таджикском языке. Следовательно, невозможно определить гендерную идентичность на основе чисто лингвистического анализа. Также изучение отражения гендерных отношений в таджикском языке осуществляется не с помощью анализа грамматических форм, а с точки зрения лексического осмысления. Это придает определенный смысл тому, что анализ слов и выражений определенного пола имеет большее значение для таджикского языка. Очень важно уделить внимание реализации стратегии решения практических трудностей языкового посредничества, которое каждый раз требует чистого и грамотного перевода.

9. При передаче гендерных стереотипов и гендерно маркированных единиц, наилучшего результата можно добиться, учитывая особенности гендерной языковой и этнокультурной гендерной языковой картин мира. Однако проявления дискриминации по гендерному признаку, существующей в обществе, все-таки находят отражают в языке. Относительно таджикского языка можно утверждать, что дискриминация по гендерному признаку неактуально в силу отсутствия в языке родовых различий, фактически уравнивающих речевые возможности представителей обоих полов. Прежде чем начать работу над исследованием гендерно ориентированной лексики, нами были изучены общие гендерные понятия и положения в Таджикистане. Богатая персидская и таджикская литература со всей своей сокровищницей

текстов, образов и смыслов может стать хорошим источником гендерных исследований.

10. Проблемы языкового выражения гендерных отношений в таджикском языке должны рассматриваться не только с точки зрения грамматической интерпретации и таксономии, но и, что очень важно и необходимо, с учётом лексических и семантических особенностей в данной языковой картине мира. Наряду с этим, анализ лексико-семантических и стилистических особенностей слов, выражений и терминов гендерно ориентированного языкового контекста может иметь сравнительно большое значение для современного таджикского языка.

БИБЛИОГРАФИЯ

Научная и учебная литература:

1. Амонов, Р. Типология женщин в таджикском народном рубаи / Р.Амонов // Гендер: забон ва адабиёти тоҷик: Маҷмӯи маърузаҳо. – Будапешт; Душанбе, 2001. – 147 с.
2. Амонова, Ф. Муҳимтарин масоил ва самтҳои тадқиқоти гендерӣ дар забоншиносии тоҷик / Ф.Амонова // Гендер: забон ва адабиёти тоҷик: Маҷмӯи маърузаҳо. – Будапешт; Душанбе, 2001. – С. 60-64.
3. Античные теории языка и стиля / под общ. ред. О.М.Фрейденаберга. – М.; – Л.: ОГИЗ, Соцэкгиз, 1936. – 344 с.
4. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д.Апресян // Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – С.348-388.
5. Аристотель. Риторика / Аристотель // Аристотель и античная литература / отв. ред. М.Л.Гаспаров. – М.: Наука, 1978. – С.164-229.
6. Байзоев, А.М. Масоили гендерӣ дар забон ва адабиёт / А.М.Байзоев. – Душанбе, 2008. – 125 с.
7. Беликов, В.И., Крысин, Л.П. Социолингвистика / В.И.Беликов., Л.П.Крысин. – М., 2001. – 436 с.
8. Беликов, В.И. Словарь русской бранной лексики / В.И.Беликов // журнал Русистика сегодня М., 1995. – №3. – С. 150-164.
9. Бертельс, Е.Э. Абулкасым Фирдоуси и его творчество / Е.Э.Бертельс. – М.: АН, СССР, 1935. – 71 с.
10. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. / И.А.Бодуэн де Куртенэ; вступ. ст. В.В.Виноградов. – М.: АН СССР, 1963. – Т.1. – С.6-20.

11. Болдырев, Н.Н. Категориальная система языка / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка: колл. монография. – М.; Тамбов, 2012. – Вып. X: Категоризация мира в языке. – С.17-120.
12. Бондалетов, В.Д. Социальная лингвистика / В.Д.Бондалетов. – М.: Просвещение, 1987. – 274 с.
13. Булычев, И.И. Образы маскулинности и феминности в формате гендерной картины мира / И.И.Булычев // Теоретический журнал Credo New. – СПб., 2004. – №1. – С.7-10.
14. Брагинский, И.С. 12 миниатюр [Текст]: от Рудаки до Джами / И.С.Брагинский. – М.: Худ. лит-ра, 1976. – 303 с.
15. Бурова, С.Н. Социология брака и семьи: История, теоретические основы, персоналии / С.Н.Бурова. – Минск: Право и экономика, 2010. – 124с.
16. Бурукина, О.С. Гендерный аспект перевода / О.С.Бурукина // Гендер как интрига познания: сб. статей. – М., 2000. – С.99-107.
17. Валенцова, М.М. Мужской/женский в кругу бинарных противопоставлений: связи, ситуативность, оценка / М.М.Валенцова // Мужской сборник. Вып.2. «Мужское в традиционном и современном обществе». –М., 2004. – С.91-92.
18. Васильева, И.Б. Гендерные сходства в языке: новый аспект гендерных исследований / И.Б.Васильева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – №11, ч.1. – С.43-48.
19. Вербицкая, Л.А. Тенденция развития культуры речи на пороге XXI века: Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ / Л.А.Вербицкая. – Братислава; М., 1999. – 64 с.
20. Виноградов, В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове / В.В.Виноградов. – М.; Л.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.
21. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение: общие и лексические вопросы / В.С.Виноградов. – М.: РАО, 2001. – 224 с.

22. Виноградова, В.Н. Улуханов, И.С. Словотворчество В.Набокова: Язык как творчество / В.Н.Виноградова, И.С.Улуханов. – М.: 1996. – 267 с.
23. Выготский, Л.С. Собр. сочинений: в 6 т / Л.С.Выготский. – М.: Педагогика, 1982. – Т.2. – 504 с.
24. Гафуров, А. Имя и история: об именах арабов, персов, таджиков и тюрков: Имя и история / А.Гафуров. – М.: Наука, 1987. –С.3-31.
25. Гендер в английской лингвокультуре / Е.С.Гриценко, А.О.Лалетина, М.В.Сергеева. – Н.Новгород, 2008. – С.7-10.
26. Гендер и культура: учеб. пособие для студентов гуманитарных факультетов / отв. ред. М. Хегай. – Душанбе, 1999. – 242 с.
27. Гендер и язык / Московский гос. лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 624с.
28. Гидденс, Э. Социология: пол, гендер и биология / Энтони Гидденс. – 1-е изд. –М.: УРСС, 1999. – 234 с.
29. Гиляревский, Р.С., Старостин, Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте: справочник / Р.С.Гиляревский, Б.А.Старостин. – М.: Высшая школа, 1985. – 303 с.
30. Гиунашвили, Л. "Коротко о женских образах "Шахнаме", просторы интернета. Стихи на русском языке даны в переводах Цецилии Бану – Лахути // Иран-наме. – 2011. – №2. –С.163-178.
31. Горбань, В.В. Стратегии ассоциирования: гендерный аспект / В.В.Горбань // V Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения: сб. науч. статей. – Севастополь: Гитпак, 2012. –С.336-337.
32. Горошко, Е.И. Особенности мужского и женского вербального поведения (психолингвистический анализ): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Горошко Елена Игоревна. – М., 1996. – 179 с.
33. Горошко, Е.И. Особенности мужской и женской ассоциативной картины мира в русском языке / Е.И.Горошко // Wiener Slawistischer Almanach. – 1997. – №40. – P.201-248.

34. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1985. – Ҷ.1. – 356 с.
35. Гриценко, Е.С. Язык как средство конструирования гендера: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Гриценко Елена Сергеевна. – Новгород, 2005. – 405с.
36. Гриценко, Е.С. Гендер в семантике слова / Е.С.Гриценко // Гендер: Язык, Культура, Коммуникация: матер. III Междунар. конф. (27-28 ноября 2003 г.). – М., 2003. – С.13-14.
37. Гришаева, Л.И. Гендерные стереотипы как текстоорганизующий фактор / Л.И. Гришаева // Studies about languages. – 2004. – №6. – С.62-64.
38. Гулова, З.А. Концепт «Еда» в русском и польском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Гулова Зевар Ахлиддиновна. – Душанбе, 2015. – 178с.
39. Давлатмирова, М.Б. Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта "Судьба" (на материале таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Давлатмирова Манижа Бораковна. – Душанбе, 2019. – 389 с.
40. Денисова, И.В., Телешева, И.В. Сопоставительный анализ гендерного аспекта языка / И.В.Денисова, И.В.Телешева // Мир языков: ракурс и перспектива: матер. I Междун. науч.-практ. конф. (25 марта 2016 г.). – Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. –С.105-113.
41. Дмитриева, М. Гендерные исследования в сравнительном языкознании: оценочная лексика как фрагмент языковой картины мира / М.Дмитриева // Гендерные исследования. – Харьков, 2000. – № 5. – С.155-260.
42. Дьяконов, М.М. Фердоуси: жизнь и творчество / М.М.Дьяконов; отв. ред. акад. И.А.Орбели. – М.: Вост.лит-ра, 1940. – 138с.
43. Ермолович, Д.И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи / Д.И.Ермолович. – М.: Р.Валент, 2005. – 415 с.
44. Ермолович, Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И.Ермолович. – М., 2001. – 198 с.

45. Ефимцева, Г.А., Волгина, Е.А. О мужском и женском вариантах английского языка в свете культуры английской речи / Г.А.Ефимцева, Е.А.Волгина // Известия Ростовского государственного педагогического университета. Филология. Вып.1. – Ростов н/Д., 1998. – С.116-120.
46. Ефремов, В.А. Номинации женщины в русском языке: жена – женщина – баба – дама / В.А. Ефремов // Мир русского языка. – 2010. – №1. –С.41-52.
47. Жарникова, А.В. Гендерные стереотипы в рекламном дискурсе (на материале английского языка / А.В.Жарникова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2016. – Вып.2. – С.84-89.
48. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В.Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 107 с.
49. Забони адабии ҳозираи тоҷик: китоби дарсӣ барои мактабҳои олии. – Душанбе: Маориф, 1982. – Қ.1. – 462 с.
50. Зализняк, А.А. Константы и переменные русской языковой картины мира / А.А.Зализняк, А.Д.Шмелев, И.Б.Левонтина. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 691 с.
51. Замалетдинов, Р.Р. Соучастие языка и культуры – важный фактор повышения мотивации / Р.Р.Замалетдинов // Феномен развития в науках о человеке: матер. Международ. науч.-практ. конф. (21-22 октября 2004г.). – Пенза, 2004. – С.13-14.
52. Заметки о женских образах в «Шахнаме» // Труды Тбилисского университета. – Тбилиси, 1965. – Т.116, вып.5. – С.181-197.
53. Зыкова, И.В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии / И.В.Зыкова. – М.: УРСС, 2003. – 211с.
54. Иванова, И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка: учебник / И.П.Иванова, В.В.Бурлакова, Г.Г.Почепцов. – М.: Высшая школа, 1981. – 285 с.
55. Имомзода, М.М. Национальная специфика языковой объективации концепта "семья" в лексико-фразеологической и паремиологической системах

- таджикского и китайского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Имомзода Махина Мухаммадюсуф. – Душанбе, 2017. – 192 с.
56. Искандарова, Д.М. Перспективы развития фундаментальных и прикладных лингвистических исследований в Республике Таджикистан / Д.М.Искандарова. – Душанбе, 2013. – С. 9-12.
57. Исроилова, Т. Образ мужчины и женщины в таджикском рубои / Т.Исроилова // Гендер: забон ва адабиёти тоҷик: Маҷмӯи маърузаҳо. – Будапешт; Душанбе, 2001. – С.40-42.
58. Камолова, С.Дж. Лингвокультурологическое исследование гендерной лексики русского и таджикского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Камолова Сабохат Джалоловна. – Душанбе, 2010. – 177с.
59. Карамшоев, Д. Из поведения и творчества женщин Бадахшана / Д.Карамшоев // Гендер: забон ва адабиёти тоҷик: Маҷмӯи маърузаҳо. – Будапешт; Душанбе, 2001. – С.17-22.
60. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. – Волгоград; Архангельск, 1996. – С.7-15.
61. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н.Караулов. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 264 с.
62. Каримова, Н.И. Пространство как категория концептуализации языковой картины мира (на материале русского, польского и таджикского языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Каримова Наргис Ильхамбековна. – Душанбе, 2020. – 451 с.
63. Кирилина, А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В.Кирилина. – М., 1999. – 189 с.
64. Кирилина, А.В. Развитие гендерных исследований в лингвистике / А.В.Кирилина // Филологические науки. – 1998. – №2. – С.51-58.

65. Кирилина, А.В. Некоторые итоги гендерных исследований в российской лингвистике / А.В.Кирилина // Гендер: Язык, Культура, Коммуникация: матер. III Междун. конф. (27-28 ноября 2003 г.). – М., 2003. – С.74-78.
66. Кирилина, А.В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике / А.В. Кирилина // Общественные науки и современность. – 2000. – №4. – С.138-143.
67. Кирилина, А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: учеб. пособие / А.В.Кирилина. – М.: РОССПЭН, 2004. – 252с.
68. Кирилина, А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Кирилина Алла Викторовна. – М., 2000. – 369 с.
69. Кирилина, А.В. Новый этап развития отечественной лингвистической гендерологии / А.В.Кирилина // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: матер. Междунар. науч. конф. (Иваново, 25-26 июня 2002 г.): в 2 ч. Ч. 2. История, социология, язык, культура. –Иваново, 2002. – С.238-242.
70. Ключанов, И.Э. Динамика межкультурного общения: к построению нового концептуального аппарата: дис... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Ключанов Игорь Энгелевич. – Тверь, 1999. – 290 с.
71. Колосова, О.А., Когнитивные основания языковых категорий (на материале современного английского языка): дис. ... д-ра филол. наук: 0.02.19 / Колосова Ольга Николаевна. – М., 1996. – 325 с.
72. Колшанский В.Г. Объективная картина мира в познании и языке / В.Г.Колшанский. –М.: КомКнига, 2006. – 228 с.
73. Комарова, З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учеб. пособие / З.И.Комарова. – Екатеринбург: УРФУ, 2012. – 817 с.
74. Кон, И.С. Мужские исследования: меняющаяся мужественность в изменяющемся мире / И.С.Кон // Введение в гендерные исследования: учеб.

- пособие: в 2 ч. / под ред. И.А.Жеребкиной. – СПб.: Алтейя; Харьков: ХЦГИ, 2001. – Ч.1. – С.562-599.
75. Кон И.С. Лики и маски однополой любви. Лунный свет на заре: учеб. пособие / И.С.Кон. – М., 1998. – 485 с.
76. Корнилов, О.А. Лексико-семантическая группа и терминсистема энтомосемизмов как лексические проекции фрагмента понятийной картины мира на два вида человеческого сознания / О.А.Корнилов // Новая литература по социальным и гуманитарным наукам. Языкознание. – 1993. – №8. – С.18-25.
77. Костерина, И.В. Практики маскулинности в молодежных группах / И.В.Костерина // Социологические исследования. – 2010. – №1. – С.116-123.
78. Красных, В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций / В.В.Красных. – М.: ИТДТК «Гнозис», 2001. – 270 с.
79. Крючкова, Т.Б. Некоторые экспериментальные исследования особенности использования русского языка мужчинами и женщинами / Т.Б. Крючкова // Проблемы психолингвистики. – М.: Ин-т Языкознания, 1975. – С.186-199.
80. Кямилев, С.Х. Языковая ситуация и некоторые вопросы языковой политики в арабских странах / С.Х.Кямилев // Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки. – М., 1970. – С.85-92.
81. Қосимова, М.Н. Таърихи забони адабии тоҷик (асрҳои IX-X) / М.Н.Қосимова. – Ч.1. – Душанбе, 2012. – -С.180-182.
82. Ласкова, М.В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики / М.В. Ласкова. – Ростов н/Д, 2001. – 192 с.
83. Лейвен-Турнцова, И. Ван. Левое и правое как женское и мужское (европейский ареал) / И. Ван Лейвен-Турнцова // Гендер: язык, культура, коммуникация: доклады I-й Междунар. науч. конф. – М.: МГЛУ, 2001. – С.233-244.

84. Леонтьев, А.А. Языковое сознание и образ мира / А.А.Леонтьев // Языковое сознание: тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации (г.Москва, 30 мая – 2 июня 1988 г.). – М.: ИЯ АН СССР, 1988. – С.105-106.
85. Леонтович, О.А. Системно-динамическая модель межкультурной коммуникации между русскими и американцами: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Леонтович Ольга Аркадьевна. – Волгоград, 2002. – 502 с.
86. Мамедова, М.Дж. Концепт "Ум" в китайской и русской языковых картинах мира (на материале фразеологических единиц, пословиц и поговорок): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Мамедова Мехрангиз Джахангировна. – Душанбе, 2015. – 245 с.
87. Мартынюк, А.П. Об отражении женских и мужских стереотипов в языке / А.П.Мартынюк. – Харьков, 1986. – Деп. в ИНИОН АН СССР №28098. – 13 с.
88. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высших учеб. заведений / В.А.Маслова. – М.: Академия, 2001. – 201 с.
89. Мачидов, Ҳ. Забони адабии муосири тоҷик / Ҳ.Мачидов. – Душанбе: Деваштич, 2007. – Ҷ.1. – 243 с.
90. Мерцалова, М.Н. Костюм разных времён и народов: в 4 т. / М.Н.Мерцалова. – М.: Академия моды, 2001. – Т.3-4. – 576 с.
91. Мид, М. Культура и мир детства / М.Мид. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
92. Миньяр-Белоручев, Р.К. Теория и методы перевода / Р.К.Миньяр-Белоручев. – М.: Московский лицей, 1996. – 207 с.
93. Мирбобоев, М. Этика Джалолидина Давони / М.Мирбобоев. – Душанбе: Дониш, 1992. – 140 с.
94. Мирзозода, Х. Таърихи адабиёти тоҷик / Х.Мирзозода. – Душанбе: Маориф, 1987. – К.1. – 486 с.
95. Михельсон, М.И. Ходячие и меткие слова: сб. русс. и иностр. цитат и пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов / М.И.Михельсон. – СПб.: Тип Ак.наук, 1896-1912. – 2208с.

96. Налимов, В.В. Спонтанность сознания: вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности / В.В.Налимов. – М., 2011. – 399 с.
97. Никонов, В.А. Имя и общество / В.А.Никонов. –М., 1974. – 187с.
98. Озер, С.П. Структурно-семантическая соотносимость лексики одежды в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Озер Саяна Прокопьевна. – Душанбе, 2016. – 245 с.
99. Ольшанский, И.Г. Языковые и культурологические стереотипы с гендерных позиций / И.Г.Ольшанский // Гендер: Язык, культура, коммуникация: доклады I-й Междунар. науч. конф. – М.: МГЛУ, 2001. – С.267-272.
100. Першай, А. Колонизация наоборот: гендерная лингвистика в бывшем СССР / А.Першай // Гендерные исследования. – Харьков, 2002. – Вып.7-8. – С.236-249.
101. Поплевко, А.В., Надольская, Е.П. Гендерное различие мужской и женской речи / А.В.Поплевко, Е.П.Надольская // Идеи. Поиски. Решения: сб. статей и тезисов X Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 23 ноября 2016 г.): в 6 ч. – Минск: БГУ, 2017. – Ч.2. – С.87-96.
102. Потапов, В.В. Язык женщин и мужчин: фонетическая дифференциация / В.В.Потапов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 1997. – Т.56. – №3. – С.52-60.
103. Пушкарева, Н.Л. Гендерная лингвистика и исторические науки / Н.Л.Пушкарева. – М., 2001. – 123 с.
104. Рахимов, Д. Толкование женских снов в таджикском фольклоре / Д.Рахимов // Гендер: забон ва адабиёти тоҷик: Маҷмӯи маърузаҳо. – Будапешт; Душанбе, 2001. – С.69-78.
105. Раҳмонов Р. Гендер ва афсонаҳои тоҷикӣ / Р.Раҳмонов // Гендер: забон ва адабиёти тоҷик: Маҷмӯаи маърузаҳо. – Будапешт; Душанбе, 2001. –С.52-55.

106. Резанова, З.И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты / З.И.Резанова, Н.А.Мишанкина, Д.А.Катунин. – Воронеж, 2003. – Ч.1. – 210 с.
107. Резанова, З.И. Гендерная метафора: типология, лексикографическая интерпретация, контекстная репрезентация / З.И. Резанова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2011. – №2(14). – С.47-57.
108. Резван, Е.А. Коран и его мир / Е.А.Резван. –СПб., 2001. – 608 с.
109. Робинсон, Д. Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода / Д.Робинсон; пер. с англ. М.В.Скуратовская, Д.А.Туганбаева, Н.Г.Шахова. – М.: Кудиц-Образ, 2005. – 301 с.
110. Романов, А.А. Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб / А.А.Романов. – М.: ИЯ РАН, 2005. – 122 с.
111. Рустамов, Ш. Исм: категорияҳои грамматикӣ, калимасозӣ ва мавқеи исм дар системаи ҳиссаи нутқ / Ш.Рустамов. – Душанбе: Дониш, 1981. – 216с.
112. Рыбакин, А.И. Словарь английских фамилий / А.И.Рыбакин. – М.: АСТ., 2000. – 576 с.
113. Рылов, Ю.А. Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов: монография / Ю.А.Рылов, В.В.Корнева, Н.В.Шеминова. – Воронеж, 2010. – 389 с.
114. Рябов, О.В. Матушка-Русь: опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии / О.В. Рябов. – М.: Ламодир, 2001. – 202 с.
115. Садохин, А.Н. Межкультурная коммуникация: учеб. пособие / А.Н.Садохин. – М.: Альфа-М, 2004. – 288 с.
116. Саидов, С. Адабиёти қадим: аз замонаҳои қадим то асри VIII / С.Саидов. – Душанбе, 2010. – 228 с.

117. Сафаров, У. Вазоифи умдаи пажӯҳишоти гендерӣ дар адабиётшиносии тоҷик / У.Сафаров // Гендер: забон ва адабиёти тоҷик: Маҷмӯаи маърузаҳо. – Будапешт; Душанбе, 2001. – С.5-9.
118. Сергиева, Н. С. Хронотоп жизненного пути в русском языковом сознании: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Сергиева Наталья Станиславовна. – М., 2009. – 42 с.
119. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б.А.Серебренников, Е.С.Кубрякова, В.И.Поставаловаи. – М., 1988. – 216 с.
120. Симои маънавии занон дар «Шохнома». – Душанбе, 1990. – 20с.
121. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка / А.И.Смирницкий. – М., 1955. – 59 с.
122. Смирнова, О.В. Гендерная проблематика / О.В. Смирнова // Проблематика СМИ. – М., 2008. – С.223-238.
123. Смирнова, О.М. Гендер / О.М. Смирнова // Гендерные отношения: учеб.-метод. пособие. – С.6-17.
124. Снегирь, Д.И. Гендерный аспект языковой ситуации в арабском мире / Д.И. Снегирь. – СПб., 2018. – С.9-10.
125. Сопоставительный анализ гендерного аспекта языка // Мир языков: ракурс и перспектива: матер. I-й Междунар. науч.-практ. конф. (25 марта 2016г.). – Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. –С.105-113.
126. Таджикистан: Страновая гендерная оценка // АБР. – Мандалуёнг, Филиппины, 2016. – 106 с.
127. Телия, В.Н. Семантический прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М., 1996. – 284 с.
128. Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н.Д.Арутюнова; общ. ред. Н.Д.Арутюнова, М.А.Журинская. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.

129. Уфимцева, Н. В. Языковое сознание как отражение этнокультурной реальности / Н.В.Уфимцев // Вопросы психолингвистики / гл. ред. А.А.Леонтьев. – 2003. – № 1. – С. 102-110.
130. Фатхуллоев, С. Положение женщин в героическом эпосе / С.Фатхуллоев // Гендер: забон ва адабиёти тоҷик: Маҷмӯи маърузаҳо. –Будапешт; Душанбе, 2001. – 49 с.
131. Фирсова, Н.М. О национальных характерах испаноязычных и англоязычных народов в сопоставительном плане / Н.М.Фирсова // НДВШ. Филологические науки. – 2004. – №2. – С.51-57.
132. Халеева, И.И. Гендер в теории и практике обучения межъязыковой коммуникации / И.И.Халеева // Гендер: Язык, культура, коммуникация: доклады I-й Междунар. науч. конф. – М., 2001. – С.7-11.
133. Худойбердиева, Д.Ч. Этнолингвистический и структурный анализ лексики женской одежды и моды в разносистемных языках: на материале русского, таджикского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Худойбердиева Джамила Чоршанбиевна. – Душанбе, 2019. – 180с.
134. Хасанов, А.А. Сохранение лексических особенностей и грамматических конструкций таджикского языка в северных говорах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.22 / Абдужамол Ашрафович Хасанов. – Душанбе, 2004. – 46 с.
135. Ҳасанов, А.А. Маҳфузии хусусиятҳои лексикӣ ва қолабҳои грамматикӣ осори садаҳои X-XIII дар ғӯиши шимоли забони тоҷикӣ. Рисолаи доктори илмҳои филологӣ: 10.02.22 / Абдужамол Ашрафович Хасанов. – Душанбе, 2004. – 351 с.
136. Чукчи. Ч.П. Религия / авториз. пер. с англ. В.Г.Богораз; под ред. Ю.П.Францова. – Л., 1939. – 131 с.
137. Швейцер, А.Д. Современная социоллингвистика: теория, проблемы, методы / А.Д.Швейцер. – М.: Наука, 1976. – С.133-134.
138. Швейцер, А.Д., Никольский, Л.Б. Введение в социоллингвистику / А.Д.Швейцер, Л.Б.Никольский. – М., Высшая школа, 1978. – 216 с.

139. Шукуров М, Демидчик Л. Насри Чалол Икромӣ / М.Шукуров, Л.Демидчик. – Душанбе: Дониш,1979. – С.86-87.
140. American Literature-Student: Cultural Influences of Early to Contemporary Voices / James Stobaugh // A rose for Emily / Wiliam Faulkner. – 2012. – P.398.
141. Ardener, E. Belief & the Problem of Women & the ‘Problem’ Revisited / E.Ardener // Feminist Anthropology. – Boston, 2006. – P.47-66.
142. Cameron, D. Introduction: Why Is Language a Feminist Issue? / D.Cameron // The Feminist Critique of Language. – 2nd edition. – London: Routledge, 1999. – P.1-21.
143. Cameron, D. The Myths of Mars and Venus: Do Men and Women Really Speak Different Languages? / D.Cameron // Oxford University Press. – 2007. – P.51.
144. Chamberlain, Lori. Gender and the Metaphors of Translation / Lori Chamberlain // The University of Chicago Press. – 1988. – №3. – P.454-472.
145. Cunthner, S., Kotthoff, H. Von fremden Stimmen. Wiebliches und mannliches Sprechen im Kulturvergleich / S.Gunthner, H.Kotthoff. – Frankfurt am Mein, 1991. – P.412.
146. Collins Cobuild Idioms Dictionary. – Bishopbriggs; Glasgow, 2020. – P.128-129.
147. Fraser, B. The interpretation of novel metaphors / B.Fraser // Metaphor and Thought. – New-York, NY: Cambridge University Press, 1998. – P.329-341.
148. Freed, A.F. Language and Gender Research in an Experimental Setting / A.F.Freed // Rethinking Language and Gender Research: theory and practice / V.L.Bergvall, J.M.Bing, A.F.Freed. – London: Addison Wesley Longman Limited, 1996. – P. 54-76.
149. Gentzler, E. Contemporary Translation Theories / E.Gentzler. – L.; N.Y., 1993. –P.220.
150. Gordon, L. «Dependency» Demystified: Inscriptions of Power in a Keaword of the Welfare state / L.Gordon // Social policy. – 1994. – P.4-30.

151. González-Márquez, M. et al. *Methods in Cognitive Linguistics* / M.González-Márquez, I. Mittelberg, S. Coulson, M.J. Spivey (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007. – P. 53-86.
152. Gudikunst, W.B., Kim, Y.Y. *Communicating with Strangers* / W.B.Gordon, Y.Y.Kim. – Boston, 1997. – P.12-13.
153. Hall, E.T., Hall, M.R. *Hidden differences: doing business with the japanese* / E.T.Hall, M.R.Hall. – New-York, 1990. – P.172.
154. Herring, S.C. *Gender differences in CMC: Bringing Familiar baggage to the new frontier* / S.C.Herring. – Boston, 1996. – P.144-154.
155. Hofstede, G. *Lokales Denken, globales Handeln: Kulturen, Zusammen arbeit und Management* / G.Hofstede. – Munchen, 1997. –P.193.
156. Holmes, J. *Functions of you know in women's speech* / J.Holmes // *Language in society*. – 1986. – №15. – P.1-22.
157. Hyde, J.Sh. *The Gender Similarities Hypothesis* / J.Sh.Hyde // *American Psychologist*. – 2005. – Vol.60, №6. – P.590.
158. James, D. *Women, men and interruptions* / D.James, S.Clark // *Gender and Conversational Interaction* / D.Tannen. – New-York: Oxford University Press, 1993. – P.231-280.
159. Jespersen, O. *Language: Its Nature, Development and Origin* / O.Jespersen. – London: G. Allen and Unwin, 1922. – P.448.
160. Jespersen, O. *An International Language* / O.Jespersen. – New-York, 1941. – P.223.
161. Joice Carol Oates., Sherwood Anderson. *The Oxford Book of American Short Stories* / Joice Carol Oates; Sherwood Anderson. – New-York: Oxford University Press, 1992. –P. 896.
162. Konishi, Toshi. *Language and thought: A cross – cultural study on the connotations of gender* / Toshi Konishi. – Los Angeles: University of California, 1991. – P. 519.

163. Kramarae, C. *Women and men Speaking* / C.Kramarae. – London: Newbury House, 1975. – P.43-56.
164. Labov, W. *Variation in Language* / W.Labov // *The Learning of Language*. National Council of Teachers of English. – New-York, 1971. – P.187-221.
165. Lakoff, R. *Language and Woman's Place* / R.Lakoff. – New-York, 1975. – P.328.
166. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors we live by* / G.Lakoff, M. Johnson. – London: University of Chicago Press, 2003. – P.256.
167. *Language and Woman's Place* Author(s): Robin Lakoff Source: *Language in Society*, Published by: Cambridge University Press Stable. – 1973. –P.45-80.
168. Lawrence, D.H. *The Question of Gender in our Times* / D.H.Lawrence // *Open Edition Journals*. – London: Hogarth Press, 1977. – P.84.
169. Lincoln, P. *Dual linguism: Passive Bilingualism in Action* / P.Lincoln // *Te Reo*. Journal of the Linguistic Society of New Zealand Auckland. – 1979. – Vol. 22-23. – P.65-72.
170. Mary, J. Evans. *The Women's Study Bible New Living* / J. Evans Mary. – Oxford University Press, 2009. – P.117.
171. Max Brand. *The Legend of Thunder Moon* / B.Max. – London: University of Nebraska Press, 1996. – P.160.
172. McElhinny, B. *Theorizing Gender in Sociolinguistics and Linguistic Anthropology* / B.McElhinny // Holmes J., Meyerhoff M. *The handbook of language and gender*. – Oxford, 2003. – P.21-42.
173. Ortony, A. *Metaphor, Language, and Thought* / A.Ortony // *Metaphor and Thought*; ed. by A.Ortony. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P.42-57, 329-341.
174. Pamela, S., Hammons. *Gender, Sexuality, and Material Objects in English Renaissance Verse* / S.Pamela., Hammons. – New-York: University of Miami USA, 2010. – P.223.
175. Pinker, S. *The stuff of thought*. Penguin / S.Pinker. – 2008. – P.279-322.

176. Rahmoni 2002 – Rahmoni R. Tajik Women as Folktale Tellers: Tales in Tradition. –M.: Publishing House "Humanitary", 2002. – P.72.
177. Robinson, P. Attention, Memory and the “Noticing” Hypothesis / P.Robinson // Language Learning. – 1995. – №45. – P.283-331.
178. Samovar, L.F. Intercultural Communication: A reader / L.F.Samovar, R.E.Porter. – Belmont, CA., 1972. – P.343.
179. Sara Davidson. Loose Change: Three Women of the Sixties / Sara Davidson // University of California Press Berkeley and Los Angeles. – California, 1977. – P.24.
180. Sciarone, B. Proper names and their meaning / B. Sciarone. – 1967. – P.184.
181. Shaw, G.B. Pygmalion by George Bernard Shaw / The Pennsylvania State University. – 2004. – P.24-81.
182. Shibles, W. Metaphor: An annotated bibliography and history / W.Shibles. Whitewater. – Wisconsin, 1971. – 414 p.
183. Stowasser, B. Women in the Qur'an, Traditions, and Interpretation / B.Stowasser. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1994. – P.126-137.
184. Suzanne, R. Communicating Gender / R.Suzanne. – 1999. – P.78-141.
185. Tadjbakhsh, Sh. Between Lenin and Allah: Women and Ideology in Tajikistan / Sh.Tadjbakhsh // Women in Muslim Society. – Lynne Reinner Publishers Inc. – 1998. – P.64-73.
186. Tadjbakhsh, Sh. The Analysis of the Survey on Economic Status of Women in Tajikistan / Sh.Tadjbakhsh. – Dushanbe, 1996.
187. Tafel, K. Die Frau im Spiegel der russischen Sprache / K.Tafel. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1997. – 237 p.
188. Thomas, G. Duncan. A Companion to the Middle English Lyric / Thomas G. Duncan. – 2005. – 275 p.
189. Taylor, A. The Proverb / A.Taylor. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1931. – 3 p.
190. Walmsley, J. Brit-Think, Ameri-Think: A Transatlantic Survival Guide, Revised edition / J.Walmsley. – Penguin, 2003. – P.60-73.

191. Wardhaugh, R. & Fuller, Jannet M. An Introduction to Sociolinguistics / Wardhaugh R. & Fuller Jannet. – M.: Seventh Edition, 2015 – P. 314-315.
192. Weiss, D. Kurica ne ptiza, baba ne chelovek / D.Weiss // Slavische Linguistic. – 1987. – P.413-443.
193. Whiting, B. J. When Evensong and Morrowsong Accord: Three Essays on the Proverb / B.J.Whiting. – Cambridge, Mass.: Department of English and American Literature and Language, Harvard University, 1994. – 80 p.
194. Wigel, S. Topographien der Geschlechter: Kulturgeschichtliche Studien zur Literatur / S.Wigel. – Reinbek: Rowohlt, 1990. – 285 p.

Словари и источники

195. Баҳманёр. Сармаддеҳ / Баҳманёр. – Душанбе: Деваштич, 2002. – 394с.
196. Грей, Дж. «Мужчины с Марса, женщины с Венеры» / Джон Грей. – Изд. София, 2020. – 350 с.
197. Давлатова, М. Вожаномай тафсирии истилоҳоти гендерӣ // Краткий гендерный глоссарий / В.Давлатова. – Душанбе: Адиб, 2005. – 104с.
198. Икромӣ, Ҷ. Духтари оташ / Ҷ.Икромӣ. – Душанбе: Адиб, 2009. – 560с.
199. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И.Ожегов, – М.: Рус.яз, 1986. – 797 с.
200. Суруш. Ҷазираи танҳой / Суруш. – Душанбе, 2009. – 264 с.
201. Таннен, Д. «Ты меня не понимаешь (Почему мужчины и женщины не понимают друг друга)» / Д.Таннен. – М.: Изд-во «Персей, АСТ», 1996. – 61 с.
202. Кунин, А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А.В.Кунин. – 5-е изд., перераб. – М.: Русский язык-Медиа, 2006. – 1210с.
203. Муҳаммадиев, Ф. Куллиёт / Ф.Муҳаммадиев. – Душанбе: Адиб, 1990. – 378 с.
204. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д.Н.Ушаков. – М.: Альта-Принт, 2005. – 1239 с.
205. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ: иборат аз ду чилд. – Душанбе, 2008. – Ҷ.1. – 950 с.

206. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ: иборат аз ду ҷилд. – Душанбе, 2008. – Ҷ.2. – 945 с.
207. Энциклопедический словарь: в 45 т. / под ред. проф. И.Е.Андреевского. – СПб, 1890-1907.
208. Энциклопедия персидско-таджикской прозы: Кабуснаме. Синбаднаме. Сказки. – Душанбе, 1986. – 478 с.

Электронные ресурсы и интернет-источники

209. Блохина, Н. Понятие гендера: становление, основные концепции и представления. [Электронный ресурс] / Н.Блохина. – Режим доступа: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/blohina.htm> (дата обращения: 23.09.2020)
210. Горошко, Е. Гендерная проблематика в языкознании. [Электронный ресурс] / Е.Горошко – Режим доступа: <http://www.owl.ru/library/043t.htm>
211. Кирилина, А.В. Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка в коммуникации. [Электронный ресурс] / А.В Кирилина // Общество и гендер. – Рязань 2003. – Режим доступа: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/kirilina1.htm>
212. Михайлова, А.Г. Социокультурный подход к изучению гендера. [Электронный ресурс] / А.Г.Михайлова // Вестник СевДТУ. Вып.96: Педагогика: Науч.пр. – Севастополь: Из-во СевНТУ, 2009 – С.41-43. – Режим доступа: <https://articlekz.com/article/22886>
213. Мужская и женская речь – Словарь гендерных терминов. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/gender/112.htm>
214. Муллоев, Ш.Б. Культура речи при освещении гендерных вопросов на страницах русскоязычных газет Таджикистана. [Электронный ресурс] / Ш.Б.Муллоев. – Режим доступа: <https://mulloevsharif.wordpress.com>
215. Сарсембаева, Р. Б. Реализация гендерной политики в исламских странах (аналитический обзор). [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://e-islam.kz/ru/islam-zhane-qagam/vnutrenniekategorii/islam-zhane-aiel/item/530-eislam>

216. Словари и энциклопедии на Академике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/>
217. Словарь идиом или паремий английского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.pdfdrive.com/>
218. Троицкая, О.Г., Некоторые проблемы коммуникации с точки зрения гендерного анализа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [URL:http://www.isuct.ru/konf/antropos/section/1/troitskaya.htm](http://www.isuct.ru/konf/antropos/section/1/troitskaya.htm)
219. English Language Teaching; Vol. 9, No. 5; 2016 ISSN 1916-4742 E-ISSN 1916-4750 Published by Canadian Center of Science and Education
220. Maugham, S.W. Of Human Bondage. [Электронный ресурс] / S.W.Maugham. – Режим доступа: <http://gutenberg.net>
221. The effect of teacher gender of student achivements in primary school discussion paper serious. March 2012. Thornhill. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <ftp.iza.org>
222. Thornhill, T. New Zealand bans families from calling their baby ‘Lucifer’ and ‘Adolf Hitler.’ [Электронный ресурс] / T.Thornhill. – Режим доступа: <http://www.dailymail.co.uk/news/article>
223. Walker, J.A. Gender-related events in psychotherapy supervision: Female Trainee perspectipes. [Электронный ресурс] / J.A.Walker, A.Jessica. – Режим доступа: <https://psycnet.apa.org/record/2008-00058-003>
224. <http://dx.doi.org/10.5539/elt.v9n5p46>
225. <https://owlcation.com/humanities/Kiplings-The-Female-of-the-Species>
226. <https://dictionary.cambridge.org>
227. <https://ftp.iza.org>
228. <http://eacharya.inflibnet.ac.in>
229. <https://www.islamreligion.com/ru/articles>
230. <http://knowledge.allbest.ru>
231. <http://reggae-lyrics.com>
232. <http://pda.litres.ru>

233. <http://www.checkyourself.org>
234. <http://www.dailymail.co.uk/news/article>
235. <http://www.lexicon-express.kz/источник:souzperevod.ru>
236. <http://www.infolex.ru>
237. <http://news.tajweek.tj>
238. <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
239. <http://gutenberg.net>
240. <http://linguistics/chdu/edu/ua/article/view/28151/25078>
241. <http://www.dissercat.com>
242. <https://caa-network.org>
243. <https://islam.global>
244. <https://mulloevsharif.wordpress.com>
245. <https://scientificrussia.ru>
246. <https://slovar-vocab.com/english>
247. <https://translate.academic.ru>
248. <https://vk.com/wall>
249. <https://moluch.ru/conf/phil/archive>
250. <http://ansor.info/sher-dar-borai-modar>
251. <http://www.kmt.tj/content>
252. www.women.far.ru/main
253. <http://www.owl.ru/library>
254. <https://books.google.com.tj>
255. <https://megalektsii.ru>
256. <https://www.poetryfoundation.org>
257. <https://www.pinterest.ru>
258. <https://www.shoir.tj/poem.php>
259. <https://dictionary.cambridge.org>
260. <https://booksonline.com.ua>
261. <https://rustih.ru/redyard-kipling-mater-moya>
262. <https://stihi.ru>

263. <http://www.russ.com.ru>

264. http://royallib/com>halpern_dayana

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица результатов проведенного исследования по выявлению особенностей межъязыковой передачи лексики гендерной маркировки

Картина	Проблемы передачи	Метод разрешения
Гендерно ориентированная лексика		
Межъязыковая передача лексики гендерной маркировки	Невозможное определение гендерной идентичности из-за отсутствия категории рода в таджикском языке, а также неустойчивость лексических единиц имеющих разную гендерную маркировку в таджикском и английском языках.	а) при переводе на английский язык, использованы гендерно маркированные местоимения : he, she; б) пути нейтрализации; в) применение лексических единиц, близких по смыслу. г) лексико-грамматические метаморфозы: замена частей речи при переводе, детализирование ; д) рассмотрение проблем языкового выражения гендерных отношений в таджикском языке с учетом лексических и семантических особенностей в данной языковой картине мира.
Метафоризация гендерной лексики		
Передача гендерно маркированных метафор	Разное восприятие и лингвистические традиции характерно уподобление данных лексем	а) корректные пути использования лексико-грамматических изменений, как: конкретизация, смысл, замена правильным тропом, сохранение образности б) правильный метод применения гендерной нейтрализации в) выявление оценочного компонента гендерных различий на метафорическом уровне.
Гендерные особенности наименований профессий и деятельности		
Применение в тексте социального статуса женщин в разных сферах	Появление и развитие в тексте новых лексических единиц и проблемы адекватной передачи гендерно нейтральных наименований	а) в таджикском языке большинство наименований профессий идут как гендерно нейтральные: омӯзгор, фурӯшанда, хизматгор. По правилам политкорректности в английском языке в названиях профессий происходит нейтрализация по половому признаку: <i>airline stewardess - flight attendant</i> б) способы словообразования феминитивов, путем применения суффиксов и добавления гендерных

		маркеров, как: male, man, female, зан, мард.
--	--	--

Таблица репрезентативного списка обоих типов

<i>neutral (мужчины)</i>	<i>women only (женщины)</i>
<i>great</i>	<i>adorable</i>
<i>terrific</i>	<i>charming</i>
<i>cool</i>	<i>sweet</i>
<i>neat</i>	<i>lovely, divine</i>